

Людмила Игоревна Белякова Смерть на кончике пера

Работа и жизнь в маленьком городке столичному журналисту Андрею неожиданно понравились. Попадались истории просто уникальные. Особенно заинтересовала журналиста его предшественница Анна Коваленко – все герои опубликованных девушкой материалов вскоре после общения с ней или тяжело заболели, или умирали. Мысли об Анне теперь не выходили у Андрея из головы. Поводов еще больше разыграться воображению молодого человека добавили местные жители, совершенно уверенные в правдивости множества ходивших по окрестностям легенд о русалках и водяных конях. И в этой связи опять всплыло имя Анны. Андрей твердо решил найти таинственную женщину и докопаться до сути ее странной истории...

– Вы меня не слушаете, Андрей, – слегка укоризненно проговорила немолодая усталая женщина. – Я же сказала – никакая раскрутка мне не нужна.

– В других газетах публикации об экстрасенсах идут в очередь или на коммерческой основе, а я вам предлагаю вне очереди и бесплатно. Это вы меня не слушаете, Ксения Петровна.

Женщина укоризненно покачала головой:

– Я уже час рассказываю вам, что я не экстрасенс и никогда им не была. Я бух-гал-тер.

Материал летел в тартарары. Андрей уже представлял, что скажет ему главный редактор: «Ты, ведущий репортер газеты, двухметровый красавец блондин, не смог развести на интервью сорокалетнюю бухгалтершу?...»

Он посмотрел в окно, повертел в руках новенькую, только что купленную в соседнем киоске авторучку и бросился в новую атаку:

– А почему тогда люди говорят, что вы можете посмотреть на фотографию и сказать, жив человек или мертв, и никогда не ошибаетесь?

– Это было всего три раза, – словно оправдываясь, уточнила Ксения Петровна. – А сказала я так, чтобы люди надеялись.

– Но ведь вы знали, где их искать!

– Андрей, я живу в этом городе всю жизнь, помню, где сама лазала в детстве... Проживете здесь подольше – сами таким же экстрасенсом станете!

Хозяйка встала, надела передник и недвусмысленно поглядела на Андрея – а не пора ли тебе и честь знать, добрый молодец?

– Так вы не хотите дать интервью? О вашем даре?

– Никакого дара нет. Элементарные наблюдательность и внимание – я ж на деньгах двадцать лет сижу. И потом... Все эти целительницы – толстые, не обращали внимания? Я сама с трудом держусь, а если меня так, как их, разнесет...

Она махнула рукой и опять присела напротив.

– Они хорошо зарабатывают, – выложил последний аргумент Андрей.

– За это нельзя брать деньги.

– Ну, хоть судьбу напоследок предскажите. – Он нарочито безнадежно вздохнул. – Можете?

– Это каждый человек может.

– Как?

– Обыкновенно. Вот вы сейчас пойдете в свою редакцию...

– ...и получу от редактора по шее. Спасибо. Я действительно мог предсказать это сам.

Она тихо рассмеялась:

– Вам с самого начала дали неправильную информацию. Это не ваша вина.

– А на перспективу что-то можете предсказать? Ну, хоть на десять лет вперед?

– Так далеко я не вижу.

– А! – обрадовался Андрей. – Значит, все-таки вы ясновидящая?! Вот я вас и поймал!

Она опять смущенно улыбнулась, помолодела и похорошела.

– Тогда скажите, что меня ждет этой весной, летом... Вон как пригревает...

Ксения Петровна посмотрела на него повнимательнее, чуть склонила русую голову к плечу.

– Весной, летом вы... будете плутать, часто идти по ложному следу, но он-то и приведет вас к нужному месту. Вы только прислушивайтесь к себе.

Она осеклась. Еще раз внимательно посмотрела на него.

– Если вам самому надо будет – приходите. Знакомым я действительно... иногда помогаю. Порожек какой-то у вас на пути... знаете... как в лесу – отоптанный корень через тропинку...

Очередной номер сдавался в типографию по средам, поэтому четверг был чем-то вроде дополнительного, негласного выходного. В одной из двух комнат, которые занимала редакция, за выключенным компьютером вязала Валя, средних лет миленькая шатенка, ответственный секретарь.

– Борода на месте? – спросил Андрей, прекрасно зная, что главного редактора нет.

– Не-а, – ответила Валя, не отрываясь от рукоделия. – А оно тебе надо?

– Ни в коем разе, – буркнул Андрей.

– А, красивый, и тебя бухгалтерша бортанула? – Валя подняла на него смеющиеся глаза. – Ее Костик две недели обхаживал, и тоже без толку. Зато она сказала ему, где его мамка сережку золотую потеряла, наследственную.

– Нашли?

– Нашли.

В текущий номер Андрей дал полосу об одном преинтересном парнишке – воре и сыне вора. Папаша этого «гения» только полжизни провел на воле, успел, однако, родить наследника и между посадками обучить милое, голубоглазое создание основным приемам ремесла. Парень воровал – виртуозно, с фантазией, неплохо знал и лазейки в УПК. Разговаривая с Андреем в приемнике-распределителе, посетовал, что через полгода ему исполнится четырнадцать и попадаться уже будет нельзя – загудишь в колонию. В приемник Павлючок – фамилия у него была такая – попал не за кражу (за кражи он давно не попадался), а, можно сказать, за детскую шалость.

...Их всем классом повели на концерт в местную музыкальную школу. Павлючок ученической музыкой не прельстился, без особого труда ускользнул из малого зала, забрался в большой концертный зал, где выступлений приезжих знаменитостей ожидал трофейный «Бюхнер», из чистого любопытства разобрал рояль, рассовал по карманам клавиши из натуральной слоновой кости, несколько латунных молоточков и скрылся.

Директриса музшколы, очнувшись от обморока, заявила в милицию. Сыскари быстро сложили два плюс два, все остальное было делом техники. Раны старого немчуры оказались смертельными, поскольку Павлючок успел ко времени поимки раздарить и растерять большую часть добычи, оставшееся пошло на вещдоки. «Бюхнера» списали на мамку варвара, худую женщину с заплаканным лицом, наваяли гражданский иск в три тысячи у. е. Самого воришку – скорее от отчаяния и бессилия – отправили чуток посидеть.

– И чего базарят? – удивлялся парень, пялясь на Андрея невинными глазами. – Я же – эти три штуки им не найду? Была забота...

Но этот материал пойдет в следующем номере, завтра. Газете до зарезу нужны были забойные материалы. За полгода в городе появилось два новых издания, оба с хорошими спонсорами, туда перелетели все «лучшие перья». Средств работать себе в убыток у издателя было месяца на два-три, конечно, если газету не поддержат местные власти.

Полгода назад Андрея выманили из столицы на приличный для молодого журналиста оклад, оплачивали съемную квартиру в старом трехэтажном доме, и он был просто обязан давать в каждый номер полосный первоклассный материал...

– О чем задумался, супермен?

Рядом притормозил светлый москвичок. За рулем сидела Тамара, девица, на место которой пригласили Андрея. Он видел ее пару раз, когда та забирала вещи из редакции, но запомнил – яркая девушка. Она перебежала к конкурентам и сейчас вела страницу в дамском еженедельнике «Подмосковная мимоза».

– О вечном.

– Нет, о чем?

– Творческие проблемы.

– Ну слава богу. Я думала – личные...

– Настоящий журналист не отделяет личное от профессионального.

– Да? Буду знать.

Сама Тамара была толковой девчонкой, но не была профессионалом. Учитель иностранного языка, сбежавший в газету от скуки и бескормицы.

– Хочешь, тему сдам? Садись!

– Тут такое дельце, – по-деловому заговорила Тамара, нажимая на акселератор. – Только ты пристегнись, а то это такая история – улет.

История действительно оказалась еще та... Один местный фермер покупал у воинской части пищевые отходы. Когда среди них оказались какие-то желтоватые кирпичики, пахшие тухлыми яйцами, он внимания не обратил – наверное, списали какой-то старый пищекопцентрат.

Свинки жрали его так, что уши тряслись. А через некоторое время из загона раздались... взрывы. Несчастных хрюшек разметало кровавыми ошметьями по окрестностям. Хозяин решил, что его предприятие подверглось нападению конкурентов либо мусульманских экстремистов, и стал звонить в милицию. На взрывы милиция примчалась быстро, подоспел ОМОН. Вид деревенского подворья, заваленного разорванными свинными тушами, поверг в ужас даже бывалых мужиков.

Три дня подряд Андрей ездил на ферму, ожидал, что фермер придет в себя. Следователь городской прокуратуры, рассказывая о случившемся, едва сдерживал истерический смешок: те кирпичики, которые впарили бедняге крестьянину за пищевые отходы, оказались списанной, чуть ли не довоенного производства взрывчаткой, негодной даже для глушения рыбы – так думали военные. Но пережеванная свинками взрывчатка в желудках размякла, перебродила и... Вышло то, что вышло.

Андрей призвал на помощь все свое мастерство, описал, как на дереве зависла свиная голова с разинутой пастью – фотографии сделать не удалось: фотокор Костик был в отпуске, – и спросил, когда безобразия в армии перестанут давать повод для черного юмора?!!

Через неделю, получив номер газеты со свинками, вспомнил, что надо поблагодарить Тамару, и набрал номер «Мимозы». Резвой вострушки в редакции не оказалось, и Андрей со спокойной душой отправился на интервью к местному политику. Тот занял свой пост только что, заменил безнадежно больного шефа и безбожно пиарился.

Интервью прошло как по маслу: вопрос-ответ, вопрос-ответ. В конце политик поинтересовался, откуда взялся Андрей, и показал подшивку «Крестьянской газеты» со статьей о его предшественнике.

– Вот в таком же духе хотелось бы, – сказал политик, попивая ароматный красно-коричневый чай. – И хлестко, и по делу. Не знаете, где теперь эта девушка?

Подпись под статьей Андрею ничего не говорила – какая-то Анна Коваленко.

– Нет, сейчас такой в редакции нет.

Работы было на остаток дня – расшифровать диктофонную запись, распечатать и отнести на сверку заказчику.

Из редакции Андрей перезвонил Тамаре и все-таки засек ее в «Мимозе».

– А ты чего на мобильный не звонишь? – поинтересовалась она.

– А ты мне номер давала?

Брюнетка с крутыми кольцами кудрей, Тамара была не в его вкусе, но своими живыми черными глазами и натуральным румянцем могла свести с ума почти любого.

– Недостатка в поклонниках у тебя нет, но я просто обязан поблагодарить тебя. Свиная разрывная произвела на Бороду неизгладимое впечатление.

Слово за слово, они договорились вечером пятницы пойти в модный клуб.

Пятничным утром в редакции его сразу подхватил Борода:

– Андрюш, я понимаю, что это не твой уровень, но Валя отпросилась по семейным обстоятельствам. Набросай по-быстрому некроложек, а? Человек уважаемый был... А то я сам по горло занят.

Он сунул Андрею завивающийся в трубочку факс.

– Вот основные вехи славной жизни почившего, и еще, если успеешь, пролистай по-быстрому подшивку за ноябрь-декабрь – там должно быть большое интервью с ним – посмотри детальки для утепления образа, ладно?

Борода умильно взглянул поверх пластмассовых «лекторских» очков и юркнул к себе. До свидания с Тамарой было далеко. Андрей сел за компьютер, набил текст и, вспомнив

пожелание шефа, пролистал подшивку «Крестьянской газеты». Почти машинально взглянул на подпись, слегка удивился – там тоже значилась Анна Коваленко.

...Поди тоже в другое издание слиняла...

Главный был рад его оперативности. Андрей собрался было домой, но что-то дернуло за душу – он знал это иногда накатывавшее на него беспокойное состояние. Материал наклеивается!..

Вернулся к себе, еще раз пролистал подшивку за прошлый год.

Загадочная Анна Коваленко почти в каждом номере печатала по большой, полосной статье. По мелким мишеням не была – ее «клиентами» были люди с положением и званиями. Месяца три назад статьи исчезли – вероятно, ловкую интервьюерку перехватили конкуренты.

Встретиться с Тамарой они должны были на ближних подступах к клубу. В принципе Андрей танцев-плясок под оглушительную музыку не любил, шел только для поддержания полезной связи.

Тамара была одета в черное – блестящее, стильное, хоть и мрачноватое.

– Привет. Невероятно выглядишь.

Андрей заплатил за вход, и под тяжелым взглядом охранника они прошествовали внутрь. Народу оказалось немного, и они уселись за барную стойку.

– Пользуясь случаем, хочу поблагодарить тебя за помощь. Будь здорова!

Они чокнулись бокалами с коктейлем по местному рецепту, и тут Андрей почувствовал, что ему не о чем с Тамарой говорить. К счастью, она заговорила сама:

– Как там Борода?

– Нормально. На нем все и держится.

– Бородку не сбрил?

– Куда Бороде без бороды!

И тут Андрей вспомнил об интервьюерше.

– Том...

Она кивнула, блестящие, похожие на искусственные кудряшки упали ей на лицо. Журналистка отвела их за уши и уставилась на него, ожидая вопроса.

– Просвети меня, бедолагу приبلудного. Кто такая Анна Коваленко?

– А-ха-ха! – Девушка рассмеялась громко и, кажется, немного нарочито – видно, подействовал крепкий коктейль. – Анька тебя заинтересовала...

– Не она, ее материалы. Я по поручению Бороды подшивку просматривал, она полосу за полосой делала, а потом исчезла.

– У-у, это история еще та. Не хуже свинюшной. Еще коктейльчик закажешь – расскажу.

– Конечно, – разулыбался довольный Андрей. – Зачем же мы сюда пришли? Пить, гулять, беседовать.

Бармен намешал им еще по бокалу, и они отправились за дальний столик – у стойки становилось шумновато.

– Мы с этой Коваленко в одной школе работали, даже в одном педучилище. Только она на два года старше...

Тамара отхлебнула из бокала.

– Когда я пришла в ту школу работать, она там вела русский язык и литературу, только вышла замуж за учителя физкультуры. Ну, это был брак... Представляешь – этот му-у-у... – она хихикнула, – жик приходил в учительскую и вместо «здрассте» говорил: «Вы представляете, моя благоверная опять сожгла котлеты, так что я сегодня голодный и злой». Ну просто с грязью ее мешал. Тетки пожилые ему даже замечания делали – как вы можете так говорить о своей жене? Он на них чуть ли не с кулаками кидался – люблю, поэтому и воспитываю. Настоящий мезогинист.

– Кто?

– Мезогинист, деревня. Женоненавистник то есть.

– Ты где же таких слов-то набралась, а?
– В Интернете, где ж еще. Некоторые даже считают, что это сексуальное извращение. Ну, он над ней измывался, и все под тем предлогом, что добра желает. С таким добром и зла не надо... Фамилию она менять не хотела, так он со скандалом настоял.

– А почему не хотела?
– А что хорошего в этой коленке-коваленке? Плебс! – Она опять фыркнула. – У нее своя фамилия была классная – Озерных, а? Даже псевдонима не надо – Анна Озерных!

– И как все это кончилось?
– Как и должно было кончиться – года не прожили, она от него сбежала. Он бесился дико, потом Анька из школы свалила в газету. Он в редакцию приходил, орал, чтобы она к нему вышла, с охранником подрался – сильный же, мастер спорта... Ужас! Развод не давал, но их как бы автоматом развели, поскольку детей нет.

– Ну и отстал от нее физкультурник?
– Он никогда бы не отстал. Попал по пьяни в аварию, на байке, сломал бедро, как-то особенно зловредно, со смещением, а потом и вовсе помер – лечиться толком не хотел и схлопотал общий сепсис.

– А она?
– Пообтерлась в газете, вошла в штат, это уже при мне было. Ее Борода прям на руках носил. Месяцев, наверное, восемь мы проработали вместе, а потом она – как отрубилась. Подала заявление и ушла, даже уехала куда-то. Ей Борода замглавного сулил, она и слушать не стала – ах нет-нет, извините.

– Уехала из города?
– А что это мы все про нее?
Андрей улыбнулся:
– Ну... и про тебя тоже. Если б я про эту деву озерную не спросил, может, и про тебя ничего бы не узнал.

– Такой прием, да? Поделись профессиональным секретом с дилетанткой?
– Я никогда особенно вопросов на интервью не задаю. Человек говорит о том, что его волнует. Волнует его – взволнует и читателя.

...Потом они пили и танцевали. Андрей проводил Тамару до дома, из вежливости поцеловал в ушко и проследил, чтобы она вошла в лифт одна.

– Позвонишь? – спросила девушка, когда захлопывались дверцы.
– Куда я теперь без тебя?...

В субботу Андрей завернул в редакцию. Валя разбирала читательскую почту.
– Спасибо, что подстраховал, – сказала в ответ на приветствие.
– Это ты о чем? – не понял он.
– Да о некрологе.
– Забудь. Есть что-нибудь интересное?
– Ну, как сказать... В чисто психологическом плане. Почитай. Тут имеет место глубокая патология...

Она протянула ему несколько листов, исписанных ровными, разборчивыми строчками. Какая-то дама – «Малинина Е. В., пенсионерка, 82 года» – подробно описывала злодеяния своей соседки, молодки шестидесяти лет, которая своими подлостями сживала ее со свету. Например, жаловалась Малинина, та, живя на этаж выше, подкармливала птиц, гадить они слетались на ее балкон, поэтому ей пришлось на свою ничтожную пенсию его застеклить.

«А что, может получиться неплохой психологический очерк, – подумал Андрей. – Если за неделю ничего лучше не подвернется, сойдет и это».

– Валь, скажи Михал Юричу, что я пошел по письму.
– К склочнице?
– Зачем же такие тривиальные ходы? Обижаешь!
Ледяные натопыши, истекая двусмысленными струйками, таяли на припеке. На голых

ветках восторженно пищали воробьи. Жуть, сколько звука получается из такого крошечного создания!

«А не надо ли позвонить этой чернявой?... Бог с ней... Еще подумает, что я всерьез».

В сущности, ему неплохо жилось в этом городе, но связываться с ним навсегда – не хотелось. Нарботать побольше публикаций, и можно двигать в солидное московское издание. В кармане затренькал мобильник. Звонила Тамара.

– Спасибо за очаровательный вечер, – поблагодарил Андрей почти искренне.

– Чем занят, если не секрет?

– Иду на свидание с шестидесятилетней злодейкой.

– Закончишь – брякнешь?

– Спасусь – брякну.

Хрущоба, в которой проживали что-то не поделившие старушечки, находилась в старой части города. Сверившись с адресом на конверте, Андрей зашел в подъезд. Перед этим заметил, что только один балкон, угловой, на пятом этаже, остеклен. Значит, ему на четвертый, к птичнице.

Дверь открыла седая дама в байковом халате. Андрей привычным жестом предъявил корреспондентское удостоверение. Дама презрительно поджала губы.

– Опять гражданка Малинина в газету написала?

Андрей виновато улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, что есть, то есть, Клавдия Филипповна. Пустите бедного журналиста, а? Меня послали, и я должен отчитаться. Пожалуйста...

Андрей давно усвоил, что здесь, чисто по-деревенски, принято разуваться на пороге и чувствовал себя неуютно, сидя на людях при галстук и в носках.

Хозяйка пропустила его из прихожей в светлую комнату.

– Не удивляетесь? – Обвела вокруг рукой: – Ведь евроремонт.

Действительно, стены были покрыты жидкими, светло-абрикосового цвета обоями, вместо деревянной рамы стоял приличный стеклопакет. На этом фоне старомодная мебель выглядела чуть несуразно.

– Гражданке Малининой всем обязана. Чаю попьете, Андрей?

– Да, спасибо. А как гражданка М. это организовала?

– Уж не по доброй воле. Одно время, как нам телефоны установили, она повадилась... Да вы присаживайтесь.

Андрей примостился на шаткую, тонконогую кухонную табуретку.

– Катерина Васильевна приноровилась – то ко мне скорую помощь вызовет, то милицию... Потом хихикала, участковому глазки строила – мол, люди шуток не понимают. Когда он пригрозил у нее телефон снять, за объявления принялась. Увидит, фирма с выездом на дом ремонт холодильников производит, и вызовет их ко мне. Один раз аквариум привезли устанавливать – на полкомнаты – хоть купайся.

– Да, фантазия неисчерпаемая. Теперь, значит, соседка на эпистолярный жанр переключилась. По какой причине?

– Да вот, после ремонта, – хозяйка хитро улыбнулась, – и переключилась.

Она разлила чай по чашкам, присела у столика.

– Вызвала по телефону агента из ремонтной фирмы. Я опешила, когда они на пороге появились, со светом, с камерами... Я ведь у них тысячной клиенткой оказалась, юбилейной. Я протестовать пыталась, а они за три дня все сделали, пока я в пансионате отдыхала – и все за счет фирмы. По кабельному телевидению меня показывали, в газетах писали. Рекламная акция.

– Представляю, каково самочувствие гражданки М.! – легкомысленно хмыкнул Андрей.

– Представляете? – покачала головой Клавдия Филипповна. – Вряд ли. Ей от этого плохо с сердцем сделалось, она попыталась скорую вызвать, но они этот адрес знали,

приезжать не захотели, мол, опять хулиганский вызов. Чуть не померла!..

– А почему она именно на вас ополчилась?

– А больше не на кого. Над ней – никого. Сосед по лестничной клетке – старичок, он большей частью на даче. Другой сосед – офицер-отставник, она его боится. Да у нее такое всю жизнь творится. Наши семьи соседями были, через дом жили, в Озерках – за городом, как в Москву ехать. Я-то помоложе, помню, как она в первый раз замуж выходила. Красивая была, ее люди русалкой звали, за светлые волосы... Только муж у нее через полтора года зачах, непонятно от чего. Перед войной опять замуж вышла – недолго горевала, родила. Муж с войны вернулся. Но долго не прожил – умер от сердца. На фронте четыре года без ранений, а тут... От пули немецкой ушел, а от жены родной через год помер. Я и не знаю, в который раз она вдовая – в четвертый, в пятый. Ее народ за глаза стал «черной вдовой» да «паучихой» звать, а она – смеется: «Бог дал – Бог взял, другого найду»... Вы к ней пойдете?

– А как же.

– Долго не сидите, а то захвораете.

– Я думаю, мне это не грозит, – усмехнулся Андрей. – А у нее кто-то еще есть, родные, внуки?

– Сын из-за нее тоже раза три женился. Она его сама разводила... Капала на мозги, пока он не уходил от жены. Была еще внучка, но куда-то делась. Сами спросите.

...Восьмидесятилетняя русалка долго не открывала, Андрею пришлось кричать через железную дверь, что он из газеты, по ее письму. Из двери напротив выглянул пузатый мужчина в белой майке – верно, отставник.

В щелку, перетянутую цепочкой, на Андрея глянули выцветшие, с красными прожилками зеленоватые глаза. Андрей показал удостоверение и письмо, еще раз повторил, что из газеты.

– Долго шли, – прошипела гражданка М., пропуская его в квартиру.

В коридоре было надсадно-душно, откровенно воняло старухой.

– Письмо пришло вчера. Сегодня я у вас, – терпеливо объяснил Андрей. – Все достаточно оперативно.

Гражданка М. провела его в комнату, застеленную разлохматившимися, домашнего тканья половиками, усадила на протертый стул, посреди комнаты перед окном, в которое заглядывало солнце.

Андрей почувствовал себя как на допросе в гестапо.

Почти напротив него стояло некое сооружение вроде комода, покрытое вязаной скатеркой. На нем красовалось несколько фотографий, старых, черно-белых, одиночных и групповых, причем, как заметил Андрей, больше мужских.

«Коллекция Дианы-охотницы», – усмехнулся про себя.

Из более или менее новых фото было только одно, цветное, – молоденькая девушка, школьница, с типично славянскими чертами лица и длинными светлыми волосами, – должно быть, внучка.

– Ну и что вы мне скажете, молодой человек? – проскрипела М., тяжело опускаясь в кресло.

– Я хотел вас послушать.

– Там все написано – соседка меня со свету сжить хочет. – М. скривила бесцветные губы. – Я ее еще девчонкой помню, она всегда хулиганкой была.

– Ваша соседка, насколько мне известно, имеет правительственные награды за доблестный труд на благо Родины и персональную пенсию...

Старуха заерзала, глянула куда-то в сторону.

– Они меня ненавидят! Все!

– За что, Екатерина Васильевна?

– За то, что я красивая была!

– Ну, женщина вы, безусловно, до сих пор очень интересная, но не думаю, что это

повод для особой ненависти.

Наверное, сказано это было естественно: старуха вдруг как-то подобралась, горделиво закинула голову и, наконец, чуть улыбнулась.

– Что? Стара уже?

– Ну что вы... Вам сколько лет, извините за нескромность, Екатерина Васильевна?

– Восемьдесят пять.

– Выглядите вы на шестьдесят с небольшим. Вы бы лучше рассказали мне о своей жизни. У такой интересной женщины и жизнь должна быть яркая. Вот фотографии...

Старуха тяжело поднялась, подошла к комоду, взяла в руки желтовато-коричневую карточку в деревянной рамке.

– Это мой первый муж, он еще до войны умер, это второй муж, сын у нас есть, Аркадий. Только вы не подумайте, что я какая гулящая... Я красивая была очень, парни от меня с ума сходили, но я со всеми своими мужьями по любви жила и была расписана.

Она поставила на комод последнюю рамку и поглядела на Андрея.

– Вам Клавка, поди, рассказала, что меня в Озерках паучихой звали?

Она фыркнула – как юная обольстительница в ответ на робкое признание влюбленного.

– Я мужиков слабых да хворых к себе принимала, кормила-поила, от себя кусок отрывала, а они все равно помирали.

– Понятно... А это – что за девочка на фотографии?

– Это-то? – загадочно переспросила старуха, передавая фото в металлической рамке. – Внучка моя. Вся в меня – красавица!..

Девушка, одетая в летнее платье, была снята вполборота, на фоне кустов сирени. Светлые прямые волосы распущены по плечам. Правильный, прямой носик, большие светлые глаза, тонкая талия... Андрей невольно поднял глаза на бабуку, сравнивая – да, за морщинами и коричневыми пятнами угадывались высокие скулы, пухлые губы, такие же светло-голубые глаза.

– Нравится? – ревниво спросила старуха, забирая из рук Андрей фотографию.

– Как же не нравится...

– Так что, молодой человек, примете вы меры против моей соседки?

– Конечно, Екатерина Васильевна. Передадим ваше письмо в милицию, попросим разобраться.

Старуха передернула плечами.

– Они ей ничего не сделают!

Резко повернулась, поспешно достав из кармана платок, поднесла к глазам.

– Ну, Екатерина Васильевна, зачем так. Вот телефон редакции...

Он протянул ей визитку. Старуха поспешно ее взяла, забыв всхлипнуть. Андрей отметил, что глаза у нее абсолютно сухие.

– Звоните в любое время. А... сын и внучка навещают?

– Редко. Никому не нужна стала... Снаружи Андрей жадно хлебнул весеннего воздуха, чуть отдававшего запахом сырой земли.

«Если я сделаю объективный материал – старуха сживет меня со свету... Если не сделаю – скушает главред...»

В редакции Борода сразу сунул ему в руки конверт.

– Сынок, я того... занят. Сходишь? В понедельник мне там – слушали-постановили?... Ну, я на тебя полагаюсь...

В субботу, в начале одиннадцатого, еще лежа в постели, Андрей набрал номер Тамары.

– Сегодня у нас как?

– Я девушка, конечно, современная, но инициативы без большой надобности не проявляю.

– А я дико старомодный и инициативных девушек на дух не переношу. Давай сегодня рванем в ДК машиностроителей на юбилей. В редакцию два билета прислали, Борода мне их

отдал – попросил взять информацию.

– О'кей. Где встретимся?

– У входа в шесть. Как раз – к концу речей и до начала фуршета. Не опаздывай.

Тамара пришла двадцать минут седьмого, что опозданием считаться не могло.

– Я тебе газетку принесла – считаешь мой материал. Мы сейчас куда?

– Я зайду, возьму программку, потом мы с тобой в общей массе празднующих подберемся поближе к хавке. А там – и до дискотеки рукой подать.

Из-за дверей зала, как с берега моря, доносились периодические накатывающие аплодисменты – торжественная часть подходила к концу.

Из распахнувшихся дверей разгоряченной массой вывалились гости, принесли в вестибюль влажно-душную атмосферу переполненного зала.

– На старт! – скомандовал Андрей. – В чем состоит неизбывная прелесть нашей профессии...

– ...так это в случающейся порой халеве.

Они от души пожевали, примостившись за столиком между толстыми тетками, на обширных бюстах которых побрякивали медали, и худенькими, тщательно бритыми ветеранами. В вестибюле, как эхо былых времен, застонал духовой оркестр.

– По-моему, надо двигаться на дискотеку, – шепнула Тамара.

Дискусный зал был почти пуст, они присели отдышаться. Андрей из вежливости развернул газету, которую дала ему Тамара.

– Где твой материал?

– А вот, на шестой странице: «Любовный клин вышибают... пургеном».

– Господи, это о чем?!

– Почитай.

– Темно здесь. Ты своими словами расскажи, конспективно.

– Это случилось в нашем педвузе. Двое студентов, первокурсники, так влюбились, так влюбились, что просто пух и перья летели, а пожениться или просто жить вместе возможности не было – иногородние. И денег негусто, чтобы жилье снять. Хвостов нахватили, об отчислении речь пошла или о переводе на коммерческое отделение, что им тоже было очень не в жилу. Родители мудрые керосином пожар тушить принялись – разлучать их. Ну, эти двое решили соединиться на небесах. Друзья с химфака им посочувствовали – отравы достали, дали ключ от подсобки – там кушеточка какая-то стояла. Влюбленные купили бутылку шампусика, заперлись в комнатке, ключ выкинули в окно, тяпнули за любовь, отравой закусили и легли в обнимку – помирать. Оказалось, что вместо яда им химики лошадиную дозу фенолфталеина подсунули, у них революция в животах началась...

– А дверь заперта... ключа нет... О-хо-хо! – схватился Андрей за голову.

– Ага! Во ситуация! Представляешь?! – захохотала Тамара.

– И чем все закончилось?

– Да ничем. Сам понимаешь – какая любовь-морковь после того, как ты перед предметом нежной страсти чуть не обкакался? Они, говорят, теперь даже не смотрят друг на друга.

– Да... А ведь, в сущности, жаль, Том? Жаль любви. Второй раз такое может и не случиться.

– Не у всех и в первый раз случается.

Разговор приобрел многозначительный характер, забуксовал, и Андрей скуки ради, почти машинально, пролистал газетенку. Его внимание привлекла большая статья: «Косметика с солнцепека». Машинально глянул на подпись – Анна Коваленко.

– А что, твоя подружка – вернулась в газету?

– Какая? – равнодушно спросила Тамара.

– Анна Коваленко. Ее ведь статья?

– Ее. Только она мне не подружка. В редакцию она заходила пару недель назад,

материал с дискеты скинула и исчезла. Где она, я не интересовалась.

Говорить больше было не о чем, да и музыку уже включили на полную громкость. Проплясали почти до двенадцати, Андрей проводил Тамару домой, выполнил ритуал братского поцелуя и отправился к себе.

Спать хотелось ужасно, но он все-таки разлепил веки и прочел творение Анны Коваленко. Статья о целебных свойствах весенних первоцветов в сущность автора ясности не внесла.

В понедельник утром Андрей потащился в местный Белый дом, к чиновнику-заказчику. На дворе хмурилось, пошел мокрый снег, настроение было не очень. Чиновник материал одобрил, вежливо спросил, не должен ли чего Андрею.

– Я в штате, у меня фиксированный оклад, – спесиво процедил Андрей.

Вернувшись до обеда, успел доправить статью, а потом, сам не зная почему, пересел от компьютера к окну, источавшему гнусно-синеватый свет, стал перелистывать подшивку «Крестьянской газеты».

– Ищешь что-нибудь? – спросила Валя. – Я подскажу, если надо.

– Спасибо, я просто проверяю кое-какие закономерности.

На самом деле Андрей искал статьи Анны К. Хотелось понять, чем интересовалась эта девушка, какие темы предпочитала, насколько литературно писала. Что-то в статье о директоре госплемхозяйства, разводившего лошадей, кольнуло Андрею глаз. Он только что видел эту приметную, необычную фамилию – Саперный, даже придумал пародийную на нее – Саперный-Лопаткин.

Андрей пролистал подшивку, нашел этого Саперного уже в траурной рамочке – «на сорок третьем году жизни скоропостижно скончался».

У Андрея вдруг засосало под ложечкой – как каждый раз, когда он натыкался на необычную тему... Что-то тут есть, не иначе.

Он встал, запасся бумагой и ручкой, снова вернулся к подшивке.

Еще раз пролистал годовую подшивку, выписал имена всех респондентов этого весьма активного журналиста, Анны Коваленко. За восемь месяцев работы в газете она сделала двадцать семь материалов, но помечал Андрей только интервью. Их было двадцать – видимо, Анна К. любила общаться с людьми. Потом, листая подшивку в обратном направлении, стал с неприязнью – он жутко, до ломоты в затылке, не любил всего связанного со смертью – просматривать некрологи, сверяясь со списком.

К концу гробокопательской работы печальные крестики стояли рядом с тринадцатью из двадцати фамилий.

«Все они люди заслуженные и, многовероятно, не молодые, но не окончательные же развалины? – с недоумением подумал он. – Работают, ездят, интервью дают... И если предположить, что не на всех есть некрологи, покойников может быть и больше... Постой, постой!..»

Он проглядел «список Шиндлера» еще раз, пересчитал, сколько в нем женщин. Оказалось – пять, и все были живы или, по крайней мере, не значились среди умерших. Если отбросить дам, из пятнадцати мужчин, давших интервью Анне К., в настоящее время живы – условно! – были только двое.

– Андрюш? – ласково попросила Валя. – Послушаешь телефон – я отойду?

Валя схватила зонтик, цветастым грибом торчавший посередине комнаты, и убежала.

Звонить Тамаре и снова узнавать об Анне К. Андрею не хотелось.

Он принялся, размышляя, ходить по комнате и тут заметил, что Валя не выключила компьютер.

У Вали на жестком диске должны были находиться файлы всех сотрудников газеты – если только она не стирала информацию на уволившихся. Андрей быстро нашел то, что искал, – все они были здесь, действующие штатники в одной папке, внештатники – в другой, уволенные – в третьей. Вот и Коваленко Анна Аркадьевна.

«Надо же – почти Каренина, – мельком отметил он, размышляя, как бы это можно было обыграть в статье. – А я что – про это писать буду? – удивился сам себе. И сам себе ответил: – А зачем я вообще кручусь, если не собираюсь делать материал?»

Послал на принтер файлы Анны и Тамары – мало ли, придется что-то сравнить и проверить. Главное из того, что ему было надо, в файле имелось – дата рождения, домашний адрес, место предпоследней работы – городская средняя школа номер 5. Была даже краткая автобиография – родители, увлечения, победы на соревнованиях по бегу, список статей, опубликованных в молодежных изданиях.

В непривычно тихом коридоре слышались шаги. Андрей поспешно отскочил от компьютера. Явился главный – в мокром клеенчатом плаще, заляпанном ошметками желтой глины.

– Привет, богатырь! А Валя где?
– Ребенка кормит. Сейчас придет.
– Как у тебя дела?
– Заказуху доделал. Вертикаль власти звенела от восторга.
– Здорово сказал, а? – весело отреагировал Борода, скидывая плащ. – Ну, я пришел, в принципе, если у тебя дела на выезде, можешь быть свободен.
Тут главный хлопнул себя по лбу.
– Ох, сынок! Есть скучная, но нужная работа. Извини, склероз!

...Ехать пришлось на трамвае, но сейчас Андрея это не раздражало. Он смотрел в окно с бегущими по стеклу струйками. Погода сильно смахивала на октябрьскую. Андрей со злорадством подумал, что сейчас март, скоро весеннее равноденствие. А через три месяца – солнцестояние, Иван Купала, русалии, прыжки через костры и все такое... Водяных и русалок здесь, говорят, водится немерено.

Представил себе, что крошечные девочки с серебристыми хвостами, словно головастики, бьются у него в горсти, пытаясь улизнуть сквозь пальцы, хихикают тоненькими голосками, и стал улыбаться. Переливчатое хихиканье вдруг обернулось реальностью – поодаль, поглядывая на него, пересмеивались девочки, по виду старшеклассницы. Андрей спрятал нос в высокий воротник куртки, но потом увидел, что они с девчонками почти одни в вагоне, решил воспользоваться моментом.

– А что, девчонки, где у вас школа номер пять?
– В старом городе.
– Я знаю, что в старом. Вы конкретнее.
– По дороге к пристани – знаете?
– Пристань знаю.
– Не доходя – здание трехэтажное. Там пятая школа. А вам зачем?
– Хочу вернуться на школьную скамью.
– Не выйдет, – прыснула самая бойкая из девчонок.
– Это почему же?
– Скамья сломается!

Под хихиканье, сладострастно ухмыляясь, Андрей вышел из вагона.

«Если размышлять непредвзято – насколько эти совпадения можно считать случайными? – размышлял он, шагая по вытаивавшей из-под грязного снега старинной брусчатке. – Какой процент не переживших встречу с Анной К. случаен, а какой – закономерен? Почему только мужчины? Похоже, все эти несчастные умерли примерно через одинаковый промежуток времени после интервью. Будто она их каким-то ядом травила, долгоиграющим... Чушь какая-то... Может, и главврада на вшивость проверить – живы его собеседники?»

Андрей отвлекся от компьютера, только когда охранник потребовал освободить помещение. Вывел материал на печать, чтоб завтра сразу отдать Бороде.

Снаружи вышедшее из-за облаков солнце пустило по улицам длинные, как пальцы пианиста, тени. Надо было что-то купить поесть на вечер и на завтрашнее утро.

Отстоял очередишку в три человека у палатки возле дома, полез в карман куртки, пошарил там, но не обнаружил ничего, кроме измочаленных билетов на электричку... Господи, да ведь, кроме бумажника, в кармане были ключи от квартиры и редакции!

Почувствовал, как неудержимо отваливается челюсть и кровь от лица отливает, словно морская вода от берега перед цунами, в отчаянии оглянулся, словно надеясь увидеть спину вора и броситься вдогонку. Вместо этого наткнулся взглядом на смеющиеся синие глаза под русым чубом.

– Павлючок, – произнес Андрей охрипшим голосом. – Ну ты не гад после этого?

Парнишка, довольно ухмыляясь, повертел его бумажником.

– Не-а, – откликнулся весело. – Это я вас к аккуратности приучаю.

– Молодой человек, оплачивать будете? – недовольно спросила продавщица, стараясь выглянуть из окошка палатки.

– Дай сюда, – протянул руку Андрей; воришка послушно вернул бумажник.

Заплатил, получил пакет с едой, повернулся к мальчишке:

– Ключи отдай, ты, супер.

Павлючок отдал обе связки.

– Выпустили тебя, значит?

– Ну...

«Сбежал, гаденыш», – догадался Андрей.

– Пойдем ко мне, поболтаем. Я тебе статью покажу, которую про тебя написал. На, носи пакет.

– Почему я?

– Чтоб руки заняты были.

Павлючок прыснул. У него вообще смех был на поверхности, Андрей еще тогда, в приемнике-распределителе понял, что этот отпетый ворюга симпатичен ему своей детской открытостью.

– А вы тоже хитрый, – заметил тот, шагая рядом с Андреем.

Дома вместе, по-холостяцки, соорудили чайку, накромяли бутербродов, причем орудовал Павлючок ножиком не в пример ловчей Андрея.

– Где выучился? – ревниво спросил Андрей.

– Нигде. Ловкость рук от природы дадена.

Пожевали, сидя на кухне, потом перешли в комнату, и Павлючок погрузился в чтение статьи. Андрей заметил, что парень шевелит губами и морщит лоб.

«К интеллектуальному труду не привычен... А жаль».

– Ну, что я вам могу сказать, – важно произнес Павлючок, сворачивая газету, – в общем-то правильно все вы тут описали...

(Павлючок вызвал из ЖЭУ слесаря, который в ответ на слезливый рассказ о потерянных ключах вскрыл замок чужой квартиры. Парень не торопясь собрал все ценное, но... Нагруженный сверх меры чужим добром, привлек внимание бабуть у соседнего подъезда и был повязан с поличным подоспевшими милиционерами.)

– И это тоже хорошо написали – если направить мои таланты в нужное русло... А что – все эти...

Он опять наморщил низковатый, широкий, с двумя заметными выпуклостями лоб.

– Они тоже в малолетках по карманам тырили?

– Водился за ними этот грех.

– И авторитетными людьми стали?

– Авторитетней некуда... О тебе родители беспокоиться не станут? Поздно.

– Не, отца у меня нет, а мать знает, что я самостоятельный.

– Ты где живешь?

– Как спускаться от остановки конечной – дома частные.

Проболтали еще час, потом Павлочок сам засобирался на выход.

– Ты заходи, когда захочешь, – сказал на прощание Андрей.

Посмотрев новости, вытащил сводную ведомость журналистских подвигов Анны К., фломастерами стал раскрашивать одним цветом сходные данные. Мартиролог превратился в веселенький витражик – как для детского сада. Факты были налицо – для мужчин-респондентов общение с Анной К. даром не проходило.

«А что, если глянуть на это с точки зрения профессии?» – вдруг осенило его.

Андрей взял еще один фломастер и сделал представителям творческой интеллигенции ярко-розовые рамочки. Среди переживших интервью мужчин были только представители богемы. Вывод напрашивался однозначный – Анна К. за полгода сжила со свету практически всех представителей бизнеса и политики, которым не повезло дать ей интервью. Хотя...

Утром, найдя на полу криминальный витраж, вдруг решил: «А чего я мучаюсь? Надо посоветоваться с медиками, запросить статистику...»

В редакции, пользуясь тем, что в четверг все приходили попозже или не приходили вовсе, решил залезть в Интернет. Тут явился выспавшийся и бодрый главный, глянул на дисплей из-за плеча Андрея.

– Ну как материал про коммунальщиков – вытанцовывается?

– Да я еще вчера сделал.

– Ну ты гигант!

– Задания есть? – спросил Андрей, отдавая распечатку. – У вас имеется кто-нибудь в местной поликлинике?

– А что? Заболел?!

– Нет, хочу некоторые наблюдения проверить – относительно состояния здоровья местного населения.

– А, так даже... Записывай.

Борода дал ему телефон заведующего общей терапией в районной поликлинике, и Андрей, не откладывая, напросился на интервью. Тот обещал принять после трех дня.

Андрей подкорректировал и отпечатал свою табличку – не пойдешь же на задание с раскрашенным фломастером «витражом» – и отправился обедать.

Приятелем Бороды оказался грузноватый человек примерно того же возраста. Андрей попытался завести разговор о закономерностях хворей местных жителей, и тут хирург выдал ему замечательную, непроницаемо-черного юмора байку.

– Как-то у нас в пятницу утром, часов в девять, скончался в реанимации послеоперационный больной – случается, хотя никаких осложнений вроде не было. Ровно через неделю в этом же боксе умер еще один пациент, тоже довольно благополучный. Удивились, огорчились, но что делать. Еще через неделю точно в девять часов пятницы скончался третий, тоже с положительным прогнозом – представляешь?

– Черная пятница... И что?

– Мы назначили внутреннее расследование. Все проверили – вентиляцию, сделали посев на наличие микроорганизмов, грибов, ничего не нашли – все в норме. Выздоровливай не хочу. Тогда при боксе установили сестринский пост. Так все и выяснилось. Импортная техника подвела. Спонсоры подарили специальный пылесос-дезинфектор – всю неделю по старинке, палкой-ленивкой из ведра убираются, а раз в неделю – им. До реанимации пылесос доходил аккуратно утром в пятницу. Провод у него короткий, так уборщица выдергивала из розетки систему жизнеобеспечения того самого бокса, втыкала пылесос и тщательно, не торопясь, мыла этот кусок... А?! Каково?!

– Да, нарочно, не придумашь.

– И пока она прибиралась, пациент успевал отдать Богу душу... Прибор-то из сети отключен, тревожная сигнализация на остановку сердца не работает... Вот и вся закономерность! Трех больных ни за понюх табаку потеряли!

– Что с уборщицей сделали?
– А что с ней сделаешь? Уволишь? А кто на ее место за полторы тысячи придет? Удлинитель купили, чтобы пылесос из коридорной розетки подключать, и все дела.

– А она что?
– Мы не сказали – зачем хорошего человека травмировать? Она ж не со зла.
– А что вы скажете о закономерностях гибели этих людей? – ринулся в атаку Андрей, показывая слегка подредактированный список «жертв».

Хирург размышлял над ним довольно долго.

– Ну, что я могу сказать... Кое-кого я знал лично. Видимо, сердечно-сосудистые заболевания можно считать профессиональным заболеванием политиков и бизнесменов. Нервы, курево, малоподвижный образ жизни, банкеты с жирной пищей... Знаете, какая у журналистов слабина? Язва желудка – стресс плюс нерегулярное питание.

– Учту.

– Во-во... Кроме того, это же статистика за прошлую осень, да? Во-первых, неизбежные сезонные обострения, а потом, у нас же выборы были. Так что предвыборную кампанию можно считать дополнительным стрессогенным фактором. Но об этом лучше к районному психиатру – он вам такое рассказать сможет!..

На этом они закончили. Андрей решил пройтись до редакции пешком и обдумать услышанное.

«Вот тебе и объяснение... А я-то! «Серия, серия»!.. Наемная киллерша! Хорошо, хоть ни с кем не поделился, а то бы обсмеяли к чертовой бабушке... Ну что ж, один материал накрылся, другой появился. Будет что в следующий номер дать».

Утром Андрея разбудило звяканье телефона. Было половина десятого утра, солнечно.

Первым побуждением Андрея было не отвечать – у него отгул, и точка. Он уехал в Москву. Мобильник был выключен, если это Тамара, можно было отвертеться и от похода в бар. Но телефон не умолкал. Андрей ответил нарочито невыспавшимся голосом:

– Алё?

– Андрюша, прости, что разбудил в твой заслуженный выходной...

Это был Борода.

– Я понимаю, что отпустил тебя на сегодня... Но ты не мог бы заскочить в редакцию через полчаса-час? Потом отгуляешь... Андрюш, пока Костика нет, набросай пару строк в «Уголок фенолога». Забыл я совсем. У нас прошлогодние фотографии есть – разлив Москвы-реки. Так, тысячу знаков.

– Тогда я пошел на объект.

Андрей двинулся пешком, через старую часть города, мимо крепостных ворот красного кирпича, к окраине, где сохранились одно- и двухэтажные домики со встроенными поставцами для икон-берегинь над входом.

Река, так и не замерзшая в этом году, выглядела вспухшей, даже какой-то выпуклой, выплеснулась на пологий берег, залив вход на понтонный мост и дорогу, ведущую к нему. Андрей показал краснокожую книжицу, поговорил со сторожем у неработающего моста. Пара теплых дней, поведал скучающий мужичонка, и переправиться в деревню, которая стоит в крутой петле реки, можно будет только на катере. Полюбовался на мощно несущиеся воды обычно спокойной Москвы-реки, повернул назад. Надо доделать свой медицинский опус и по-быстрому набросать «Заметки хренолога». Отгул отменился сам собой.

По дороге его едва не смела с ног стайка очумело галдящих школьников лет по двенадцать. Поднял глаза на вывеску – «Школа № 5».

«Что-то я о ней слышал?»

В грязноватом окошке первого этажа виднелось написанное от руки объявление: «Медпункт работает до 14.30».

Андрей зашел в темноватый вестибюль школы. Медпункт должен был находиться

налево от входа. Стукнул в дверь, просунул голову в щелку:

– Можно?

На него удивленно глянула женщина средних лет в белом халате:

– Вы кто? Родитель?

– Пока нет, – улыбнулся своей фирменной улыбкой. – Я корреспондент «Крестьянской газеты». Делаю материал о состоянии здоровья жителей города. Полчасочка сможете уделить?

Андрей поставил перед ней диктофон, нажал на кнопку.

– Рассказывайте – чем наши детки болеют и как с этим бороться.

– А это обязательно? – Она опасливо ткнула пальцем в черную коробочку.

– Для объективности и точности – да. Вдруг что-то упущу.

Медичка подобралась, поерзала на стуле, откашлялась – как для выступления перед публикой.

Рассказала она ему вещи довольно предсказуемые. Поколение росло слабоватое на утробу и на голову, только животом больше маялись девочки, а головой – будущие воины.

– Вот вы говорите, вас необычные случаи интересуют.

– Какого же журналиста они не интересуют?

Она задумалась.

– У нас года два назад был случай... Не знаю, стоит ли рассказывать. Такая непонятная история... Мы с одной молодой учительницей вынуждены были расстаться, по настоянию родителей. Я вам расскажу, только вы не записывайте, ладно? А то вдруг...

– Что?

– За клевету потянут. Это не для печати.

– Как хотите. Ваше право.

Андрей демонстративно нажал на кнопку остановки – она все равно не срабатывала с одного раза – и отставил диктофон в сторону.

Медичка, расслабившись, стала говорить, понизив голос.

– Три года назад, ну, учебные годы имею в виду, к нам пришли из нашего же педа новые учителя, выпускники. Педагогов у нас с собственным институтом хватает, так что это были самые лучшие. Работали хорошо, но только родители стали замечать, что у нас заболеваемость в школе поднялась. Да и я заметила – цифры по обращениям, пропущенным по болезни дням все поползли вверх. Стали проверять с завучем – глазам своим не поверили. Вся статистика говорила о том, что дети заболевают после уроков одной и той же учительницы.

– Что – слишком строгая? – стараясь не показать волнения, уточнил Андрей.

– Нет, претензий к ней не было, детей любит, доброжелательная. Потом проверили на обострения хронических заболеваний. И та же картина – как Анна Аркадьевна...

– Как? – стараясь не выдать себя, уточнил Андрей.

– Анна Аркадьевна... Вот как она ребенка к доске вызовет, на следующий день он в школу не приходит. И что характерно, от отметок это никак не зависело – что пятерка, что тройка. Она внешне очень милая девушка была, прямо Снегурочка, двоек вообще не ставила... А когда одному мальчику эпилепсию диагностировали, его мамаша чуть ли не с кулаками на эту Анну Аркадьевну набросилась: «Из-за вас ребенок инвалидом стал!..» Несправедливо, конечно, но и мать понять можно.

– И чем это закончилось?

– В конце третьей четверти она перешла в другую школу, далеко, за городом, в Запрудах, но и там только до конца учебного года доработала. – Медичка сокрушенно покивала головой. – Там вообще ЧП случилось. После итогового сочинения за четверть у нее весь класс заболел редкой, тяжелой формой скарлатины... Четверо детей попали в реанимацию, но обошлось без летальных исходов.

Чуть помолчали.

– Правда, в то время был всплеск заболеваемости по скарлатине, но чтобы класс,

целиком, одновременно... Школу закрыли на дезинфекцию, и учителям, и детям сделали повторные прививки, но это уже, считай, после драки кулаками махали.

– А что эта Анна Аркадьевна?

– В школу она так и не вернулась. Да и не взяли бы, наверное. Объяснения этому нет, формальной вины нет, она и сама сильно переживала, но от фактов не отмахнешься.

– А как ее фамилия?

– Мм... Постойте, да она за нашего сотрудника замуж вышла, за учителя физкультуры. Фамилию свою сменила на Коваленко... Да, Коваленко.

Андрей удивился бы, услышав что-то другое.

– Она одно время в газетах разных работала – вы ее разве не знаете?

– Публикации читал, а ее саму никогда не видел, – честно признался Андрей.

– Вы об этом писать будете?

– Об Анне Коваленко? Пока не вижу смысла. Вы же сами говорите, что объяснения этому нет. А за профессиональную консультацию спасибо. Об этом напишу. Это важно.

Андрей убрал со стола диктофон и, уже положив его во внутренний карман, нажал на «стоп».

«Нас не объегоришь, нам не подкузьмишь!» – весело и чуть злорадно повторял про себя, вышагивая по камням старинной мостовой вверх, к центру города.

Все-таки он оказался прав – эта Анна К. изводила людей. Дядя-врач не прав. Прав он, Андрей.

Дома Андрей еще раз послушал ту часть беседы, которая касалась Анны К. Система в действиях этой девицы явно прослеживалась – люди, вступавшие с ней в диалог, заболевали, а то и умирали.

«Не девица, а СПИД в юбке».

Зачем она появилась в городе около месяца назад? Неужели для того, чтобы тиснуть статейку в дамский еженедельник?

Андрей порылся в куче старых газет и нашел номер «Мимозы», который дала ему Тамара.

Обычные советы по «зеленой косметике» – настой для умывания из побегов мать-и-мачехи, салат из одуванчиков... Первый номер за март. Надо узнать, когда там дают гонорары, и попробовать отловить эту новоявленную Лукрецию Борджиа, не отходя от кассы.

В той же куче бумаг Андрей нашел распечатку файла Анны К. В гороскопы он не верил, но отметил про себя, что Анна К. – по зодиаку Рыбы, водная стихия.

Зазвонил телефон.

«Отвечу, даже если это Томка, – подумал утомившийся Андрей. – Надо отвлечься».

Это действительно была она.

– Чего не звонишь-то?

– Да только отдупился. Борода задание спросил предыдущее, а сейчас сию и обдумываю материал для рубрики «Заметки хренолога».

– Кого?!

– Фенолога. Не моя тема – цветочки... Слушай, а ты не в курсе, как местная жительница, у вас в районе ядовитые растения произрастают?

– Ну, я-то городская... А ядовитые да, есть. Ой, ты мне напомнил, в прошлом году случай был, над одной бабой-дачницей весь город ржал!

«Да, у вас если ржут, так всем городом».

– В округе расплодился борщевик – не знаешь?

– Нет, не представляю. Я тоже дитя асфальта.

– Ну, я тебе летом покажу. Он на укроп похож, только под два метра высотой и корзинки у него по полметра, тогда они на всех углах повылезали чуть ли не в городе...

– Напоминает «День триффидов» – читала?

– Во-во, точно! Так этот борщевик – жуткое растение. Одна тетка по дороге на дачу вошла по надобности в кусты у дороги, да еще листочком этого борщевика, как туалетной бумагой, воспользовалась! Через три часа ее муж в ближайший травмопункт привез почти без сознания от боли. Они чуть ли не в милицию на него заявлять бросились – что, мол, с женой сделал, подлюка!

– А... что с ней было?

– Волдыри по кулаку в интимном месте и на бедрах.

– Хорошо, что предупредила. Я теперь в ваши заросли ни ногой.

– И ничем другим! После этого случая беседу по местному радио провели, а заросли борщевика скосили.

– М-да, а все говорят – неяркая русская природа.

– А на проверку – джунгли.

Они помолчали.

– Ну, и что у нас на ближайший уик-энд? – спросила Тамара.

– Как и планировали, – скучным голосом возвестил Андрей. – Завтра-послезавтра номер сдадим, и я твой.

– Ой, много обещаешь!

– Ничуть. Созвонимся?

Андрей положил трубку.

«Если эта Анна – сумасшедшая маньячка с деструктивным комплексом, да еще занимается травами, найти яд даже в черте города для нее не проблема. А моя проблема – найти ее, выяснить, зачем и как она это делает. И остановить».

Утром во вторник его на пороге кабинета поджидал Борода.

– Андрюша, сынок, ты зарисовочку сделал? Сейчас Витя придет, верстать надо...

– Не сделал, но обдумал, – лихо соврал Андрей, садясь за компьютер.

«Пара тысяч знаков не проблема – сейчас спаяю».

Валя дала потрепанный календарь «Солнцеворот» с народными приметами, и через сорок минут Андрей осчастливил главного прогнозом теплой весны, «зеленой Пасхи» и урожайного лета.

– Хорошо ты мне про Пасху напомнил, – пробормотал Борода, читая его откровения прямо с экрана компьютера. – У меня к тебе задание будет – на перспективу, а?

– Я в религиозных вопросах не силен, – честно признался Андрей.

– Вот и пополнишь багаж знаний. Про Голубинский монастырь слыхал? Вот бы туда тебе съездить. Ну, потом поговорим...

Поблизости действительно располагался монастырь XVI века, в кельях которого, как в коммуналке, десятилетиями жили советские граждане. Сейчас там был женский монастырь, работала иконописная мастерская, принимали в послушницы бывших наркоманок, подкармливали бомжей.

«Да, интересно... В женский монастырь – это то, что мне нужно!»

Эта мысль слегка развеселила Андрея.

– Валь, – обратился он к усиленно что-то набивавшей на компьютере девушке, – а улица Зеленая – это где?

– Это на шестом трамвае до остановки «Зеленая». А тебе что?

– Да человек один интересный проживает. Хочу наведаться на предмет интервью.

«А если сейчас я найду этот дом, квартиру, передо мной явится пресловутая Анна К. и я, как те деятели, через пару недель отдам концы?» – подумал он, подходя к остановке трамвая.

Такой ход событий Андрея совсем не устраивал, хотя трусости за ним не числилось. Жаль, номера телефона в карточке Анны К. не было.

«Стоит ли идти будним днем, когда все дееспособные люди на работе? Поеду вечером», – решил он и вдруг понял, что слегка побаивается встречи с Анной К.

Он пошел домой, позвонил в «Мимозу».

– Девушка, подскажите, когда мартовские гонорары платить будут?

– С двадцать пятого по двадцать девятое апреля. А как ваша фамилия?

– Спасибо, – невежливо буркнул Андрей и положил трубку.

Одеться Андрей решил попроще – если придется, за неимением четкого плана, выезжать на личном обаянии.

В трамвае было немногочисленно – люди рано расходились по домам. Район представлял собой смесь из кирпичных многоэтажек и панельных домов тридцатилетней давности.

«От газеты представляться не буду. Если она убирала этих мужиков по чьему-то заказу, может понять, что ее расшифровали».

Андрей был почти уверен, что самой Анны К. дома нет и придется ужом виться перед ее родными, чтобы хоть что-то узнать.

«Представлюсь одноклассником – мы же почти ровесники... Скажу – вернулся в город, решил разыскать. Должно сработать».

Дверь ему открыли только после того, как он ответил женскому голосу:

– Мне бы Аню...

В неширокую щель выглянула женщина лет пятидесяти. Видимо, только пришла, была еще в костюме.

«Тоже учительница или служащая», – прикинул Андрей.

– Добрый вечер, – слегка поклонился он. – Извините, имя-отчество ваше напечатайте? Я одноклассник Ани.

– Галина Алексеевна... Ани нет.

Она приоткрыла дверь пошире – хороший признак.

– Да?... А я вот недавно вернулся в город, навещаю школьных друзей. Где мне ее найти?

– У нее такая работа – она все время в разъездах.

«Девушка-киллер по вызову?»

– А телефон или адрес нельзя получить?

– Нет... Но она иногда заезжает. Вы мне ваш телефон оставьте. Я ей передам.

«Так, если она бывает в городе, живет дома. Далеко от берлоги не уходит».

Андрей написал свое имя и домашний телефон на блокнотном листке и протянул женщине:

– Это домашний. Я там пока один.

– Хорошо, передам.

– Большой привет Ане, когда она появится. Листок не потеряйте!

Он улыбнулся обычной фирменной улыбкой – как говаривал его младший брат: «До естественных ограничителей, именуемых ушами». Это подействовало – женщина чуть улыбнулась в ответ.

Вечером Андрей еще раз послушал сделанную в школе аудиозапись.

Вдруг припомнил, что место рождения у Анны К. не город, а какой-то поселок или деревня. Он опять взял файл – да, поселок Озерки. И фамилия у нее девичья... Озерных, да. Совпадение?

Утром в среду Борода похвалил его не за большой медицинский материал, а за маленькую «хренологию».

– Может, ты себе этот раздел возьмешь, а? У тебя здорово вышло – двумя фразами всю атмосферу передал. Мастер!..

Андрей не возражал, а когда Валя уехала в типографию, заглянув в кабинет к главному, спросил как бы в продолжение темы:

– Михал Юрич, а Озерки – это далеко?

– Да нет, минут двадцать от автобусной станции. А чего ты хотел?

– Интересуюсь местной географией.

– Эт-то ты правильно интересуешься. Это место хи-и-итрое, – загадочно улыбнулся главред. – Говорят, в тех озерах водяной конь когда-то водился.

– Водяной конь? – удивился Андрей.

– Ну, ты сядь... Не собираешься никуда? Я тебе расскажу... Там, сколько я знаю, все время что-то происходило, редко, но все равно – то ребенок пропадет, то грибника растерзанным найдут, то бабу беременную кто-то напугает до полусмерти так, что она прямо под кустом родит... А жители иногда мужика голого у водоемов видели, страшного, заросшего и мокрого – как только из речки. А когда в Голубинском монастыре начали реставрацию, под побелкой роспись старую нашли, XVI века. Там очень редкое, говорят, для России вообще уникальное изображение имелось. Святой Сильвестр, Селивестр по-русски, расправляющийся с водяным чудищем. Когда начали в местных летописях искать, обнаружили объяснение, почему этому святому свечи ставили – чтобы напасть эту отвел. Конь этот будто бы кровавых расправ уже не учинял, только рыбакам сети иногда рвал да рыбу распугивал.

– Поутих, значит, конек-горбунок?

– На коня-то он мало похож – просто название такое. А только вот в тридцатых годах, когда церкви позакрывали и молиться святым перестали, эти безобразия опять начались. Людей находили пополам перегрызенными и все такое – страх, словом. НКВД лес прочесало, бандитов искали – так и на них напал кто-то непонятный. Не веришь? И я не верил. А лет двадцать назад была серия нападений на женщин – вот где жуть-то! Народ напугали, так и смотрели за всеми молодыми мужиками. Чуть на лице царапина – сразу за телефон, и того – в милицию! Доказывай, что бритвой порезался, а не жертва ногтями оцарапала.

– Нашли его?

– Нашли, и довольно быстро. Неудачливым убийцей оказался. Но трех женщин точно загубил, а на четвертый раз попался – прохожие спугнули. Когда убежал, споткнулся, упал, и его мужики чуть не убили. Рад был, когда милиция его забрала. Заметь – все преступления около водоемов совершались. Документальный факт.

– И чего?

– Того!.. Душегуб пытался под психа косить, потерю памяти симулировал, все бубнил что-то. Я сам на процессе был, простым репортером. Расписали подлеца вчистую, без обжалования. «Присутствующие встретили приговор аплодисментами».

– Расстреляли?

– Ага. В течение месяца.

– И что – прекратились нападения?

– Да. Была, правда, попытка имитации, единичная, но тоже неудачная. Дали этому подонку лет, по-моему, восемь... Но больше серий не было и безобразий крупных тоже. У нас местность, если не считать этих Озерков, мирная, благословенная, даже патриаршее подворье когда-то было. Ты ж мне обещал на Пасху материал сделать! – спохватился Борода. – Я тебе сейчас телефон дам. Позвонишь матушке настоятельнице и поедешь, когда будешь внутренне готов к посещению женского монастыря.

– К этому я готов всегда! – невольно рассмеялся Андрей.

Оставшись один, Андрей вошел в Интернет и забил в поиск «маньяков» и «серийных убийц» – что там про них серьезные люди пишут? Как вообще все это свести воедино – водяных коней, бывших учительниц и повальную скарлатину?

С материалами по серийным леди-киллершам в сети было трудно – больше про мужиков. Потом нашлось и о женщинах, чуть-чуть.

Появился Борода, положил ему на стол бумажку с номером.

– Ты прямо сейчас матушке позвони – она на месте. Я в принципе договорился, она тебя примет, но ты уточни. Да, про Озерки я тебе недосказал. Там и парни молодые пропадали встарь...

Кто попригожее – так тому хоть на рыбалку не ходи. Удочки да снасти на берегу, а парня след простыл.

– И куда ж они все пропадали? Тонули?

– Да нет, никого потом не вылавливали. Сказывают, русалки себе самых красивых выбирали и сманивали. Так что ты учти, богатырь.

– Я не в их вкусе.

– Почему ты знаешь?!

Они еще немного посмеялись, и Андрей взялся за телефон.

На другом конце работал автоответчик, но вместо регтайма или навязчиво-гнусавого «Ждите ответа» повторялось: «Благослови вас Господь», – а потом включились песнопения.

Дозвонился Андрей минут через двадцать. Матушка игуменья назначила встречу на завтра, в час дня, после общемонастырской трапезы.

Борода отдал ему ключи от машины и отпустил восвояси.

«А может, Тamarку с собой взять? Все-таки женский монастырь – она туда пройти сможет, куда меня не пустят».

– Том, привет... Я ведь тебе что-то должен, а? В профессиональном плане? Завтра днем будешь свободна?

– Захочу – буду.

– Захоти со мной завтра в Голубинский монастырь поехать. – Нам туда к часу дня, так что в двенадцать надо встретиться. Ты учти – никаких джинсов с декольте на пузе. Где тебя подобрать?

Погода не подвела – солнце светило, как и все последние дни. Снега в городе не было.

Тамара оказалась на высоте – в широкой темной юбке ниже колен, скромном свитерке под черной курткой, с платком на шее – чтобы потом покрыть голову. Андрей покосился на нее и раз, и два – не узнавал.

– Ну, ты без пяти минут монашка.

– Пусть эти минуты никогда не пройдут.

– Борода рассказывал, что в вашей местности русалки водятся и молодых мужиков в воду утягивают.

– Да, это у нас случается. Учти – весной эта нечисть особенно сильно балует.

– Ну, а у людей что – по-другому?

Пригород с частными домиками закончился, и Андрей вырулил на Рязанское шоссе. Монастырь показался свекольно-красной полоской по верху невысокого, длинного холма.

– Умели же строить предки, а? Как на компьютере вписали в пейзаж.

Стены, по мере приближения, вырастали, приобретали объем, на них обозначались угловые башни и «ласточкины хвостики».

– Ты там была?

– Была. Когда только-только народ выселили, нас на экскурсию возили, классе в девятом. Там стены в некоторых местах три метра шириной.

К храму, точнее, к монастырю вела асфальтированная дорога. Вход преграждали серьезные механические ворота с шестиконечными крестами на каждой створке. Все было по-современному – не выходя из машины, Андрей нажал на кнопку, мужской голос ответил:

– Слушаю вас, добрый день.

– К матушке игуменье из «Крестьянской газеты».

Молчаливые, широкие, как платяные шкафы, мужики в форме провели их через металлоискатель, доставили к одному из зданий внутри ограды. Поодаль стояли белая церковь, какие-то постройки, каменные и деревянные.

Их подвели к узкой двери с навесом. Тамара накинула платок, умело перекрестилась. Внутри помещение оказалось тесным – строилось по стандартам XV века, Андрею все время приходилось кланяться. На стенах висели небольшие иконки без окладов.

Если бы не арочные оконца с ажурными решетками и образами на стенах, офис игуменьи был бы похож на любой другой. Странновато смотрелись и девушки за

компьютерами – в белых платках, в ситцевых кофтах.

Сама матушка оказалась типичной монашенкой – вся в черном, с массивным крестом на груди, круглолицая, свежая на вид, отнюдь не худая. Она приветливо поздоровалась, цепко пробежалась глазами по лицу Андрея, мгновенно оценила Тамару.

– А я решила, что вы будете один. И что вы хотите узнать от меня, товарищи журналисты?

Андрей нажал на кнопку диктофона.

– Вначале общие сведения, а потом, может быть, вы нам расскажете о текущей деятельности.

– Наш монастырь основан еще при Иване Грозном, как место ссылки монахов – которых подозревали в оппозиции церковной реформе, – привычно начала игуменья. – Тогда это был мужской монастырь. Сейчас у нас девятнадцать монахинь, двадцать пять послушниц и несколько трудников, включая мальчиков до четырнадцати лет.

– Трудников? – изумился незнакомому слову Андрей. – Уточните, пожалуйста, что это такое.

– Это те люди, которые пока не готовы принять послушание, но хотят находиться в монастыре. Они здесь живут и работают. Мы, можно сказать, не только культовое, но и благотворительное учреждение. К нам может прийти любая женщина, девушка, девочка и, как я сказала, мальчики до четырнадцати лет.

– И кто идет?

– Люди, ищущие Бога, страждущие, потерявшие надежду, хворые... Легких больных мы лечим, тяжелых принимаем, но только на несколько часов – вызываем врача из горбольницы или скорую. Хотя... Некоторые просят оставить их здесь под собственную ответственность – для исцеления.

– И выздоравливают?

– Часто. – Игуменья улыбнулась по-детски наивно и радостно. – Почти все уходят с улучшением. Ученые говорят – хороший естественный фон. Монастыри и храмы всегда по-умному ставили там, где была благоприятная аура. Я пятнадцать лет в Бауманском преподавала, точные науки...

– А как здесь оказались?

– На то была воля Божья.

– Кто и как может стать монашкой?

– Монахиней, молодой человек... В принципе почти любая женщина, если только она не надеется скрыться от правоохранительных органов, после пяти лет послушания. Приходится выполнять много тяжелой работы с шести утра до девяти вечера, много молиться. У нас послушницы в основном работают на огороде, обихаживают паломников, помогают реставраторам. Есть иконописная мастерская и златошвейный цех.

– А туда можно пройти? – заинтересовалась Тамара.

– Да, можно еще в церковь. В кельи к монахиням – нет. Ничего интересного – быт скудный, монашеский. Идемте.

Они вышли в узенький коридор, прошли застекленной галереей.

– Я вам распечатку дам – история, архитектура, устав. А сейчас пройдем в мастерские.

В большой и светлой горнице за столами работали девушки и женщины, все с забранными под платки волосами. На столах стояли баночки с гуашью, лежали тюбики с маслом и темперой. Рисовали на толстых досках, довольно неуважительно вертя их на столе.

– То, что у нас в коридорах висит, – лучшие ученические работы. Женщины в основном пишут небольшие, домовые иконы, храмовые мы заказываем в одной московской мастерской – там мужчины-иконописцы работают. Женщины миниатюры лучше пишут, аккуратнее, благоговейнее. Златошвейки – традиционно только женщины.

За следующей дверью сидели вышивальщицы. Сосредоточенно работая иголками, трудились над большой, в два одеяла, вещью.

– Простите – это настоящее золото? – тихо уточнила Тамара.

– Нет, нам это пока не по умению. Это пряденое золото – шелковая или льняная нить, обвитая позолоченной серебряной нитью.

Вышли из мастерской. Матушка повела через двор к храму. На пороге остановилась, перекрестилась три раза, поклонилась в пояс. То же сделала и Тамара. Андрей решил, что он здесь на работе, и просто склонил голову, ожидая конца церемонии.

Слушая рассказ о том, кто и что писал, как раскрывали и восстанавливали фрески, Андрей вспомнил о Селиверсте и водяном чудище.

– Мне Михал Юрич рассказывал о каком-то редком изображении.

– Да, это малоизвестный в православной традиции святой Селиверст. Он жил в IV веке в Германии и смог молитвой покорить водяного дракона.

На иконе, писанной прямо на столпе, в правом притворе, светился старик с белыми кудрями вокруг обширной лысины. Из коричнево-красных волн, завивавшихся к босым ногам святого, вылезало чудовище с собачьей головой и оскаленными зубами, явно намереваясь его съесть. Хвост у гада был чешуйчатый, лапы – когтистые.

«У, ты и мутант!» – вздрогнув, хмыкнул Андрей.

– Обычно на таких иконах бывает изображение Николая Чудотворца, а у нас вот Селиверст. Он, если можно так выразиться, покровитель всех, кто связан с водной стихией, избавитель от болезней непонятного происхождения и других редких напастей.

– Вроде того водяного коня, который здесь водился когда-то?

Настоятельница внимательно посмотрела на посетителя.

– Да, считается так. Люди молятся святому Селиверсту еще и за избавление от полтергейста, хотя это суеверие, порицаемое церковью.

Матушка повела их по территории, показала подсыхающие на солнцепеке ровные, ухоженные огородные гряды, сводила в приют, походивший на казарму двухъярусными кроватями.

– Паломников сейчас мало – на Пасху подойдут.

Андрей глянул на часы – было начало четвертого.

– У, как мы вас задержали, матушка! Просто удивляюсь, что время так быстро прошло.

– Благость, молодой человек, место святое, намоленное. А сейчас давайте я вам материалы передам, да и мне к службе надо идти.

– Ты много для себя вынесла? – спросил Андрей Тамару, выезжая из монастырских ворот. – У меня впечатления сумбурные – не знаю, что писать буду.

Он вырулил на отрезок дороги, ведущий к шоссе.

– Разберешься... А я там такое видела, такое! – задорно закричала девушка, скидывая с головы платок. – Своим глазам не поверила!

Тут на дорогу перед ними, будто выскочив из-под земли, метнулась крохотная колченогая старушонка. Андрей ударил по тормозам.

Машина, взвизгнув, остановилась, и они с Тамарой чуть не высадили лбами ветровое стекло. Старушонка, испуганно оглядываясь и мелко крестясь, убежала за угол монастырской ограды.

– Не сбили, и хорошо, – примирительно проворковала Тамара.

До города доехали почти не разговаривая.

– Не поднимешься? – пригласила Тамара, когда Андрей остановился у подъезда ее дома. – Я тебя домашним обедом накормлю.

– Извини, киса, мне в редакцию надо – Бороде машину вернуть. В среду пленки в типографию везти. До пятницы!

Ужинал Андрей дома, как всегда, бутербродами, а когда стемнело, зажег лампу и решил не вставать, пока не разрешит все загадки.

Для создания общей картины Андрей бегло прочел обо всем, что касалось серийных убийц мужского пола. Ненужные, случайные дети, неудачники или хилычки, которых много обижали в детстве. Выросши, они мстили всем, кто был похож на обидчиков, – подросткам,

девочкам, отвергнувшим женщинам.

«Правильно нам говорили в детстве – не обижайте маленьких. Из них вырастают серийные злодеи».

Андрей на скачанной из британского сайта страничке вычитал подробные описания дюжины закоренелых леди-киллерш.

«Не женское это дело, если за четыре столетия их только десяток набралось».

Тем интереснее становился феномен Анны К.

Объективности ради, Андрей опять нарисовал табличку и стал расписывать роковых женщин по параметрам. Часам к девяти вечера у него сложился портрет среднестатистической маньячки.

Ей было около тридцати трех лет, орудовала она долго – почти десять лет. Самыми охочими до душегубства оказались домохозяйки – почти треть, сестры милосердия, все белые женщины.

«Первым не хватало острых ощущений, вторые – сначала остро ненавидели своих беспокойных пациентов, а потом и всех остальных людей, поскольку те – тоже потенциальные больные», – решил Андрей и записал свое наблюдение в графу «Примечания».

Далеко за жертвами киллерши не ходили – больше орудовали по соседству, применяя яд, снотворное и толченное стекло.

«Ага, что-то вырисовывается!» – обрадовался Андрей.

Упоминалось, что злодейки были, как правило, привлекательны внешне. У публики и судей это вызывало симпатию, и поэтому, даже имея на совести приличный холмик трупов, киллерши редко заканчивали жизнь на эшафоте. В отличие от мужчин, которые буянили просто так, избывая глубинные комплексы, дамы действовали целенаправленно, блюдя экономический интерес.

«Кажется, я заработал поздний ужин», – решил Андрей и отправился на кухню.

Слушая, как закипает чайник, подумал, что сейчас, пожалуй, стоит выяснить причины, по которым женщина вступает на несвойственный ей путь душегубства.

«Нет, это не серия – это обыкновенная экономическая авантюра, – подумал он, читая про похождения некой Мэри Энн Коттон, ради получения наследства отравившей пятнадцать детей и пять взрослых. – Одно и то же преступление, повторенное неоднократно и без фантазии. Это не случай Анны К.»

Шестерых мужчин отравила некая Эйлин Форест, которую когда-то за шалость побил ее родной дедушка. Тут же упоминалась знатная француженка, которая в XVIII веке собственноручно задушила тридцать пять деревенских девушек, потому что муж предпочитал ее изысканному обществу гульбу с крестьянками. Когда все раскрылось, даму всего-навсего сослали в провинциальный монастырь.

Были среди этих особ явно сдвинутые психически – слышали голоса, велевшие убивать направо и налево. Эти оканчивали свои дни в тюремной лечебнице, прикованные цепью. Часто женщины подпадали под влияние психопатов противоположного пола. Андрей вспомнил, что такое случалось в Англии совсем недавно. Жена помогала любимому мужу отлавливать и убивать девушек, лишь бы он не ушел к другой. У Андрея внутри забурило: похоже, он нашел разгадку.

«Что там Томка говорила – Анна К. терпела издевательства своего супруга, даже публичные? Значит, любила его, сильно... А если он такой дикий, с отклонениями, может, и заставлял ее экспериментировать над детишками? Вышедший в тираж спортсмен, завидующий мальчикам и девочкам, у которых все впереди...»

Андрей перевел дух и взглянул на свою табличку еще раз.

«Ну хорошо. В известную схему укладывается только один эпизод из послужного списка Анны К. – работа в школе бок о бок с ненормальным супругом. Но в новой-то школе история повторилась – значит, и ситуация в семье была та же. Получается, серийным убийцей выступает не она, а он?»

Андрей встал, подошел к окну. За стеклом светились редкие огоньки засыпавшего города.

«Не, пока не разложу все по полочкам, не успокоюсь».

Анне К. или надоели издевательства мужа, или совесть заела. Она от него ушла, даже пряталась, если Томка все верно передала... Тогда непонятно, почему Анна К. продолжила бурную деятельность после того, как муж отдал Богу многогрешную душу? Так любила, что забыть не могла? Что за история?!»

Андрей еще раз проглядел табличку. Самый редкий тип представляла собой дама, убивавшая ради удовольствия.

«Может, это месть всем мужчинам? Муж сделал ее злодейкой, и она мстит мужикам за пакости, которые он заставлял ее делать? Но если исходить из того, что среди жертв общения с Анной К. – люди политически влиятельные и материально состоятельные, остается предположить, что она решила применить приобретенный опыт в целях обогащения, брала заказы на ликвидацию. Очень удобно и разумно и соответствует самой популярной среди дам схеме, цель которой – материальный интерес».

Андрей потянулся, взглянул на часы. Расследование заняло около трех часов – было без двадцати двенадцать. Голова наполнилась свинцом и все больше тяготела к подушке.

Окончательного решения найдено не было, вывод был прежним – надо найти Анну К. или, по крайней мере, узнать, где она и чем занимается.

Проснулся он рано, не слишком отдохнувшим, но с новой идеей в пустовато-мутной голове.

Рассказ Бороды о нехорошем месте по имени Озерки, из которого происходили и загадочная Анна К., и чешуйчатый конь, – вот оно, недостающее звено!

Еще работая в Москве, Андрей делал материал о гиблых местах и лозоходстве. Это было то, что нужно! Пригласить тех ребят с рамками и приборами – пусть пошарят по Озеркам!

«Уздечка для водяного коня» – так можно будет назвать материал.

Он встал, подошел к окну. Погода на дворе испортилась.

«Ну да, – скривился, рассматривая потемневший от дождя асфальт и низкие, клочковатые тучи. – Как у меня выходной, так дождь».

Заняться, в сущности, было нечем. Все, что хотел, понял и узнал вчера – мощным интеллектуальным марш-броском.

Анна К. – психопатическая личность родом из дурного места, вроде ростовских душегубов, подвигнута на убийственный путь извращенным супругом, а теперь еще извлекает прибыль из своего преступного опыта... Надо найти ее скорее!

И тут он припомнил один из немногих репортерских провалов – местную ясновидицу. Она интервью не дала, но и за порог его не выставила. Наоборот, пригласила заходить...

Трубку у Ксении Петровны сняли на третий звонок.

– Ксения Петровна, это Андрей из «Крестьянской газеты» – помните?

– Да, как же... Я на работу спешу, Андрей.

– А вечером можно к вам подойти? Дело важное...

– После половины шестого я, наверное, буду... Позвоните предварительно...

– Ты чего пришел, богатырь? – удивился Борода, услышав, что кто-то отпирает вторую комнату редакции.

– На компьютер и факс.

– По свои делам?

– Да не сказать... С вашим конем хочу кардинально разобраться.

– Икону видел в монастыре?

– А как же! Только там такой же конь, как я – Ирина Хакамада.

– Эт точно, – хихикнул главный.

– Я хочу, чтобы ребята из одной московской лаборатории подъехали и промеряли Озерки своими приборами – что здесь за аномалии такие. Все на базе НИИ земного магнетизма. Научные работники.

Андрей сел и набросал письмецо своим давним героям. Позвонил в лабораторию, застал второго человека в тамошней иерархии – Валерия Ивановича, профессионального физика и прирожденного лозоходца. Это был странновато-тихий человек с длинными русыми волосами, которого надо было время от времени просить говорить чуть громче – он скатывался на шепот.

Андрей объяснил ему ситуацию, сунул в факс подметное письмо. Через десять минут Валерий Иванович перезвонил. Судя по тому, что его было слышно без понуканий, Андрей понял: тот очень взволнован.

– Неплохо бы биологов привлечь – пусть выяснят, что там за кони-люди у нас водились.

Валерий Иванович обязательно настропалит своего шефа, удивительно не похожего на него, громогласного, мгновенно заполняющего собой окружающее пространство человека, и тот организует экспедицию.

– Михал Юрич, а Костик в понедельник выйдет? Если геофизики приедут, фотографии бы неплохо сделать.

– А, да... Водяной конь им вряд ли попадется, но поснимать надо...

Чтобы скоротать время до вечера, Андрей сел писать заметки о монастыре.

На улице просветлело, дождь перестал постукивать о жестяной подоконник, в легких весенних тучках появились голубые просветы.

– Михал Юрич, как до этих Озерков добраться? Надо ж мне хоть слегка ориентироваться, когда мои эниологи¹ со своими агрегатами навалятся.

– Разумно. На тебе ключи, только до вечера верни. Мне завтра с утра кое-куда подъехать надо. До Озерков – по Рязанскому шоссе, но не туда, куда ты в монастырь ездил, а к Москве. Только не пропадай, я тебя умоляю.

– Не пропаду, – хмыкнул Андрей. – Русалки от зимней спячки еще не очнулись.

– Тогда давай. Да, вот еще что – заедь по этому адресочку, поспрашивай...

Путь проходил мимо восстановленной к восьмисотлетию юбилею города крепостной стены. Непонятно, кому пришло бы в голову штурмовать эту краснокирпичную громадину... Только отчаянно злым кочевникам...

Указатель «П. Озерки» появился неожиданно. Поселок состоял из сравнительно новых, похожих друг на друга частных домиков – три окошка в деревянных резных ставнях. Мелькнула пара двухэтажных кирпичных новоделов.

Андрей вынул шпаргалку. На листочке значился третий дом от въезда в поселок. Спросить надо было Павла Никитича.

«Поди, дед какой-нибудь фольклорный. А наводка главного – скрытое задание сделать душевный очерк о ветеране».

Размышляя, Андрей проехал слишком далеко и, пользуясь тем, что в будний день поселковая дорога-улица была пуста, вернулся задним ходом. Из-за штaketника за его упражнениями наблюдала пожилая женщина.

– Здравствуйте, а Павла Никитича можно видеть? – спросил Андрей.

– А вы кто будете?

– Я от Михал Юрича Бороды привет привез. Пал Никитич дома?

– А вы чего от него хотите?

– Так это я ему скажу. Вы же не Пал Никитич, насколько я понимаю?

---

¹ Эниология (энергоинформационный обмен) – псевдонаука, изучающая загадочные феномены, не укладывающиеся в рамки традиционной науки.

Баба, обиженно поджав губы, ощупывала его беспокойным взглядом.

– Что там случилось? – На деревянном крылечке появился невысокий пожилой человек, на ходу набросил на плечо спортивную куртку.

Андрей вышел из машины.

– Мне бы Павла Никитича повидать.

– Я Павел Никитич. Вы от кого?

– От Михал Юрича Бороды – знаете такого?

– Ну, как не знать... Вы по газетным делам?

«Ох, господи, хоть у этого мозги не набекрень».

– Можно сказать и так, – пробормотал Андрей, забирая из машины борсетку с удостоверением и диктофоном.

– Ну, проходите в дом.

Андрея все время, которое он жил в этом городе, поражало, что частные дома были удивительно маленькими изнутри. То ли не под его современный рост строены, то ли еще что...

«Пара лет жизни в этом городе – и у меня разовьется клаустрофобия...»

Он вспомнил, что нужно выполнить местнотимый ритуал разувания до носок. Он присел и расшнуровал кроссовки. Бабка ревниво отследила процесс от начала до конца.

– Мать, чаю нам дай? Ну, как там Михал Юрич?

– Нормально. Старается удержать газету на плаву.

– А вы давно работаете? Что-то я не припоминаю...

– С Нового года. На усиление пригласили. Мне Михал Юрич намекнул, что вы можете рассказать много интересного об истории этого поселка.

Старик хитро улыбнулся:

– Я не только про поселок рассказать могу, поскольку с 1953 по 1979 год возглавлял здешние компетентные органы.

«Слава тебе господи, что не с тридцать седьмого по пятьдесят третий», – подумал Андрей и, выдав фирменную улыбку, сказал:

– В таком случае вы просто кладезь премудрости. Но меня пока интересует то... из ряда вон выходящее, что происходило здесь. Планируется научная экспедиция из Москвы...

– Радиация у нас, что ли? – недовольно промолвила бабка, со стуком расставляя на столе чашки.

– Да нет, не думаю. Просто проверят наличие естественных аномалий. Вы ведь давно здесь живете?

– Живем мы тут почти семьдесят лет, – сказал Пал Никитич, – только поселок был не здесь. Сейчас это, считай, не Озерки вовсе, одно название. Само село Озерки было километрах в трех отсюда.

– И что с ним стало?

– А под воду ушло, можно сказать.

– Как град Китеж?

– Да... Вам ведь ваш начальник про водяного коня рассказывал?

– Глупости все это, – опять не удержалась от замечания бабка, гужевавшаяся тут же и явно подслушивавшая беседу.

– Сколько я помню, эта местность славилась самыми красивыми невестами и этой вот лихоманкой – водяным конем, который людей таскал. А в тридцатых годах органы провели облаву и его подстрелили...

– Подстрелили? Вот этого Михал Юрич Борода не говорил...

– А он может и не знать – засекречено было. Так вот, когда зверя этого товарищи из органов изничтожили, уровень воды, как в наказание, стал быстро подниматься, село подтопило, и его ближе к городу перенесли. А в семидесятых годах оставшихся жителей в город, в хрущевки переселили. Только десяток домов остался, это уже не Озерки – один топоним. И вместо села, и вместо маленьких озерков теперь одно большое озеро – Светлое.

Ученые говорят – естественный процесс. В летописях упоминается, что озеро раз в тридцать-сорок лет то сходит, то наполняется – словно дышит.

– Красиво – как огромное животное... А что с этим конем стало?

– Останки увезли в Москву, засекретили, и на этом все дело кончилось. Может, где-то в спирту хранится... Да ты чай пей!

– А вы не можете меня туда проводить – на это озеро? – просительно поглядел на старика Андрей. – Чтобы я знал, куда ученых с аппаратурой везти...

– Еще чего – на ночь глядя – в такую даль! – недовольно фыркнула старуха.

Андрей глянул на часы – было без четверти четыре. Озеро, по словам деда, находилось в паре-тройке километров.

– Ты погоди, мать... Люди важное дело делают. Надо помочь... У тебя сапоги есть? Там сейчас грязно, топко.

– Мы далеко не пойдем, так – предварительная рекогносцировка, – предупредил Андрей старуху, уже разинувшую рот для протеста.

Дед напялил на себя литые резиновые сапоги с ременными ушками, и они вышли к машине.

– Ты, парень, на мою старуху не обижайся. Я при ней тебе не все сказал про здешние места. У нас еще одна напасть есть... Я тебе сказал, что в Озерках прежде самые красивые невесты в округе были?

– Да.

– А вот мужики в Озерках никак жить не хотели. Прямо заповедник какой-то – бабий... Если парень смолodu в город или в другое село не уедет, дай бог, если лет до сорока протянет. И хоть красивые девушки в Озерках были, а замуж их брали с опаской. Вдовели они быстро... Не все, конечно, но многие – довольно, чтобы люди опасаться стали.

– Ох, что-то я про это уже слышал краем уха, – пробормотал Андрей. – И еще говорят, здесь русалки мужчин воруют. Жена вас на озеро пускать не хотела – боялась, утащат?

– А может, и так. Я как на пенсию вышел, много об этом размышлял, запросы делал, вырезки собирал – только ни до чего путного не додумался. Концы с концами не сходятся.

«Ох, Пал Никитич, как я вас понимаю!»

– Ну, может, приедут ребята из Москвы, разберутся, что у вас тут за природная аномалия.

– Может, да, а может, и нет.

Асфальт перешел в грунтовку, потом и она, уткнувшись в заросли вербы, сошла на нет. Снега, рыхлого и сырого, здесь было достаточно. Местность плоская, талой воде сходить некуда, и через несколько шагов у них под ногами смачно захлюпало.

– Ну, чего, дальше пойдем или тебе хватит?

– А озеро где?

– Да, считай, ты уже в нем стоишь... Берегов у него нет, так – чисто условно. То лето было сырое, даже рыбаки сюда не ходили – до чистой воды не доберешься. А до этого два лета подряд засушливыми были, так озеро почти до нормального берега ушло, с которого я в детстве сигал. Все, дальше не идем – топь. Не судьба тебе, сынок, Светлое увидеть.

Старик шел в десяти шагах впереди, почти по колено в темно-коричневой воде. Красноватые заросли вербы впереди оборвались, оттуда веяло тяжело-погребным, ледовым холодом – видно, озеро еще не скоро освободится от зимней спячки.

– Я и так немало сегодня узнал.

Высаживая старика у дома, Андрей спросил:

– А можно будет к вам обратиться, когда мои люди из Москвы придут? В качестве консультанта поучаствуете? С вашим опытом сам Бог велел.

– Отчего же нет... Жив буду – поспособствую.

В город Андрей ехал, поторапливаясь. Было около пяти вечера – время сдавать машину Бороде и выдвигаться на консультацию к ясновидице.

«Русалки... Может, Анна К. никакая не душегубка, а просто... русалка? Так и спрошу у

Ксении Петровны – как по вашему бухгалтерскому разумению, русалки в наше время встречаются?»

Дома Андрей наспех отмыл от коричневых корок кроссовки, переоделся попримечнее – все-таки важный визит.

Снаружи было уже холодно. Который день не замерзающие лужицы покрывались коварным ледком.

«М-да, и шапочка лыжная не помешала бы, и шиповки... Март – противник непредсказуемый, как боксер-левша».

Открыл Андрею парень лет пятнадцати.

– Гоша, в комнату гостя проводи, – послышался голос Ксении Петровны.

Она вышла к нему в бесформенной мохеровой кофте.

– И о чем же вы у меня хотели спросить? – слегка устало, но вполне доброжелательно спросила, садясь напротив в кресло.

– Может быть, вы мне хотя бы приблизительно подскажите, где находится одна молодая женщина... Она работала у нас в газете, потом перешла в другую, сейчас где-то прячется, хотя примерно месяц назад была жива и здорова...

Андрей протянул газету со статьей Анны К.

Ксения Петровна мельком пробежала по странице взглядом.

– Я оставил свой телефон ее родственникам, но почему-то уверен, она не позвонит.

– Так не надо думать, а то действительно не позвонит.

Ясновидица улыбнулась чуть лукаво.

– Ей скажут, какой интересный молодой человек ее разыскивал, женское любопытство разыграет, и она позвонит.

– Думаете?

– Уверена.

– Да, но где она сейчас – можете сказать?

– А фотографию вы не принесли? Жаль. Так я ничего не могу увидеть. Вы ее не знаете, я ее не знаю – как я могу хоть что-то нащупать?

Она пожала плечами, посмотрела напряженно куда-то мимо него.

– Если сейчас у нее на душе спокойно, я ее все равно не смогу найти. Вот когда человек страдает, ищет поддержки, или ждет помощи – тогда я сразу могу сказать, где он. Словно голос услышу. А так... Не получится.

Андрей замялся.

– Факты говорят за то, что она... не очень хороший человек. Даже злой...

– Нет! – вдруг воскликнула Ксения Петровна, слегка отшатнувшись от него.

Андрей вздрогнул от неожиданности.

– Откуда вы знаете?

– Ну... хоть по этой статье. Человек, который так тонко чувствует природу, вряд ли может быть плохим. Заблуждаться может, а вот быть плохим – нет.

Домой прибыл уже в половине десятого, отпирая дверь, слышал, как надывается телефон. Трубку успел снять, но услышал только гудки отбоя.

«У, незадача!.. А вдруг это была Анна К.?» Андрей разделся, включил воду в ванной, телефон задребезжал снова. Пришлось вернуться в прихожую.

– Ты что – от меня прячешься? – услышал хорошо знакомый задорный девичий голос.

– Привет, Том. Это ты сейчас звонила?

– Я тебе весь вечер звоню.

– У меня сотовый питается, а сам я только ввалился. Дел невпроворот. Завтра у нас как?

– Как скажешь.

– Это ты мне скажи. Если в городе есть приличные места, где мы с тобой не отметились, давай восполним пробел.

– А сейчас что делать собираешься?

– От телефона в ванну, из ванны в койку – устал как собака. Весь день в бегах по холоду.

«Да, – думал он, погружаясь в сон, – если еще неделю Анна К. не подаст признаков жизни, придется подключить Томку. Она точно ее отыщет...»

Утром в пятницу Андрей застал в редакции Валю, которая печатала под негромкий бубнеж внештатника, и Бороду, читающего свежий номер собственной газеты.

– Андрюш, родной, а что ты мне в следующий номер дашь?

– Монастырь еще рано?

– Он через номер пойдет, перед Пасхой.

«Да и материал-то – конь водяной не купался. Опять к матушке ездить не минешь», – отметил про себя Андрей.

– Физики, если придут, не раньше чем через месяц – там еще снегу по колено... Может, я в следующий номер дам общую информацию по проблемам аномальных зон в Подмоскowie, а потом, ближе к лету, про Озерки материал подойдет, а?

«Хороший предлог освободить время для поисков Анны К.»

– У меня для тебя такой случай имеется! – завелся Борода. – И в Москву съездить придется. Можешь этот номер пропустить, но темку мне сделай в лучшем виде!

Борода резво вскочил, порывлся в куче бумаг на столе и извлек пачку писем – штук, верно, восемь...

– Рассказываю вкратце. Нескольким респектабельным гражданам нашего города пришли почти одновременно извещения из Инюрколлегии о том, что в Канаде якобы скончался их дальний родственник и оставил весьма приличное наследство. Чтобы его получить, надо оплатить пошлину и услуги адвоката, поскольку дядя-миллионер помер без завещания и право на наследство, хотя бы формально, требуется отстоять в суде. Усекаешь мысль?

– Усекаю. И много таких наследников?

– Вот даже не все... Наверное, кто-то не захотел позориться и промолчал. Ты не очень их срами – кто ж не желает денежки-то получить? Один даже машину продал, чтобы полторы штуки баксов перевести. Теперь его жена в гараж выселила. Домой не пускает.

Андрей взял пачку писем и отправился к себе, но последняя пятница месяца была днем выдачи гонораров внештатникам – святое дело. За его столом сидела проходящая бухгалтерша-кассир, входили-выходили люди, попутно сдавая материалы. Было шумно и беспокойно.

«Пойду-ка я перекушу и звякну Томке», – решил Андрей.

Как без ущерба для секретности подключить ее к поискам Анны К., он не знал.

Брюнетка-конфетка обнаружилась в редакции.

– Том, привет! Как мы сегодня? Гуляем?

– Ну, до пяти-то я на работе, хотя делать абсолютно нечего... В пору вешаться со скуки.

– Не радуй завистниц. Часиков в семь уточнимся?

Приятельница сказала что-то по-английски, и Андрей понял, что она согласна.

– Газету свою принеси. Есть там твое что-нибудь? Ты – восходящее солнце журналистики.

Андрей сжевал полдюжины пончиков в сахарной пудре и пошел назад на работу. Гонорарный вал схлынул. Кабинет главного был закрыт и опечатан. Андрей позвонил в Москву, отцу.

– Пап, у тебя какой-нибудь юрист-международник знакомый есть? Мне консультация нужна.

– Есть, конечно, но ты знаешь, сколько они берут?

– Мне для статьи о международном мошенничестве...

Отец обещал подумать, обменялись новостями и приветами, и Андрей положил трубку.

С Тамарой встретились у подъезда ее дома.

– Куда я тебя сегодня пригласил?

– Да тут есть одно место... Ты при галстук? А то я забыла предупредить. Там фейсконтроль.

– Моему фейсу интеллигентности не занимать. Так куда мы?

– «Интурист» потянешь?

– А чего ж нет.

Город включили в Золотое кольцо России только после того, как выстроили новую гостиницу. Иностранцы здание не окупали, и почти все оно ушло под офисы. Там был хороший ресторан, бар с коктейлями.

– Такси ловить есть смысл? – уточнил Андрей.

Было холодно. На синем небе высыпали удивительно крупные и яркие звезды.

– Дольше будет. Двинули на трамвай.

В холле охранник скользнул по их физиономиям неприветливым взглядом, поводит металлоискателем и мотнул головой – проходите. Тамара подвела его к лифту.

– У нас экскурсия на высшую точку здешних мест.

Сверху вечерний город выглядел действительно красиво – весь в бусинах и цепочках разноцветных огней.

– Я и не думал, что город такой большой – прямо за горизонт уходит.

– Некомпактно дома стоят – так только старые города застроены.

Они заказали по соку со льдом и коктейли.

– Принесла почитать?

Тамара вынула из сумочки свернутую вчетверо газету и протянула ему. Андрей надеялся, что там есть статья Анны К., с которой можно было ненавязчиво начать разговор.

– Потом прочтешь! Тебе что – со мной не интересно?

Она была в маленьком черном платье, с блестящими побрякушками в ушах и на шее.

«Точно, девушка рассчитывала на ресторан... Но это рано. Помогите мне найти Анну К., будет тебе ресторан. Напоследок...»

– Гонял за город – устал, – объяснил нехотя. – Экспедицию газета готовит – в аномальную зону, в Озерки.

– За водяным конем? – рассмеялась Тома. – Кто же здесь эту сказку не слыхал!..

– Это не сказка. Я нашел человека, который читал описание этого чудовища, когда его убили и отправляли в Москву на экспертизу. Кстати, мне Борода подсказал – эта твоя однокашница Коваленко вроде тоже из Озерков? Ее нельзя потеревить на предмет информации?

– Он чего-то перепутал, она не из Озерков. Она городская!..

Тамара аж подпрыгнула на стуле.

– Я тебе еще тогда, когда мы в монастырь ездили, сказать хотела, да бабка под колеса кинулась...

– Умм?

– Я ж Аньку в монастыре видела! Ага!

– Ты тише. Кого ты видела?

– Аньку Озерных видела, в вышивальной мастерской – сидит, платочком покрытая, нос в пальцы, иголкой туда-сюда, туда-сюда! – как заведенная!

– И чего говорила? – выдавил из себя Андрей, переваривая новость.

– Ничего. Она меня не видела, и разговаривать там особенно не станешь.

«Вот это да! Вот это да! – то ли невероятно радуясь, то ли смертельно удивляясь, воскликнул про себя Андрей. – Анна К. в монастыре! Послушницей?»

– Что бы это могло значить?

– Да кто ее знает... Может, совесть мучает, что мужика на тот свет загнала, может, еще что... Она всегда была с прибабахом выше среднего.

«Ну, детка, если не ресторан, дополнительный коктейль ты заслужила точно!» – подумал Андрей, делая знак официанту.

Андреем, то ли от спиртного, выпитого на пустой желудок, то ли от неожиданно полученной новости, овладело какое-то судорожное веселье. Он взял Тамару за руку, стал перебирать ее пальчики, говорить какие-то милые глупости, называть ее «черенкой кисюлей», «лапой», а она хихикала, дергала его за ухо и грозила пальцем.

Из бара выползли уже за полночь, пошли пешком, несмотря на упорный, холодный ветер. Хмель и дурашливое веселье быстро выдуло, к Тамириному дому подбежали молчаливые и дико продрогшие.

– Завтра позвонишь? – заворачиваясь в воротник, прогундосила Тамара.

Домой Андрей добежал очень резво и сразу кинулся в горячую ванну. Разнежась, начал соображать, как и, главное, почему Анна К. очутилась в Голубинской обители. Прячется? Как ее из обители выманить и заставить рассказать, кто заказал ей тех мужиков и как она это сделала?

«Ксюша Петровна права оказалась в какой-то степени. Анна К. недалеко обретается, и, видно, хорошо ей там – спокойно. Но это потому, что она еще не знает, что я у нее на хвосте... На русалочьем дьявольском хвосте... Тут-то бухгалтерша ошиблась – коли грехов на совести нет, в монастырь идти незачем...»

Утро за окном было пронзительно солнечным, а небо густо-синим, низким.

Не вылезая из-под одеяла, Андрей проглядел жалостные письма обманутых граждан, согласившихся с предложением экономически расслабиться и потом получить удовольствие от наследства двоюродного дедушки из Канады. Схема мошенничества вырисовывалась простая – заплати рупь, получи сто... В сущности, даже никакого дополнительного материала не требовалось – можно было сразу писать фельетон о гражданах, потерявших разум от шестизначной суммы в твердой валюте. Но это было мелко и пошло. Хотелось копнуть поглубже и, если не найти, хотя бы назвать виновников.

Зазвонил телефон.

– Привет, ты как? – гундосо произнесла Тамара. – Я вся в соплях! – взвыла она. – В горле поселилась семья ежей, в носу водопад, в башне кузню открыли!

– Ух ты! Сочувствую... А я думал, мы на той недельке опять в обитель съездим.

«У, тоже клин-блин!.. Значит, Томка пока не помощница... Ну ладно... Если Анна К. сидит за пальцами и никого на тот свет целенаправленно не загоняет, время терпит. Да и материал по монастырю не готов, ехать к матушке настоятельнице не с чем. Надо работать. Похоже, выходной опять не состоится».

Пока он приводил себя в порядок, стогая холодной водой некоторую одутловатость лица, а крепким кофе – муторность в голове, родился план действий. Андрей позвонил одному из пострадавших от мнимой Инюрколлегии и попробовал напроситься на беседу.

Та дама, которая выставила незадачливого мужа в гараж, по русской женской сурдобольности приняла его назад, но бурлила по-прежнему:

– Я ведь ему говорила – откуда у нас родственники в этом городе, если мы сюда с Урала приехали? А он – кто знает, раз наш родич, значит, мы наследники... Вот и пролетели. Машины нет... Денег нет... Еще должны остались.

С этим эпизодом все было ясно – мужик попался на собственную лживость и жадность. Андрей позвонил другому пострадавшему. Там не отвечали, и Андрей решил брякнуть домой, в Москву. Подошел брат.

– Я, наверное, к вечеру приеду.

В редакции, к счастью, никого не было. Андрей быстро набросал все, что знал об Озерках с населявшими их роковыми красавицами и хищными чешуйчато-копытными, оставил записку Вале – чтобы раньше вечера понедельника не ждали, и покати в Первопрестольную.

Отец не подвел, дал Андрею телефон известного адвоката по делам международного наследоприимства. Если б не пара хороших знакомых, через которых Андрей получил этот номер, его «крестьянских» заработков хватило бы только на то, чтобы сказать мэтру «Здрас...», после этого пришлось бы залезать в долги. Но светило было любезно и снисходительно рассмеялось, едва Андрей рассказал суть дела.

– Уже ли до нашей милой, тихой провинции докатилась эта мутная волна?... Знаете, молодой человек, я вам продиктую номерок – там мой коллега, отчасти по долгу службы, отчасти из любопытства, коллекционирует подобные случаи.

Кто был этот человек по роду деятельности, Андрей не стал уточнять, но о встрече на понедельник договорился. Оставалось добраться до лозоходцев и показать им материалы про опасных существ, гнездившихся в «милой, тихой провинции». Понедельник был заполнен до отказа.

Спец по махинациям с наследством, толстоватый и лысоватый мужчина с иронично-презрительными глазами, едва взглянув на ксерокс письма с предложением прийти и забрать никому не нужные миллионы, пренебрежительно его отбросил.

– И сколько наши доверчивые граждане будут попадаться на эти уловки?

– Пока наши доблестные спецслужбы их не пресекут.

– Но вы же понимаете, мы можем пресечь только после факта совершения преступления? Значит, пострадавшие все равно будут. Жаба душит...

– Да, хорошо, а что вам известно по этому делу?

– Центр этого вида «предпринимательства» находится в столице Нигерии, городе Лагосе.

– Черный юмор?

– Чернее некуда. Одно время нигерийцы практиковали вызов будущих миллионщиков прямо в Африку. Там людей похищали и требовали у родственников выкуп. Правда, это довольно быстро прекратилось – среди похищенных оказались американские граждане. Янки подогнали к границе территориальных вод небольшой авианосец, в тот же день всех пленников отпустили, а ЦРУ опубликовало доклад «О некоторых методах работы нигерийских преступных группировок». Он есть на официальном сайте Эф-би-ай. Можете поинтересоваться.

Андрей взял у толстого копии кое-каких документов – этого было достаточно для прехорошенькой, в меру ерной статейки. Потом ему надо было отправляться в геофизлабораторию к Мальцеву и Терпсихорову – такова была фамилия начальника лозоходцев. Он говорил, что его прапрадед был незаконным сыном крепостной красавицы актрисы и князя Оболенского – отсюда и фамилия.

Физики ютились в комнатенке на задворках какого-то ЖЭУ. Большая часть помещения была занята Терпсихоровым, Мальцев, как всегда, жался по стенам, морщась от раскатов терпсихоровского баса. Оба жадно вцепились в распечатки и, вырывая листки друг у друга, стали разглядывать репродукцию фрески, на которой святой Селиверст увещевал водяное чудище оставить богопротивный образ жизни и покаяться. Почти сразу Мальцев кинулся звонить специалистам по палеофауне. Андрей видел, как дрожит у него в руке мелованный листок с иконкой.

«Прелесть ребята!.. Просто руки трясутся от возможности поработать бесплатно!»

– А что, Андрей Викторович, вы не обратили внимания на растительность вокруг водоема? Как там – деревьев с дефектами развития нет? – поинтересовался Мальцев.

– Вы знаете, деревьев там практически нет, только очень густые заросли вербы.

– Вербы? – вскинул густые брови Терпсихоров. – Это как раз не говорит о наличии геопатогенных зон, скорее наоборот. Но все надо осмотреть на месте... Да... Надо ехать!..

От физиков Андрей отправился на вокзал и через два часа оказался под окнами редакции. Горел свет – Борода все еще напрягал верстальщика.

– О, привет, богатырь! Как съездил?

– Хорошо... Вы мне полоску в текущем номере оставите?

– Много интересного нашел?

– Выше крыши. Даже ЦРУ к работе подключил.

Из дома Андрей позвонил Тамаре – все-таки болеет девчонка. Ответила она натужным, гундосым голосом.

– Ну ты, я слышу, не работник...

– Нэ-а... Годачее болоко пью и писаю.

– Тоже занятие.

– Набестил бы, а?

– Извини, Том, завтра в работе по уши, послезавтра тоже. Не раньше четверга освобожусь.

Вечером Андрей просмотрел, что надавал ему спец по черному африканскому юмору, – к утру это должно было сложиться в лихую, изящную статью. Все рано или поздно решалось. Не решалось пока одно – как добраться до Анны К. и, главное, расколоть ее на признание.

Андрей набрал телефон монастырской канцелярии – так было обозначено на визитке с маленьким крестиком в уголке, которую дала игуменья. Мягкий женский голос ответил:

– Благослови вас Господь, слушаю.

– Сестра, я хотел бы поговорить с одной девушкой, которая сейчас находится у вас. Ее зовут Коваленко Анна. Это возможно?

– Вряд ли. Мы не знаем фамилий наших послушниц и трудниц. А имена они нам говорят такие, какие сами считают нужным. Я, во всяком случае, не знаю такой.

– Но она мне очень нужна. Она работает в вышивальной мастерской, ей лет двадцать пять...

– Нет, это не предусмотрено уставом. Монастырь есть монастырь. Люди приходят сюда, что бы избавиться от своего прошлого. Зачем же мы будем возвращать их туда, откуда они бежали?

– И что мне делать?

– Напишите письмо. У нас есть специальный почтовый ящик. Если человек увидит свое имя, захочет взять письмо и ответить – это его выбор. Не захочет – не обессудьте. А вы... кто этой девушке?

– Школьный товарищ.

«Вот, значит, как обстоят дела, – стал размышлять Андрей, положив трубку. – Там могут и не знать имен. Ну, настоятельница-то знает и куда надо сообщает – кто пришел, зачем пришел... Церковь у нас отделена от государства, но крепко слита с КГБ... Написать письмо? Взять на пушку? Вряд ли эту особу напугаешь... Томка выздоровеет, надо будет выманить эту русалку из-под коряги...»

Статейка про нигерийские проделки вышла занятная. Виктор так здорово наложил на нее лоснящиеся негритянские рожи, нашел фото российского нищего, сидящего над шапкой-ушанкой. Борода написал небольшое вступление – мол, наша газета продолжает вести собственные расследования... Андрей вставал со страниц «Крестьянской газеты» Робин Гудом на защите несчастных провинциальных лохов.

В среду номер сдали в печать, ближе к вечеру он позвонил Тамаре.

– Голос у тебя почти нормальный.

– У меня вид ненормальный – лихоманка выскочила.

– Уй, а ты мне так нужна, так нужна... Он был вполне искренен.

– Тамара, твой образ у меня вполне сложился, ты всегда в моем представлении будешь прекрасной и неповторимой.

– А по телефону ты мне не хочешь рассказать, чего ты от меня жаждешь получить?

– Рассказать-то можно, получить нельзя... Тамара прыснула.

– Знаешь, Том, если ты не увидишь того, что я насобирав, ты мне просто не поверишь.
– Ой, заинтриговал! Говори немедленно, а то я помру от любопытства!
– Как ты думаешь, как и, главное, зачем твоя знакомая Коваленко оказалась в монастыре?

– А, так это опять о ней! – разочарованно фыркнула Тамара. – Ясно – ты один из тех пошлых типов, которые шизеют от блондинок.

«Она блондинка?»

– Том, это не шутки! Боюсь, дело куда серьезнее, чем можно представить. От кого она прячется, а? Как ты думаешь?

– Если в современном монастыре можно от кого-то спрятаться, так только от самой себя.

«Вот и я о том же».

– Нет, ты припомни, что ты о ней знаешь, помозгуй... Когда ты с ней в последний раз говорила?

– Когда она материал приносила.

– А где ее, кроме монастыря, можно найти?

– У родителей... Как она от мужа ушла, к ним вернулась.

Андрей услышал, как Тамара, вероятно, прикрыв ладошкой трубку, с кем-то разговаривает.

– Да, Андрюш, я тут у матери кое-что спросила. У Аньки бабка есть – ну, редкостная сволочь. Ее, сказывают, даже менты боялись. Знаешь – из породы городских сумасшедших. Мама говорит, они детишками ходили на нее смотреть – как в бесплатный цирк.

– Чего – голая бегала?

– Почти. Раз в неделю, как по расписанию, выходила на площадь перед старым горисполкомом – недалеко от «Крестьянки»... И хоть час, хоть два могла стоять и орать, проклинать всех, особенно мужиков – это ей особенно удавалось. Покричит-покричит, успокоится и пойдет себе, раскрасневшаяся, помолодевшая. Она долго так выступала, может, лет пятнадцать – говорила, вот я так покричу, и мне хорошо становится, а вам что – жалко? Выступала она так, пока внучка у нее не родилась, Анька. Только после этого баба Катя вроде успокоилась.

– А-а... – протянул Андрей, радуясь, что сидит – иначе у него просто подкосились бы ноги, – бабку не Екатериной Васильевной звали?

– Да... А ты уже и ее уловил?! Ну ты и хваткий...

«А эта юная, чистая и невинная красавица на фотографии – внучка старой ведьмы и Анна К. – одно лицо... Значит, черной вдовой баба Катя неспроста стала... Да это же настоящая семья вурдалаков!»

– Слушай, Том, ты когда в форму войдешь? Я тебя умоляю – выздоравливай, а? Ну хоть к выходным, пожалуйста!

– А что делать надо, хоть намекни?

– Открываем сезон охоты на ведьм, водяных и русалок! Лицензию на отстрел и вознаграждение за каждую добытую голову гарантирую.

– Мм, ну ладно. Я-то хотела еще и ту неделю от работы закосить, но для тебя постараюсь.

– От работы коси сколько хочешь. Так даже лучше... Только мне надо, чтобы ты эту Коваленку из обители вытащила, а я смог бы с нее показания получить. Замах на полосу в МК со мной в соавторстве. Годится?

– А она жаловаться не побежит?

– Да с тем, что я о ней знаю, она до конца жизни молчать будет!

Тамара на том конце провода только охнула.

Андрея слегка трясло. Вот и еще один штришок к портрету. Анна К., оказывается, еще и любимая внучка гражданки М.! Ну конечно! То, что минуту назад казалось невероятным совпадением, сейчас стало совершенно естественным обстоятельством – если такое слово

применимо к существам подобного рода.

Он разыскал в блокноте пометки, сделанные месяц назад. Пузырились зловещим болотом Озерки, жителей которых – с определенным умыслом? – расселили по разным районам. Видно, вдовели водяные красавицы тоже не просто так...

Андрей бы сейчас с удовольствием пропустил рюмочку хорошего коньяка – чтобы сбить судорожное возбуждение. Было половина десятого вечера. Он быстро переоделся и вышел на улицу. Тротуары были чуть присыпаны тоненьким пластинчатым снежком. Ему стало светло и даже радостно.

«Разорюсь на «Хеннесси», – подумал он, заходя в бар – напротив здания городской администрации.

Народу в середине недели было мало, несколько парочек, поодаль за невысокой оградкой сидела компания упитанных, добротнo одетых парней его возраста или чуть постарше. Бармен поставил перед ним бокастенькую емкость с темно-коричневой жидкостью.

– Вы у нас впервые? – осведомился вежливо.

– Нет, – легко ответил Андрей, обоняя напиток. – Был как-то.

Тепло побежало по жилам, на лоб опустилась ласковая рука фортуны. Бармен показался лучшим другом.

– Повторить?

– Да, и хорошего кофе.

И вторая порция пробралась терпким ароматом в самое нутро, игриво зацепила пальцы рук и ног. Андрей почему-то оглянулся на зал и вдруг, совершенно случайно, встретился взглядом с одним из широкоплечих парней, сидящих особнячком.

Глаза у парня были блекло-серые, ничего не выражавшие, просто пуговицы-гладелки с черной точкой в центре. Оторваться от этого взгляда было невозможно – он словно примораживал. Андрею сделалось не по себе, но тут к компании подскочил официант, закрыл парня от Андрея, и странный контакт оборвался.

Снежок к утру растаял, оставил сырые тротуары и ленивую капель с крыш.

В редакции стояло затишье, до обеда Андрей закончил материал о монастыре. Пора было звонить матушке и напрашиваться на субботнюю аудиенцию. Хороший предлог подобраться к смиренной послушнице, или кто она там, – попросить разрешения побеседовать с кем-то из ищущих душевного исцеления. Если не хотят беседовать с мужчиной – пригодится Тамара. Прекрасный ход!

Андрей набрал прямой номер настоятельницы.

– Матушка, я вчера набросал статью о монастыре. Когда можно подъехать кое-что уточнить?

Матушка недаром была в прошлом крепким технарем.

– Передайте по факсу, а я помечу вам неточности и отошлю назад. Это сэкономит время.

– Да, так можно сделать, но я хочу подъехать с фотокорреспондентом. И вообще, у вас такая благодатная обстановка – я всю неделю после того, как у вас побывал, просто парил, как на радужных крыльях. В гости набиваюсь, неужели непонятно?

Наверное, игуменье понравился его неподдельный восторг, она записала их с Костиком и Тамарой на полдень субботы. Надо было звонить Томке и ставить ее перед фактом – придется ехать в обитель и брать Анну К. за жабры.

– Том, привет, ты как?

– Больничный у меня до понедельника, а там видно будет.

– А в субботу сможешь со мной в Голубинский подъехать?

– В принципе да. Ты сам как?

– А я вчера по-холостяцки двинул в тот бар на площади...

– В «Подковку»? Нашел куда ходить! Это ж самый криминальный бар в городе! Там

крутые братаны сидят и самые отвязные девицы ошиваются. На минутку нельзя тебя оставить без присмотра.

Едва он положил трубку, пришла Валя.

– Задание от Бороды получил? У тебя в столе файл.

В файле Андрей нашел записку от Бороды, в которой тот предлагал связаться с прокуратурой – туда из местного морга поступали пугающие сигналы: кто-то воровал у покойных роговицы и хрусталики глаз – просто выдирали с корнем по ночам, когда уходил персонал. В городе пошли слухи о банде «черных» трансплантологов, подвергавших трупы коммерческому разукomплектованию.

– Понравилось? – просияла Валя, глядя, как вытягивается по мере чтения его физиономия. – Такое уже было, давно, году в девяносто девятом. Город прямо кипел.

– Ага, кто-то решил возобновить преступный промысел. На субботу Костика с камерой организуешь?

– К сколько?

– К часу.

– Ладушки.

Все складывалось наилучшим образом – сначала морг с разобранными на запчасти покойниками, потом – монастырь с силовым захватом серийных убийц... Тихий, провинциальный город.

Андрей позвонил в приемную районного УВД, спросил майора Загашникова. Того, чувствуется, уже dokonали этим делом, и он просто предложил прессе поучаствовать в спецоперации, которая намечалась на сегодняшнюю ночь.

– Если не боитесь – пожалуйста.

«Господи, ночью – в морге... Но хоть не один там буду...»

В горле у Андрея что-то сжалось, но он, прикрыв микрофон рукой, бодро ответил:

– Когда выдвигаться на место?

Загашников, скорей всего, не ожидал такого бесстрашия и с некоторой теплотой в голосе сказал:

– Ну, ждем вас на объекте часам к девяти.

– А до этого побеседовать успеем?

– Так у нас вся ночь впереди... Наговоримся.

Наблюдая за лицом Андрея, Валя едва сдерживала смех.

– Оденсья потеплее – там прохладно, – с деланным участием сказала она.

– Издеваешься? Лучше бы рассказала, что до этого было.

– Жуть, что было. У покойника одного в труперне достоинство украли.

– К-ка-ко-е?!

– Мужское – какое же еще?!

– Что – тоже для пересадки?! – ужаснулся Андрей.

– Не-а. То есть все так думали, и вдова тоже... Но как потом выяснилось – любовница мужика патологоанатому специально заплатила, чтобы он ей это отрезал и отдал – на память.

– И как же все это выплыло-то?!

Валя хихикнула.

– А жена законная, ну, вдова, когда его домой для прощания привезли, обратила внимание, что у бедняги ничего под брюками не просматривается – она-то перед подружками всю жизнь хвалилась... Вот она дождалась, когда никто не видел, да потрогала осторожненько. А как ничего не нашла, так в истерику! Мол, продали, врачи-рвачи, орган для пересадки! Верните мое, ну, то есть мужнино, сокровище!

– О-хо-хо! Ну и нравы! И чего – вернули утраченный фрагмент?

– Да... Хотя не совсем.

– Что значит – не совсем?! – взвился Андрей. – Точнее!

– Труп действительно вернули в морг – проверить, не было ли еще чего-то изъято. Все оказалось на месте, а достоинство нашли – в чуланчике у той бабы. В банке со спиртом – так

ей хирург передал. Ему три года дали условно за надругательство над телами умерших, бабе – тоже, год за подстрекательство. Приняли во внимание отсутствие корыстного интереса.

– А тот – покойный секс-гигант? Его так и похоронили без...

– Да, Андрюшенька, без... – вздохнула Валя делано. – Сколько ж его можно было держать непогребенным? А вещдок есть вещдок – его только после приговора сактировать можно...

Есть Андрею не хотелось. Но пару пончиков с кофе он в себя все-таки втолкнул, решил, что для выработки иммунитета пойдет в анатомичку и расспросит об обстановке.

Поговорить с ним вышла заведующая, довольно молодая женщина в халате и шапочке, с вышитой буквой «М».

«Как в «Мастере и Маргарите».

Звали ее Мария Алексеевна. Говорили на улице, хотя было прохладно и сыро. Она нервно курила.

– Мы уж и иголки в дверные косяки втыкали, чтобы нечистую силу отвадить, и видеокамеру устанавливали – ни-че-го! А глумление над покойниками продолжается... Народ на врачей думает, жалобами милицию засыпает. Их понять можно, а мы что? Мы честно делаем свое дело. Какая торговля органами! У нас контингент для этого неподходящий – старики да больные... У них свои-то органы не работали... Какая трансплантация!

– Вечером я здесь с товарищами из органов работаю. Вы будете?

– Нет. Я до половины шестого. Дежурный врач будет, мужчина.

В восемь вечера двинулся в горбольницу. Машину, явно не по делу стоявшую у главного корпуса, увидел сразу.

– Майора Загашникова могу видеть? – сунулся в переднее окно.

Вокруг неудержимо темнело. Андрей с молчаливыми операми в штатском прошел в тот самый домик. Внутри стоял специфический запах – не то что бы очень противный, а до ужаса затхлый, невыносимый после свежего вечернего воздуха.

«Хорошо, догадался старое надеть, – подумал Андрей, входя в низенькую дверку. – Все выкину к чертовой бабушке, когда это закончится».

– Значит, так, – тихо, но веско произнес майор Загашников, оказавшийся невысоким крепышом в толстом свитере. – Ставлю задачу... Товарища корреспондента тоже касается. Распределяемся по столам и лежим, пока предполагаемый преступник не явится. После этого действуем по обстоятельствам. Вопросы есть?

Опера, числом четыре, все довольно молодые ребята, дружно буркнули «нет», и врач, парень в белом халате, повел их куда-то.

Их провели в темноватое помещение, по которому тихо, но ощутимо бродили струи холодного воздуха. На столах, которых было штук десять, под белыми простынями угадывались человеческие тела.

«По старинке хозяйство ведется – ячеек с никелированными носилками, как в западных фильмах, нет. Поэтому и воруют все, что плохо... лежит», – с раздражением подумал Андрей, представляя, как он это распишет в очерке.

Сначала оперов, охавших от соприкосновения с холодным камнем, а потом и Андрея медик развел по углам, уложил на столы и аккуратно прикрыл простынками. Чуть веяло хлоркой.

«Вроде стерильно», – постарался утешить себя Андрей.

– А подушек тут не предусмотрено? – попытался сострить он, чувствуя, как заныл от холода коротко стриженный затылок.

– Это в гроб подушки кладут, – отозвался кто-то из оперов, – а здесь по-простому.

Кто-то прыснул в ответ.

– Кончай базар, жмурики недобитые, – цыкнул майор.

«Эх, не спросил я, сколько эта муть продолжаться будет... Неужели до утра?! Или дуба врежешь от холода, или отхрюпают чего-нибудь взаправду, чуть задремлешь».

Андрей услышал, как громыхнула железная дверь и щелкнул замок.

«Это что же – нас еще и заперли?! Ну, дела...»

Андрей постарался отвлечься от гнусных мыслей, сочиняя будущую статью. Скоро начало ломить шею, зачесалось в нескольких местах сразу, было очень жаль себя, молодого, здорового, не оставившего потомства. Мысли постепенно, вероятно от холода, загустели, свернулись. Андрей задремал, преодолевая желание повернуться на бок и подтянуть колени к груди.

Из этого тяготящего состояния Андрея выбил – визг!

– Живьем брать гада!!! Живьем!!! – разорвал кладбищенскую тишину отчаянный крик майора.

Андрей резко вскочил, откинул с лица простыню.

В тусклом свете по труперне металась, что-то ища на полу, пара милиционеров. Отчаянно матерясь, они крутились на одном месте, старательно притопывая, словно плясали русского. Два других сидели на столах, полуприкрытые простынками, обалдело крутя головами.

Загремела металлическая дверь, ворвавшийся в помещение парень-медик щелкнул выключателем. При свете возня, крики и топот прекратились, опера отдувались и утирали лбы простынками. Пришедший в себя майор Загашников, не стесняясь присутствием почивших, умело используя ненормативную лексику, объяснил, что к нему, на самую малость отключившемуся, под простынку пробралась мышь и вцепилась в веко. Он попытался взять серую с поличным, но та, пользуясь возникшей суматохой, ускользнула.

– Продезинфицировать надо, – ласково сказал медик, разглядывая царапку под бровью майора.

Майор, что-то бормоча, пошел за ним, потянулись на выход из склепа и остальные. По сути, операция закончилась.

Парень-медик усадил покусанного и все еще матерящегося майора на стул.

– Это что же – мы, выходит, месяц мыша выслеживали, нагоняи из-за падла хвостатого получали?! – недоумевал майор, тихо зашипев после того, как парень намазал его йодом.

– И часто у вас мыши покойников грызут? – поинтересовался Андрей.

– Да все время, – непринужденно ответил медик. – Под одеждой не видно.

– А чего мышеловки не ставите?

– Они этого не ку-у-ушают, – так же легко ответил медик, любуясь коричневым пятном на глазу майора. – Здесь же еды навалом, после операций, после аборт... У нас мышки балованные, салычем или зерном не прельстятся. Этот, видно, гурманом оказался. Глазика захотел парного.

Майор тихо взвыл.

– Ага, очи богатырям выклеивать, – опять сострил Андрей, и майор метнул на него гневный взгляд.

– Ладно, все свободны, – пробормотал Загашников, вставая. – А на ваше... учреждение я представление областному прокурору напишу.

«Легко отделался, – подумал Андрей. – Материал будет небольшой, но кусачий. Как та мышка».

Утро было сумрачное – правду говорят старики, погода наладится только к Пасхе. Что ж, обглоданные трупы впотьмах описывать как раз.

В редакции Андрей застал Бороду с Валею за одним компьютером. Оба сразу повернулись к нему, она – готовая расхохотаться, Борода в ожидании замечательного рассказа и потрясающего материала.

Андрей поведал про ночевку в морге, про то, как прикорнувшего Загашникова цапнул мышонок-некрофил. Валя лежала, рыдая, на клавиатуре, а Борода бегал по комнате и звонко

хлопал себя по ляжкам.

– Во-во, ты так и напиши! Общественность напугана, а мы ее рассмешим!

– Ну, если разобраться – смех-то слабый, раз уж среди мышей маньяки появились.

– Наше дело – осветить событие, а специалисты пусть разбираются, что это за тенденция, – нравоучительно произнес Борода.

– Андрюш, тебе факс пришел. – Валя вытерла слезы. – На столе. Нашел?

Матушка настоятельница поправила в его материале несколько слов и даже вставила пару абзацев.

– Михал Юрич, я завтра снова в обитель еду. И Константина мне дайте с аппаратурой и машину подо все это хозяйство.

Не зная, за что братья, Андрей стал набивать материал о бдениях в морге, потом бросил его, принялся править статью о монастыре – завтра она может понадобиться для официальной части визита.

«После майорского писка в ночной тиши мне ничего не страшно!» – подумал, представляя, что он будет делать, заполучив Анну К.

Не упустит ли он ее, как покусанный майор – хвостатого? Приключения с грызуном-трупоедом, пусть и не очень приятно, отвлекли его от того, что занимало воображение весь последний месяц.

«Надо обдумать задание для Тамары – чего, собственно, я от нее хочу? Чтобы она тактично узнала, почему молодая, красивая женщина засела в монастыре? Собирается в монашки? Может, кто-то ее преследует? Давно ли она там? Надо встретиться с Томкой и все ей рассказать – иначе она ничего не поймет... Раз я сам в этой истории толком разобраться не могу».

Улучив момент, когда Валя вышла из комнаты, а Борода читал текст с экрана, позвонил Тамаре.

– Привет из склепа.

– С ума сошел? – недовольно фыркнула она.

– Вчера я в морге ночевал. Задание такое было.

– Дела у вас там в «Крестьянке»?.. Борода звереет по весне.

– Что есть, то есть. Кис, мне надо с тобой увидеться в тихом, нестремном местечке. Найдется такое?

– Да. Но оно пенсионерское. Серебряные свадьбы справляют, юбилеи. Пианист Шопена наигрывает.

– Шопен – это то, что мне сейчас нужно.

– Ну, давай для разнообразия попенсионеримся. Во сколько освободишься?

– Как ты соберешься, я за тобой подъезжаю. Но не позже пяти. Разговор долгий будет.

Статью по факту несостоявшегося задержания хвостатого злоумышленника Андрей почти добил, материал про обитель вывел на печать.

– С фотографиями на разворот наберется? – спросил Борода.

– Даже больше.

Тут как раз ввалился их штатный фотокор Костик, загнанный и жалкий. Андрей опять набрал номер Тамары.

– Ну что, идем ужинать?

– Я марафет навожу. Можешь двигаться на выход.

Через пять минут он уже вызывал Тамару по домофону.

Ресторан был щедро уляпан золотым и алым, всюду блестело лакированное дерево. Молодой парень в черном костюме и при бабочке тихо блямкал на фортепьяно. Подошел официант, подал меню.

– Принесите нам пока сока. Ужинать будем минут через сорок.

– Ну, давай, рассказывай, – сказала Тамара, положив подбородок на сплетенные пальцы и расплываясь в улыбке. – А то уже сутки помираю от любопытства.

– Том, ты посерьезнее, а? Чтобы я не жалел потом...

И Андрей шаг за шагом рассказал, как пришел к своим выводам. Тамара понемногу начала хмуриться, поджала губы и опустила сосредоточенный взгляд на его бумаги.

– То есть после беседы с нашей красавицей не выжил практически ни один бизнесмен или политик – я правильно понял?

– Во всяком случае, процент смертельных исходов среди героев ее очерков пугающе высок. Представителей творческих профессий этот мор вроде не коснулся. Хотя, может, и там есть жертвы. Просто я не знаю. После того как ты рассказала, что она внучка «черной вдовы», которая пятерых мужей пережила, для меня все это стало еще очевидней. Семейное у них это.

– Говорят, эти вещи через поколение передаются... Ты считаешь, что она их ради развлечения уморила?

– Тут, Томик, у меня нет однозначного ответа. Если учесть ее педагогический опыт... У нее же ученики болели без продыху – разве не слышала? Мне школьная фельдшерница рассказала.

– Да, была какая-то темная история, но я не поверила. Мамаша одного парнишки припадочного на нее бочку катила. Я думала, сама ребенка упустила, а учителя виноваты.

– Да, доказать-то ничего нельзя, но, когда она в другую школу перевелась, там та же история приключилась. Из одного класса четыре ребенка в реанимации оказались.

– Ну да? – вытянулась кругленькая Тамарина мордочка. – Не знала...

– Простите, первое можно подавать? – осведомился истосковавшийся официант.

– Давайте.

Андрей собрал бумаги со стола. Принесли жарко парующей перцем солянки, официант разлил по бокалам красное вино. Тут только Андрей понял, что очень устал за последний месяц.

– Еще заказывать будете?

– Осетрины и два кофе с мороженым минут через двадцать.

– Чего-то ты расшиковался! – сверкнула глазами Тамара.

– Я вчера из гроба восстал – разве не говорил?

– Ой, не надо об этом за столом, а?

– Не надо так не надо. У меня к Анне К. два основных вопроса – творит она это для развлечения, и если из корысти, кто ее заказчик? Представь себя на ее месте – на чем бы ты могла сломаться?

– Ни на чем, – пожала Тома плечами. – Это недоказуемо. Послала бы подальше – и все дела.

– А если пригрозить рассказать родным ее жертв?

– Во-первых, они люди продвинутые и вряд ли поверят. Да и что они сделают? Если Аня у своей бабки этим фокусам научилась, а та... всегда выходила сухой из воды и только прозвище обидное приобрела – у!.. – Тамара небрежно махнула рукой.

– Нет, я этого не оставлю. Если ты мне не поможешь, я сам придумаю, как ее остановить. Извини, что побеспокоил.

Тамара умильно глянула на него.

– Я думаю, напряженно думаю, как прояснить обстановку. Ты ведь, наверное, хочешь, чтобы я поговорила с ней завтра, если она там над пальцами чахнет?

– Да, выразишь сочувствие, если у нее проблемы, предложишь помощь...

– Вот-вот! На сочувствие все падки. Тем более – что она в монастырь пошла? Явно же на дно лечь решила.

Подали мороженое и кофе.

– Знаешь, – пообещала Тамара, разминая ложкой шарики мороженого, – я вечером все еще раз обдумую, а завтра, когда о поездке созваниваться станем, определимся поточнее. У меня сейчас в голове такой тарарам...

Они молча доели десерт.

– Официант, приговорчик, будь любезен!

Тамара прыснула:

– Ты это точно так сказал, как крутые пацаны из «Подковы»!

Проснулся Андрей от дребезжания телефона.

– Спим? – услышал голос Тамары.

– Да почти что и нет. Через пятнадцать минут все равно бы будильник зазвонил. Чего надумала?

– Надумала я, что на этом этапе ты вообще появляться не должен. Посиди в засаде. Объявиться всегда успеешь, верно? А я скажу ей, если найду, что некто собирает на нее материал, и, может, выясню – над детишками и старичками мудрует от скуки или из коммерческого интереса. Нам ведь сначала с этим определиться надо?

– Приятно, черт побери, когда женщина не только красива, но и умна.

В редакции уже гужевался Костик с фотоаппаратом.

– Сейчас еще одного человечка захватим, – объяснил Андрей непонимающему Костику, увидевшему, что они едут в обратном направлении.

Тамара была одета в ту же длинную юбку и в полупальто с капюшоном.

– Ой, Тамар, ты с нами? – удивился Костик.

Тамара села на заднее сиденье. С Андреем она почти не разговаривала, а с Костиком трепалась напропалую.

Темно-свекольные монастырские стены отсырели, в траве стояли лужи. Охранник провел их в кабинет матушки. Та говорила по телефону ничуть не монашеским голосом.

– На страстную пятницу у нас паломников может привалить несколько сотен, а в монастыре сор тира, прости Господи, приличного нет!.. Нет, я не хочу входить в ваше положение... Деньги вам перечислены? Вот и будьте любезны! – Она с треском положила трубку. – Извините, молодые люди... Присаживайтесь.

– Нам бы поснимать, насколько это дозволено, – чуть волнуясь, попросил Андрей.

– Людей без их разрешения снимать нельзя. Помещения, кроме келейных, пожалуйста. Ну, а во дворе и снаружи, за стенами обители – все в вашем распоряжении.

Получилось удачно – Тамара ушла вместе с Костиком и какой-то пожилой женщиной в черном, а Андрей остался поговорить с матушкой о Пасхе.

В дверь тихонько стукнули. В щелку глянула женщина в черном.

– Вы свободны, матушка?

Дверь открылась пошире – за ней маячил Костик с камерой.

– Все сняли, что хотели? – благосклонно спросила игуменья.

– Да, спасибо. Но мне нужен ваш портрет.

– Ну зачем? Суетно это, – засмушалась настоятельница.

– Матушка, материал будет неубедителен с информативной точки зрения, – вступил Андрей. – Мы даем ваше интервью, а если фото не будет, читатели нас просто не поймут.

Уговорить ее попозировать все-таки удалось. На этом пришлось откланяться.

– Ну, я отправлю текст на окончательную сверку, а то надо номер пасхальный сдавать? – тянул время Андрей.

«Господи, где ж Тамарка? Неужели Анна К. ее расшифровала?»

– А где наша коллега? – как бы между прочим осведомился у Костика, идя по коридору.

– Сказала – знакомую встретила. Во дворе болтают.

– Ну, я тут еще снимаю полчаса? Мы пока не торопимся? – очень кстати попросил Костик.

– Мы вообще не торопимся, – задумчиво произнес Андрей, озирая пустынный монастырский двор.

«Куда же Анна К. Томку уволокла?!»

Костик делал снимки снаружи храма, потом вошел внутрь. Беспокойство Андрея росло

с каждой секундой. Когда вернется Костик, надо будет спросить, где он расстался с Тамарой, и отправляться на поиски. То, что Анна К. не погубила ни одной женщины, не означает, что она не может сделать этого сейчас.

«Нет, я был не на высоте, готовя эту... акцию. Не надо было посылать ее одну...»

Опять начал сыпать то ли сырой снег, то ли примерзший дождь, Андрей направился к машине.

– Без меня смотаться решил, супостат? – раздалось у него за спиной.

Андрей резко обернулся. Тамара шла за ним, ехидно улыбаясь.

– Томк, урою! Куда ты делась?! Я тебя уже в живых не числил! Залезай в машину, а то промокнешь.

– А я за тобой – топ, топ, ты даже не слышал.

– Да я о тебе же переживал. Давай рассказывай.

Сели на заднее сиденье.

– Ну, я поговорила с Анькой, она вполне контактна... Спросила, чего здесь засела, а она такая веселая, смеется, говорит, что журналистика ей поднадоела и она решила переключиться на написание книг. Здесь вроде как в друзьях дома живет, изучает монастырский быт, учится на златошвейку и понемногу все берет на карандаш.

– А почему ей журналистика надоела, не стала она углубляться?

– Ну, супермен, тут я тебя огорчить должна.

Тамара устроилась поудобнее и, широко раскрыв глаза, стала рассказывать:

– Оказалось, ко многим статьям, которые шли вроде как за ее подписью, в основном сам Борода материал собирал. Она их только литературно обрабатывала, он ей давал подписываться, чтобы гонорары шли, а перед издателем можно было похлопотать о зачислении в штат... А потом, когда она в штат вошла, уже совсем по-другому было...

Тамара огорченно пожала плечами. Она не раз ему жаловалась, что мужики крутые к ней пристают, клеят по-черному, и он стал отправлять ее только к самым старым и доходным – чтобы лапы свои поганые не распускали. Так что, если и есть какая-то закономерность – только в этом. Чего удивляться, если дедулики мерли, как осенние мухи? От любви к прекрасной деве – как не помереть, раз поймать нельзя? От огорчения и старости мерли...

Она хихикнула.

– М-да... До отвращения похоже на правду, – кивнул Андрей, ежась. – А про школу разговор не заходил?

– Ну, если б я об этом заговорила, она бы сразу поняла, что кто-то на нее систематически компромат собирает. Да я не думаю, что там что-то было... Не прижились мы в школе, ни я, ни она – ты ж из-за этого меня злодейкой не считаешь?

В понедельник явился первым, чтобы успеть что-то сделать перед тем, как придет Валя, ввалится Борода, начнут ходить туда-сюда внештатники и просители.

Главный пришел, охая: застудил поясницу.

– Рано я на посевную вышел, ох рано! Вода на грядках, холод... Андрюш, как у тебя монастырь? Костик не подвел?

Пришел растрепанный Костик, принялся скачивать снимки из монастыря на Валин компьютер. Андрей наблюдал за процессом из-за спин. Вот фотографии, сделанные внутри обители, златошвейная мастерская...

– А матушка-то красавицей вышла, а? – зашелся восторгом Борода. – Надо будет большой снимок сделать – в подарок!

Через час Андрей доделал материал и отнес дискетку на верстку. Борода с Витей уже собирали пасхальный номер.

Валин компьютер, на котором были снимки из обители, оказался свободен... Андрей быстро нашел виды златошвейной мастерской и, не особенно разбираясь, отправил их в печать. Пришла с обеда Валя, села что-то набивать.

Андрей вложил краденые снимки в файл, сунул его в сумку.

– Валь, я домой. Надо будет – звони.

Путь домой показался Андрею длиннее обычного раза в четыре – так ему хотелось тут же, под мелкой моросью вялотекущего снегодождя, вынуть и рассмотреть... снимки, на которых была застигнута врасплох Анна К., журналист и златошвейка. Но Андрей дотерпел до дома, скинул сырую куртку и в нарушение всех здешних обычаев, не разувшись, прошел в комнату.

Включил настольную лампу, впился глазами в фотографии. На одной Анна К. – Андрей почему-то не сомневался в том, что это была она, – сидела за большим столом, опустил глаза на вышивку. Была видна только полоска лба под темным платком. На второй фотографии она подняла голову, устремила взгляд на фотографа.

«Хорошая штука – цифровая камера!»

Анна К. была действительно красивой девушкой – бледное, но чистое лицо с правильными чертами, большие светлые глаза, в меру пухлый рот, чуть приоткрывшийся от удивления. Темный платок ее не портил, даже наоборот – служил рамкой лицу, как оклад иконе. Если ее стервозная бабуля-крикуля была смолodu такой же – понятно, почему у нее не ощущалось недостатка в женихах. Да и в завистницах тоже.

Андрей порылся в дорожной сумке, с которой вселялся в эту квартирку, нашел лупу, старинную, с хорошим стеклом. Лицо Анны К. ожило, и Андрей разглядел, что глаза у нее грустные, безнадежные и обреченные.

«Не послушал Костик матушки игуменьи, стал снимать всех без разрешения и разбора... Правильно сделал, хулиган!»

Той веселости, о которой говорила Томка, во взоре Анны К. не было. Может, она потом знакомую увидела и ожила? Черный вдовий платок. Горюет по своей незадавшейся семейной жизни?... Возможно – хотя недостатка в претендентах у нее еще лет десять не будет... Или она его так любила?...

В половине двенадцатого Валя с Виктором уехали в типографию. Можно было двинуться на главреда.

– Михал Юрич, вы свободны?

– Ага... Ты еще здесь? Гуляй, номер сдали.

Он вывел на дисплей шахматы и щелкал мышкой, перемещая фигуры.

– Да, я вот как раз о гулянии. Отпуск небольшой мне не предоставите? В счет отгулов?

– Отпу-уск? – задумчиво протянул главный, не отрываясь от экрана.

– За мной визит к матушке с поздравлениями, а там...

– Да, хорошо, что напомнил, – я денежек выпишу на гостинчик. А ты когда хочешь убыть?

– Ну, хоть с понедельника-вторника. Я б путевку какую-нибудь горящую взял. Ведь еще на майские вкалывать в загон.

– Да нет, Андрюш. – Он закончил партию и повернулся. – Я в принципе не против. Ты мне еще одну полоску сделай? Тогда хоть до конца апреля гуляй, а?

«Просьба руководства равносильна приказу», – вспомнил Андрей любимую присказку отца.

Дома Андрей просмотрел старые блокноты и не нашел ничего, что бы потянуло на полосу – так, пустяки, вроде кота, который нализался дури, обнаружив ее в комнате у соседа-наркомана, и под кайфом набросился на собственную хозяйку.

Часам к семи Тамара должна была быть дома, и Андрей набрал ее телефон.

– Хочу поделиться предотпускными новостями. Их нет.

– Тормозит, гад?

– Угу, и так деликатно – сделай еще полоску и гуляй хоть до майских...

– Намекаешь на дружескую информационную поддержку?

– И как ты догадалась?

– Боюсь, ничего в вашем сельско-пролетарском формате. Кругом одна дамская

тематика. Вот, среди местных крутых поветрие – своим браткам одну девку в темноте подсовывать – модная городская фишка.

– В чем же тут фишка?

– А она страшна как смертный грех – носатая, глазенки на переносице, зубы редкие... Ее на мероприятия типа мальчишников нанимают. Когда именинник разглядит, с кем в койке оказался, самое веселье у заказчиков начинается.

Андрей проснулся поздно, от брэнчания телефона, ответил хриплым спросонья голосом.

– Ты чего, дрыхнешь? – услышал голос Тамары. – Извини, что разбудила. Для тебя тема есть – почвенная, прямо от сохи. Аккурат в «Крестьянку». Тут письмо одно мне в руки попало – односельчане возмущаются, что один мужик на их земле гарем сконструировал, живет в свое большое сексуальное удовольствие.

– Нашли куда жаловаться – в эротический еженедельник!

– Во-первых, издание наше не эротическое, а женское, – назидательно поправила Тамара. – А во-вторых, кто тебе сказал, что это письмо в редакцию? Мне его мамка принесла, она в земляном кадастре работает, это письмо по отделам передавали, не знали, что с ним делать...

«Кажется, дело с отпуском не так уж и безнадежно. Полигамная семья от сохи – ну, пусть только попробует Борода материал не взять и меня на все четыре стороны не отпустить!»

Погода была все такая же вяло-весенняя. В городе убрали почти всю вытаявшую мерзость, снега не было, но настоящего весеннего томления не чувствовалось.

Местный «Макдоналдс» располагался в павильоне, выстроенном на месте снесенного памятника Сталину. Злые языки утверждали, что ночами призрак диктатора бродит по буржуйскому заведению, оставляя мягкими кавказскими сапогами следы на сыром полу.

Тамара пришла через пять минут.

– Да ты не стесняйся, бери чего хочешь, – сказал он ей у раздачи. – Мы что – не друзья?

– Дело не в дружбе, а в фигуре. На, а то вдруг забуду.

Тамара протянула потрепанный конверт, из которого выглядывало несколько тетрадных листков в клеточку.

– Болтун и доносчик – находка для журналиста. Ты со мной не поедешь?

– Не-а, извини, солнышко. У меня после бюллетеня завал работы.

Они доели, поболтали минутку и разбежались. Надо было где-то посидеть и, переваривая американские канцерогены, прочесть письмо.

Две страницы из восьми занимали подписи, а на шести сельчане рассказывали, что поселившийся рядом столичный предприниматель завел себе, помимо городской жены, двух местных плюс кучу детей и рад-радехонек.

«Что ж, тема наша, сельская. Надо идти к Бороде, брать машину, Константина и тархтеть в Большие Веники».

Вообще-то село называлось Большие Вязники, но лучше было его запсевдонимить, чтобы не ринулись туда мужики перенимать опыт...

В редакции Андрей застал Валу, болтавшую по телефону. Компьютер у нее был выключен.

– Ты чего, трудоголик? Не можешь дома, как порядочный, сидеть?

– От трудоголика слышу. А где наш главный работяга? Мне завтра утром нужны машина и Костик со всеми прибабасами.

– Ключи здесь. Костика щас разыщем.

Андрей нашел в Сети персональную страничку известного сексолога, тот отвечал на вопросы посетителей. Оказалось, что двадцать процентов мужчин всю жизнь прожили с одной-единственной, первой и последней, женщиной. Сообщение Андрея озадачило.

Хорошо это или плохо? Хорошо, если ты смолodu встретил свою единственную и неповторимую и никто тебе больше на дух не нужен... И что, таких счастливых до самозабвения – каждый пятый?!

«Шалишь, доктор! Я пока ни одного не видел».

Дальше врач поведал, что средняя норма для нехилого мужика – всего-то около дюжины баб за одну жалкую половую жизнь, причем три законных брака – тоже в пределах дозволенного и соответствуют задачам воспроизводства населения.

«Вот это похоже на правду... А новообращенный крестьянин из Больших Веников просто решил вместо последовательной цепи залудить параллельную...»

Утром в редакции Андрей застал ворчащего Костика, затем появились Борода и Валя.

– Куда едем, молодцы? – бодрясь, спросил главный.

Костик вяло пожал плечами, Андрей ответил:

– В Большие Ве... Вязники.

– И чего там у нас приключилось?

– Семейство интересное обнаружилось типа коммуны. Как туда проехать, подскажете?

До Больших Веников было километров двадцать пять. Выехав из города, они попали в какой-то другой мир.

Солнце светилось мутно-желтым пятном через неплотную облачность, поля, освободившиеся от снега, были буро-коричневыми. Кое-где озабоченно ворчали трактора, а за ними, стайками по пять-шесть, перепархивали грачи – выклевывали из жирных, влажных пластов непроснувшихся, квелых червей.

– Так, грачи прилетели, – довольно заметил Костик. – Притормози, друг, я панорамку сниму с тракторочком – пригодится. Вид больно хорош, воздуха много.

Пока Костик, кряхтя от восторга, оцифровывал деревенский воздух, Андрей любовался окрестностями. Только живя здесь, в области, он увидел, какова на самом деле Земля – действительно, закругляется, завивается за горизонт. А если чуть поднять голову, взгляду ничего не препятствует – в Москве-то он всегда упирался в стену соседнего дома. Чувство от этого было тревожное – будто заходишь на чужую территорию без спроса. Или не знаешь, как обойтись с миллионом, выигранным по случайно купленному билету...

Указатель «С. Б. Вязники» появился через двадцать минут хорошей езды.

На деревенской улице было пустынно. На глаза попала только колченогая старуха. Андрей притормозил.

– Добрый день, не подскажете, как проехать на хутор Ново-Никольский?

– Да черта с два бабка знает... – сквозь зубы прошипел Костик.

– А вы откуда будете? – склонив на бок голову, спросила бабуса.

– Из газеты.

– А из какой?

– Из «Крестьянской».

– А вам кого надо?

– Самого хозяина.

Бабка что-то прошамкала и, нервно оглядываясь, засеменила прочь.

– За версту было видно, что ничего не скажет, – раздраженно сказал Костик. – Наверняка знает, специально свредничала.

– Зато узнали, как относятся местные к этому сельхозэротическому предприятию. Деталь!..

Нагнали еще одну даму из местных, чуть помоложе. Диалог пошел по тому же руслу – словно все деревенские, из поколения в поколение, сдавали экзамен по теме: «Как говорить с приезжими, чтобы ничего им не сказать», – и все сдали на «отлично», с первого раза.

Женщина недоверчиво смотрела Андрею в лицо:

– А что вам от него надо?

– Хотим узнать, как он дожил до жизни такой.

– Да, да! – вдруг яростно завелась тетка. – Надо, давно надо! Такой разврат – у него одна жена в Москве, другая в деревне, третья на ферме. И у всех от него дети... Он еще школу открыл – чтобы разврату сирот учить. Мы уж куда только не писали – даже не отвечают!

– А что вы писали? – поинтересовался Андрей.

– Чтобы его со всем его кагалом от нас выселили.

– И чего говорят?

– Говорят – его право. Земля его, дом его, женщины с ним добровольно живут.

– Где его жена живет?

– А зачем вам?

– Ну, надо же и с ней побеседовать.

Тетка все так же недоверчиво смотрела на него, молчала, пожевывая губами.

– Это третий дом отсюда.

Когда отъезжали, Андрей в зеркало видел, как собеседница глядела им вслед.

– На месяц вперед деревня обсуждать будет, – усмехнулся Костик. – Домик хороший у этой жены номер два.

В окошке дернулась белая занавеска, на крылечко выглянула молодая женщина, здорово располневшая, в цветастом платье до полу. На грудь из-под косынки вылезла толстая золотистая коса. Таких, славянского вида, женщин здесь было мало – эти места прикрывали подходы к Москве во времена татарского нашествия, и, как печальное следствие, Тамарин круглолицый и кареглазый тип был представлен куда шире.

Анна К. была такой же истинно русской красавицей.

– Добрый день, вы Галина? Мы из «Крестьянской газеты».

Она поджала губы, вскинула голову.

– Соседи опять написали?

– Да, если честно. Но мы к вам с вполне дружескими чувствами. Просто хотим рассказать о вашем образе жизни. В дом приглашите?

Женщина пожала плечами, отступила внутрь, давая ему пройти.

– Вы сами посудите – мы ото всех далеко, в район съездить – и то проблема. Из молодых ребят, что из армии сюда вернулись, все пьяницы-наркоманы, а кто поприличнее, в городе устроились, там себе невест нашли. Замуж идти не за кого. А Сергей Николаевич – хоть и в возрасте, но такой уважительный, культурный, что и мама моя согласилась. Вот и стали мы с ним жить. Не просто так, как сейчас многие, – венчаться ездили в Рязань.

– Как же вас, Галя, обвенчали без свидетельства из ЗАГСа?

– Теперь венчают. Он меня всем обеспечивает, в Москву возит за покупками.

– И что входит в ваши обязанности как жены?

– Да как обычно – чего все мужья хотят... Чтобы ребенок был присмотрен, дом в порядке. Я же не работаю, только этим занимаюсь. Чтобы его только в платье встречала и косу не резала. А я и сама не хочу.

У Галины пробыли час, сфотографировали ее с мальчиком на руках, поехали в цитадель христианской полигамии – фермерское хозяйство НовоНикольское.

Хутор, или, как называли в этих местах, выселки, находился километрах в трех по грунтовке.

Хозяйство было обнесено добротным забором из рабицы, за металлическими воротами вопросительно погавкивал на пришельцев кудлатый пес.

– Нам бы Сергея Николаевича, – кивнул Андрей парнишке лет двенадцати, в длинной светлой рубахе ниже колен под спортивной курткой.

– Вы не из налоговой инспекции? – подозрительно осведомился мальчик.

– Нет, мы с дружескими намерениями. Визитку передай.

Минут через десять паренек вернулся в сопровождении мужчины с окладистой русой бородой, аккуратно подстриженной, также в длинной светлой рубахе под кожаной косухой. Галя сказала, что ему за сорок, но даже с бородой местный султан казался совсем молодым.

вследствие здорового румянца и довольной, широкой улыбки.

– А я счастлив, счастлив! Мужчина может иметь столько жен, сколько способен содержать. Я три раза женился, и все три раза по взаимной любви. Конечно, на девственницах... И дети у нас любимые и желанные.

– И как они к этому относятся, три жены?

– Нормально... Вы же с Галей разговаривали... И Олеся вам то же скажет, я ее ни в чем не ограничиваю. Лучше один хороший муж на троих, чем ни одного. Я по первому образованию социальный психолог, проблему знаю. У нас по статистике только один мужик из двенадцати-пятнадцати способен содержать семью из четырех человек – какая тут моногамия, точнее, моногиния? Вот я и взял на себя обязанности мужчин, которые не способны выполнять естественные функции. Разве плохо?

Прошлись по территории, осмотрели «лицей», в котором социальный психолог обучал детишек разного возраста Слову Божию. На ферме новоявленный султан разводил нутрий.

– Скоро окот у них, все будем заняты.

– И жены ваши здесь работают?

– Есть время – работают, нет – нет. Бомжей нанимаю. Хотя под забором не валяются и сыты. Но в дом не пускаю, детей от заразы берегу. Односельчане из принципа у меня не работают – лучше бутылки по поездкам собирать будут или голодать. Но это их дело. Я никого не неволю – ни жен, ни работников. У меня свобода!

Никольский развел руками, на его лице играла расслабленно-восторженная улыбка.

«А ведь он и вправду счастлив. Редкое по нашей жизни явление», – чуть завистливо подумал Андрей.

– А как же ваша московская жена? – поинтересовался, вернувшись вслед за хозяином в дом, где их ждал обед.

– Она у меня на три зимних месяца – когда я в университете лекции читаю. Говорит, ей этого хватает. Я зову ее сюда на лето, она не хочет. Вот старший сын бывает.

– Еще раз жениться не планируете? – поинтересовался Костик, вождельно вдыхая борщовый аромат.

– Не планирую, но и не исключаю, – веско произнес Никольский. – Я всех трех жен предупредил, что это возможно. Но мне трудно найти невесту – с моими-то вкусами и требованиями.

– А какие требования вы предъявляете к избраннице?

– В невесте ценю невинность, в жене верность, в матери – плодовитость. Жены мои рожают дома, в роддом – ни ногой. Я вот у матери один, потому что моя мать побоялась в советский роддом второй раз идти. Я сам у своих детей пуповину перерезал. Крестил, правда, батюшка.

На память идейный многоженец подарил книжицу своих стихов и по банке меда каждому.

В пятницу утром Андрей в охотку, смачно дорисовывал панораму мужского рая на одну персону.

«Линчуют меня его соседи! Скинутся по полтиннику, лишнюю бутылку не купят, а меня закажут!»

– Ну, ты сегодня разработался! – заметила Валя.

– Тема волнующая, – хмыкнул Андрей не отрываясь.

Главного не было. Он распечатал статью, положил ему на стол и пошел выкупать заказанный накануне тур в Египет. Лететь надо было во вторник днем.

Глубоко ночью с пятницы на субботу Андрей очнулся от вязкого, тяжелого сна. Дом содрогался под потоками сильного ливня. К утру дождь перешел в вялотекущую стадию, и, пользуясь официальным выходным, Андрей отправился по магазинам.

Пасха, хоть и ранняя, в этом году удалась. Андрей почувствовал, что к шести утра вполне выспался и день будет долгим, светлым.

В редакции уже были Валя и Борода, в черном костюме с галстуком вместо обычного бесформенного свитера на объемистом пузе. Андрей тоже оделся пристойно.

– Элегантные, как пингвины! – хмыкнула Валя. – Только не забудьте в обители: христосуются только мужчина с мужчиной, а женщина с женщиной. Не вздумайте приставать с поцелуями к монашкам!

– Хорошо, что предупредила, – хмыкнул Борода. – Проехали, богатырь. Нам еще благословение принять надо. Сам благочинный района служит!

У стен монастыря стояли вереница шикарных авто, несколько автобусов – верно, прибыли простые богомольцы.

Во дворе былолюдно, в церкви – душно, сладковато пахло щедро воскуренным ладаном. То и дело люди, в ответ на возглас священника в золотом облачении, восклицали: «Воистину воскрес!»

Андрей с главным прокрались к самому алтарю, потом Борода, сосредоточенно крестясь, полез еще дальше.

«Долго я в этой духоте не протяну», – подумал Андрей, озираясь.

Поодаль, чуть впереди, стояла плотная группка женщин в белых платках. Они ладно подпевали хору.

«Это здешние... Послушницы-трудницы».

Одна из девушек чуть повернула голову, почувствовав неуместно-нескромный, изучающий взгляд Андрея. Глаза их встретились – на долю секунды.

Андрей узнал Анну К.

Она почти сразу опустила ресницы. На лице сохранялось благоговейно-отрешенное выражение, и все же по нему, как рябь по воде, пробежала темная тучка. Хотя, может, это был отсвет свечей, горевших над алтарем. Андрея в полумраке Анна разглядеть не могла, хотя все стоявшие рядом были ему чуть выше плеча.

Опять грянул хор, губы Анны К. зашевелились, она опять повернулась к алтарю, осеняя себя крестным знамением. Священники переоделись в белое, открыли алтарные врата; загорелся полный свет, благочинный поздравил всех в микрофон со Светлым Христовым Воскресеньем и прочел поздравление патриарха. Толпа поделилась на три потока, стала подходить целовать кресты, которые держали три молодых священника. Женщины подошли к кресту первыми.

Андрей, чувствуя, что ведет себя неправильно, все же стал пробираться в левому выходу, куда, вероятнее всего, вышли бы эти женщины. Если он не поймает Анну К. сейчас, она растворится в обители, и прости-прощай русалочья охота...

Снаружи Андрей вдохнул свежий, промытый дождем воздух. Люди, выходившие из храма, останавливались на пороге, повернувшись, трижды крестились, многие делали это долго, размеренно, становясь на колени.

Монастырский двор заполнился народом. Женщины из местных были одеты одинаково – в длинные светлые юбки и кофты. Разглядеть среди них Анну было почти невозможно...

«Борода говорил, наши имена есть в списке приглашенных... Значит, внутрь я пройти смогу... Вряд ли вышивальщицы будут разговляться вместе с высшими чинами из области. Равенство – оно ж только во Христе! Но если Господь сподобит, найду ее внутри... Надо дожидаться, когда выйдет главный, засвидетельствовать почтение матушке... А там – как фишка ляжет...»

Бороду Андрей разглядел шествующим в арьергарде у того главного священника, который вел службу.

– Михал Юрич! – довольно громко позвал Андрей.

Помахал рукой, и Борода сделал жест – иди сюда!

Их по одному пропустили в горницу, где размещалась канцелярия, а теперь был накрыт стол. Несколько кресел стояли, видимо, для самых избранных, другие должны были разговляться а-ля фуршет.

Благочинному представили только Михал Юрича, что вовсе не обидело Андрея. Он, жуя на ходу, пробрался к двери. В узком коридорчике никого не было.

«Все по своим уголкам отмечают... Неужели не повезет?»

Без труда нашел выход в наружную галерею, ведущую в мастерские. На монастырском дворе уже почти никого не было – Пасха растекалась из храма по домам.

Вовремя преклонив голову под очередной аркой, Андрей быстро, стараясь не топтать, пошел по коридору, в который выходили двери мастерских. Толкнул одну – та оказалась заперта. Голосов, праздничного шума не было слышно.

Найти Анну К. было для него делом профессиональной чести.

Впереди за поворотом послышались чьи-то торопливые шажки, легкомысленное, вовсе не монастырское хихиканье. Прямо перед ним возникли две совсем молоденькие девушки, раскрасневшиеся, с платками, скинутыми на плечи. Чуть не наскочили на него, резко остановились и смутились. Руки машинально потянулись к платочкам – покрыться.

– Христос воскрес, сестрички!

– Воистину воскрес, – машинально ответили обе.

– А здесь нельзя посторонним, – проговорила одна, благожелательно его оглядывая.

– А я не посторонний, – улыбаясь, ответил Андрей. – Мы с матушкой настоятельницей дружим. Мне бы, девочки, знакомую найти – я ее на службе видел. Не знаете – Коваленко Анна?

– Не знаем. Здесь много народу.

– Она постарше вас, светленькая, голубоглазая, симпатичная – ну, прямо как вы, – работает златошвейкой. Не может быть, чтобы вы ее не знали.

– А зачем она вам?

– С праздником хочу поздравить, спросить, как и что.

– Нам от матушки попадет, если мы вам скажем...

– Не надо ее беспокоить, у нее других дел хватает. Ну так что – где моя подруга?

– Вы идите до конца, сверните налево. Трудницы там разговляются.

– Спасибо, девушки. Дай вам Бог чего самим хочется, и побольше.

Они побежали дальше, щебеча, а Андрей быстро пошел в указанном направлении, думая – что он скажет, когда найдет Анну К.?

Из-за дощатой двери в тупике действительно слышался шум. Музыка, как при светских застольях, не было, но всплески смеха время от времени раздавались. Войти, спросить, вызвать для разговора? А кто он ей? Коллега, разбиравшийся с кляузой, намалеванной ее родненькой бабусей... Хорош предлог!

Вдруг Андрей услышал: к двери кто-то подошел, повернулась ручка... Он успел отскочить, вышли несколько женщин, довольно громко переговариваясь, пошли, не спеша, по коридору.

«Покурить, что ли?» – фыркнул Андрей мысленно.

Анны К. среди них не было – это он отследил тщательно, по-воровски выглядывая из-за двери. Но если она, как сказали молоденькие хохотушки, в этой горнице и среди ушедших ее нет, то... Удача?!

Андрей, холодея то ли от собственной наглости, то ли от предчувствия долгожданной встречи, выглянул из-за косяка, окинул взглядом часть длинной, низкой горницы.

Девушка с косой, уложенной на голове короной, собирала со стола керамические миски. Лицо у нее было задумчивое, чуть мрачное, но двигалась она непринужденно, как всякий человек, уверенный в том, что остался один. Андрей наблюдал за Анной полминуты, когда она, почувствовав его пристальный взгляд, повернулась в сторону темного проема двери.

– Кто там? – спросила, близоруко щурясь.

«Вот я и услышал ее голос», – отрешенно подумал Андрей и сделал шаг вперед.

Анна, увидев его, выпрямилась, слегка поморщилась, как от вида чего-то неприятного.

– Извините, сударь, сюда нельзя посторонним.

Он сделал еще один шаг.

– Здравствуйте, Анна.

Только теперь он понял, как давно хотел произнести эти слова.

– Откуда вы меня знаете?

– Не важно. Это долгая история. Я хочу с вами поговорить.

– Это невозможно. Вы должны немедленно уйти.

Анна опять принялась собирать со стола, словно желая показать, что разговор окончен и она – в отличие от него – занята делом. Почувствовав, что он не собирается уходить, Анна все-таки подняла глаза.

– Вам нельзя здесь оставаться. Пожалуйста...

– Хорошо, я уйду. Но обещайте встретиться со мной потом, где-нибудь в городе.

Он полез за визиткой.

– Пожалуйста, вам нельзя здесь находиться.

– Да почему? Что со мной может произойти? От церкви отлучат?

Она не отвечала, отвернувшись, стояла над горкой грязной посуды. Андрею были видны только ее чуть выпуклый лоб и высокая скула. Пауза затянулась. Андрея начинало злить это неприятие.

– Со мной что-то случится? Как с вашими учениками, да?

Анна резко повернулась, с изумлением и болью глядя ему в глаза.

– Или как с теми, у кого вы брали интервью?

Андрей сделал еще шаг. Она отступила, повернулась к нему.

– Я... ни в чем не виновата... Ее пухлые губы дрогнули.

– А никто вас ни в чем и не обвиняет. Просто поговорите со мной об этом. Почему вы не хотите?

– Вам надо немедленно уйти. Это может... плохо кончиться... для вас и для меня...

Андрей сделал еще шаг, положил на угол стола визитку.

– Я буду в отъезде пару недель. А потом... Появитесь в городе – позвоните коллеге. Мы оба журналисты и знаем, как добывать факты. Ведь я все равно докопаюсь до правды, так что лучше расскажите все сами.

Анна отвернулась, нервно дернула головой. Казалось, она сейчас заплачет, а Андрей, как всякий мужчина, женских слез не переносил органически.

Едва он успел прикрыть дверь снаружи, в коридоре появилось несколько женщин, более молодых.

– Ой, а что вы здесь делаете? – удивленно спросила одна. – Сюда посторонним нельзя.

– Да вот как раз выход ищу – заблудился в ваших переходах. У матушки поди уже все съели, пока я тут плутал.

Когда Андрей почти бегом вернулся в канцелярию, на время ставшую трапезной, благочинный, сидя в кресле, что-то рассказывал; присутствовавшие благоговейно внимали. Андрей встал у стены, стараясь отдышаться – его еще било нервной дрожью.

Не слишком ли резко он говорил с Анной? Почему она так упорно просила его уйти? Боялась, что застанут? Ну и что с того? Она даже не послушница. Да и вторжение было целиком на его совести...

Андрею почему-то расхотелось ехать в Египет. В голове звенело от обилия противоречивых мыслей, он усилием воли заставил их успокоиться и улечься. Вечером он все обдумает.

Благочинный закончил монолог, не без труда поднялся и, осенив присутствующих крестным знаменем, вместе с многочисленной свитой удалился. Через некоторое время и главред, благостно разомлевший, сделал Андрею знак – давай-ка на выход.

Весь остаток дня Андрей находился в странном состоянии – словно наблюдал себя со стороны, а собственные мысли и чувства ему передавали через какого-то весьма

равнодушного посредника.

Да, он добился своего – нашел Анну К. и... не обнаружил в ней ничего дьявольского – в простецкой Тамарке какой-то темноватой загадочности и то было больше. Теперь, вместо того чтобы развить успех, он складывает манатки, готовясь лететь за границу.

«А не сдать ли этот тур к чертовой бабушке?» – несколько раз подумал он.

Андрей отмахивался от этих мыслей, как от проснувшихся в тепле мух, – что это за птица Анна К., чтобы ради нее отказываться от добытого тяжкими усилиями отдыха? Хотя, кто станет отрицать, девушка она весьма привлекательная.

Тугой комок цеплявшихся друг за друга мыслей разорвала трель телефона.

– Христос воскрес, голубок, – промурлыкал в трубке голос Тамары.

– Воистину воскрес, киска, – машинально ответил Андрей, начисто забывший о прощальном ужине, обещанном информаторше.

– Давай встретимся пораньше – я завтра с первой электричкой уезжаю.

– Мм, ну ладно... А где?

– Ну, тут уж ты главная. Позвони, когда готова будешь, я подбегу.

«Отделаться бы от нее побыстрее», – гаденько подумал в нем кто-то посторонний.

– Анька там тебе не попалась? – спросила Тамара, когда они сидели в ресторане и болтали о том, как встретили Пасху.

«Проверка, что ли? – мелькнуло в голове. – Сознаться или нет?»

– Может, и попалась. Я смутно представляю, как она выглядит, а народищу там было – пушкой не прошибешь. Во всяком случае, у матушки на разговении девиц моложе сорока не было.

Во время пребывания в стране фараонов и пирамид Андрей открыл замечательный способ продлить отпуск по крайней мере вдвое – надо было сильно хотеть вернуться на любимую работу.

Окрестности Шереметьева-2 встретили нежным зеленым дымком, окутавшим подмосковные рощицы. Наступила настоящая весна.

«Интересно, – размышлял Андрей, катя из аэропорта, – там уже речки в берега вошли, озера подсохли? Вызвать моих метафизиков, нет?»

Мысли об Анне К. слегка поблекли к концу поездки, он решил, маловато двух недель для того, чтобы полностью расслабиться...

– Ух, паленым запахло! – вскочила ему навстречу Валя. – Небось с пляжа не выползал?

– Да что я – тупой? Я активным отдыхом был занят.

– Ты чего – прямо со станции? – уточнил Борода, радостно и чуть хищно озирая его поверх лекторских очков.

Главному Андрюша привез необъятную яркую рубаху, Вале – серебряный браслетик, а Костику маску жуткого, не египетского даже, скорее африканского демона, чуть напоминавшего любимого главного редактора взглядом выпученных черных глаз.

– Ну чего, богатырь, есть настроение поработать? – спросил Борода.

– Да, у меня же задел есть. Надо эниологов на место везти.

– Для тебя забойная темка имеется! Я специально от Константина утаил – для тебя берег!

«А стоило ли?» – меланхолично подумал Андрей.

Он привез из Каира дорожную, богато иллюстрированную книгу о православных храмах Эфиопии – это был хороший предлог нанести визит в обитель и попросить у матушки разрешения повидаться с Анной К.

– И чего за темка-то?

– Махинации с квартирами...

Дома Андрей стер со стола пыль, принялся просматривать документы.

Некая местная дама не первой молодости возьми да и выйди – официально, через ЗАГС

– за безработного гражданина Украины. С занятостью у него в Московской области тоже не получалось, жил хитрый хохол на содержании не чаявшей в нем души русской дуры. Свободное время и женины деньги, выданные в качестве карманных, ловкач употребил на то, чтобы прописать в ее двухкомнатной квартире маму, папу, брата с семьей и дочь от первого брака. В один прекрасный день раздухарившийся супруг стал воспитывать кулаками двенадцатилетнюю падчерицу...

– Это уже было слишком, сами понимаете.

– И вы решили его выставить, – продолжил Андрей за Настю – так она ему представилась.

Отвечать на его вопросы Настя согласилась только после того, как Андрей обратился к чувству женской солидарности – чтоб другие знали, кому верить надо.

– Ох, вот только если из-за этого!.. Не обижайтесь, товарищ корреспондент, но козлы мужики, все козлы...

– И когда вы решили его выставить, выяснилось, что на вашей площади прописано девять душ и вам с дочкой отводится меньше четвертой части площади, так, уголок.

– А все остальное – Хохляндия, правильно. Мамашу с папашей вызвал, они в большой комнате поселились, грозился брата с семьей привезти. Думал, я откуплюсь от них.

У Насти был небольшой частный пельменный цех, где на нее работали еще четыре женщины.

– Деньги у меня есть, хотя и достаются они мне!.. Но этими грошами я делиться не собиралась.

О размене жилплощади супруги все-таки договорились – через какую-то фирму, благо муженек и здесь напрягаться не собирался, и очень, очень зря... Леня его подвела. Он один за другим отвергал предлагаемые варианты...

– Все надеялся, что я соберу манатки и уйду куда глаза глядят.

Но в один прекрасный день им предложили бесподобный вариант с умеренной доплатой.

– Деньги, понятно, мои. На этот вариант они клюнули – двухкомнатная квартира, район зеленый, евроремонт. Подписали документы на размен.

– То есть решили, что добились своего – сделали из воздуха двухкомнатную квартиру в Подмоскowie...

– Во-во! Только не из воздуха, а из бабьей моей дури.

Настя хитро усмехнулась.

– А когда они приехали, с папой-мамой, с вещами, там оказались совсем другие хозяева, не те, с какими они договаривались. На порог их не пустили – мы, говорят, здесь живем и никуда уезжать не собираемся.

Хохлы попытались, размахивая документами «из риелторской фирмы», силой въехать на вожделенную площадь. Хозяева вызвали милицию. Милиционеры доходчиво разъяснили новоселам, что адресочком те малек обмишурились – приехали на улицу Мартемьяновскую, двенадцать, в квартиру двадцать пять, а им надо было на улицу Мартемьянова двенадцать дробь двадцать пять, что в совсем другом районе, на глухой окраине, впритык к старому цементному заводу...

Дом, приготовленный на снос, стоял без воды и электричества.

– Во, ты гляди, парень, как она меня обошла, а? – жаловался Андрею мужик неопределенного возраста, из тех, кто «не просыхает».

– Ну, если быть справедливым... – пожал плечами Андрей.

– А где ты ее видел, справедливость-то? Вот это сы-па-ра-ведливо, да?

Он неверным жестом кривого, грязного пальца обвел пустую комнату с выцветшими обоями. Из мебели там были древний шифоньер без дверей, брошенный хозяевами помирать в одиночестве, два фанерных ящика, притыренных «хозяином» жилья из ближайшего магазина.

– Привозить своих родителей на жилплощадь жены без ее согласия... Вы что же,

думали, она им рада будет?

– Вот, ты тоже не понимаешь... Как же я без папы с мамой?

Он отхлебнул из бутылки, принесенной Андреем. Посуды в этом уединенном пристанище не водилось.

– Если б я мог, я б для нее все сделал, все...

– А чего ж не сделали? – усмехнулся Андрей, уверенный, что пьяный этого не заметит.

– Смеешься, да? – поднял голову неудачник. – Думаешь, дурак я?

«Удивительно, как пьяные и собаки остро чувствуют насмешку».

– Ну, это, согласитесь, действительно не совсем умно – садиться на шею женщине и думать, что она будет этому рада.

– Другая рада была бы...

– И какие у вас планы на будущее?

– А какие... Назад поеду, домой, к папе с мамой. Настька, стерва, обещала денег дать...

Чтоб я с глаз убрался – за это она готова платить.

– Почему не уезжаете? Зимой здесь нельзя будет жить.

– А она ведь как – денег живых в руки не дает, норовит мне билет всучить в самый последний момент, чтобы вернуться нельзя было. Хитрая, стерва... И маму с папой таким макарон отправил – засунула в вагон – и адью.

«Да, тете Насте последняя любовь влетела в копеечку».

– А вы почему с ними не уехали?

– Так не согласен. Пусть она мне отступного хорошего даст.

Из выбитого окна тянуло прохладой.

– Ну, желаю вам устроиться, – кивнул Андрей, вставая.

Дома принялся разбирать вещи и нерозданные сувениры. Он привез Тамаре коралловые бусы, но звонить не хотелось.

«Позвонит сама, тогда и встретимся. Скажу – сразу кучу работы навалили – не продохнуть».

Пару дней спустя, рано утром, пока Борода не ждал его с машиной, Андрей помчался в русалочий заповедник, Озерки, посмотреть, сошла ли вода.

На шоссе было пусто. Слегка парило – земля еще не полностью отдала талую влагу.

«Благодать-то какая, – подумал Андрей, опуская окно и высовываясь навстречу теплову ветру. – А мы, людишки, жизнь друг другу портим, гадости друг другу делаем. Неужели места под солнцем кому-то не хватает?»

За этими благостно-философскими размышлениями он чуть не пропустил поворот. Затормозил, когда указатель «П. Озерки» проехал мимо.

«Заехать к Пал Никитичу?... Рано. Далеко заходить не буду, – подумал Андрей, скатываясь на грунтовку. – А то потом весь день в грязных чунях шляться».

Признаться себе в том, что бродить в одиночку по месту с дурной репутацией жутковато, Андрей не хотел.

Начались заросли вербы. Сережки, особенно на припеке, растопырились, опушились желтой пылью, из почек зелеными клювами выглядывали листики. Земля, покрытая прошлогодней травой, мягко проседала под ногами.

«Да, тут поосторожней надо – не проблема и провалиться. Там, где русалка проползет да водяной конь проскачет, богатырю не пройти... Звать на помощь будет не только стыдно, но и бесполезно».

Неожиданно кусты кончились, и озеро оказалось прямо перед ним во всем своем молчаливом великолепии. От зеркала воды Андрея отделял топкий участок метров в пять шириной, дальше шла гладкая в этот ранний час поверхность, темно-синяя, почти черная. Озеро было продолговатым, протяженным – даже с высоты своего немалого роста Андрей не видел его берегов – словно перед ним была река и он стоял на мосту.

«Да, Валерий Иванович согласится, здесь – Байкал в миниатюре. И геопатогенная зона

как следствие».

Метрах в тридцати справа от Андрея заросли вербы постепенно оканчивались, берег повышался, имелся даже небольшой обрыв – не иначе, там Пал Никитич в детстве с берега сигал. Продираться к нему сквозь кусты, по топи Андрею не хотелось. Скоро вода сойдет до приемлемого уровня, и его приятели смогут поработать вволю. Андрей повернул назад.

Не успел сделать и пяти шагов, как за его спиной что-то резко, хлестко всплеснуло, вырвалось из кустов справа, хлопая огромными крыльями или плавниками, пробежало по воде.

Андрей резко повернулся, но увидел только, как что-то большое и непонятное в ореоле брызг, прошумев по воде, шмыгнуло в заросли на другом берегу, прошелестело и затихло.

«Ну, я себя стращать не дам!» – озлился на собственный позорный испуг, заставивший присесть на мгновенно одеревеневших ногах, кинулся назад.

На темной воде, далеко по длине озера, расходились волны, но ничего, кроме этого, заметно не было. Под ногами у Андрея хищно зачавкало. Двигаться дальше было опасно и, похоже, бесполезно.

«Чего ж это такое было? Рыба поутру играла? Ничего себе рыбка, если она целое озеро взбаламутила... Ладно, у сталкера-кагэбэшника спрошу. Пусть мои экологи-эниологи разбираются... А ведь напугал, гад, кто бы это ни был!»

– Ты откуда такой? – удивилась Валя, подняв глаза от клавиатуры.

– А чего?

Она вздернула подбородок. Андрей опустил глаза и увидел, что оставляет на полу грязные следы.

– Водяного коня ловил... – хмыкнул он. – Пойду помоюсь.

В комнате его уже ждал Борода.

– Ты чего с утра такой?

– Коня водяного ловил – сказано...

– Поймал?

– Ага. В багажнике лежит, связанный. Его в поликлинику надо сдать, на опыты.

В ответ на непонимающие, чуть встревоженные взгляды коллег попытался улыбнуться:

– В Озерки ездил – посмотреть, как там гидрообстановка. А когда собрался назад, что-то из кустов выпрыгнуло – я не успел разглядеть. Пробежало по воде и снова в кусты спряталось.

– Может, утка? – предположил главный.

– Может, и утка, только для того, чтобы такие волны поднять, надо быть очень большой уткой, скорее пеликаном.

– Ага... Ну и чего?

– Позвоню приятелям – пусть приезжают с аппаратурой и ловят всех этих скакунов, если их чекисты в героические тридцатые не истребили.

– К Пал Никитичу не заезжал?

– Рано было, неудобно.

– Ладненько... А что квартирный вопрос?

– Сейчас чаю попью и дам полный ответ. Занятная история получилась. Вы были правы, шеф.

Борода ушел довольный, Андрей сел за компьютер. Рассказ о том, как опасно загонять в угол русскую женщину, легко вылился в небольшой авантюрный роман.

Выйдя из здания, поймал себя на мысли, что опасается встретить Тамару, хотя отговорка, почему не позвонил, у него была. Зашел в дешевое кафе, знал, что Тамару там не застанет.

В редакцию вернулся часа в три.

– А машина сейчас где? – спросил у Вали, лениво ковырявшей спицами.

- Здесь. Хочешь взять?
- Если только завтра.
- Опять на коня пойдешь? – так же флегматично осведомилась она.
- В Голубинский хочу подъехать, матушке подарок из Африки передать.

Сытый и довольный Борода появился через десять минут, и все устроилось. Валя забрала вязанье и пошла домой, Борода присел расслабиться за компьютерными шахматами. Теперь можно было спокойно продумать, что и как завтра сказать матушке, что – Anne K.

- Михал Юрич, вы сильно заняты?
- Нет, а что? Ты мне хочешь что-то рассказать?
- Спросить.

Борода скинул картинку на дисплее вниз, повернулся к нему.

- Спрашивай, сынок. Что знаю – все твое.
- Спасибо... До меня у вас работала одна молодая особа – Анна Коваленко.
- Да, Анечка, очень милая и способная девушка.
- Почему она ушла?

– Почему ушла?... Как-то мы не поняли, если по правде. Подала заявление и в тот же день ушла... С мужем у нее разладилось, хотя это было до того. А почему ты спрашиваешь?

- Мне кажется, я видел ее в обители у матушки.
  - В Голубинском?! – сильно удивился Борода. – Ты не путаешь? Ты разве ее знаешь?
- Андрей подал ему фото Анны К. за вышиванием.
- Это она?
  - Да... Надо же! Анюта – в монашках!
  - Как вы думаете, почему она решила удалиться в монастырь?

Борода разглядывал фотографию на расстоянии вытянутой руки, с явным удовольствием.

– У нее были проблемы с общением – мужики от нее, случалось, контроль теряли, секретаршей или референтом переманить пытались, чересчур напористо. Пара интервью от этого сорвалась. Она просила ее по возможности посылать на мероприятия, а если на индивидуальную встречу, лучше к дамам. Или чтобы к мужикам Костик ходил. Я тебя и прикупил-то, чтобы у меня еще один парень был.

Тут Андрея пронзила неожиданная догадка.

– Нельзя ли это истолковать так, что она прячется в монастыре от мужиков, которые ее сильно достали?

– Может, и так. Уж где мужиков по минимуму, так это в женском монастыре. Я бы на ее месте поступил так же! Если завтра Аню увидишь, привет передавай. Скажи: захочет она вернуться – место ей мы всегда найдем.

Оставшись один, Андрей принялся ходить между дверью и столом, обдумывая свою неожиданную догадку.

«А что, если Анна К. обладает какой-то мистической особенностью – подрывать здоровье людей, особенно мужчин?! Ведь это именно то, что отличало ее бабулю – «черную вдову»... Не понимая, что с ней не так, Анна приняла логичное решение – держаться подальше от мужчин, чтобы ненароком не повлиять на них.

Андрей сидел перед бегающим по экрану майкрософтовским шариком-трансформером и еще, и еще проговаривал про себя цепочку логических построений.

Вынужденная безудержной бранью сбрасывать черную энергию бабка-ведьма, уморившая нескольких мужей. Неудачное замужество; неприятности с постоянно болеющими учениками... Если разобраться, наверняка окажется, что большая часть заболевших детей – парнишки. Неглупая девчонка, сама быстрее, чем кто бы то ни было, поняла, что в этом просматривается система. Непонятная, вредоносная и роковая... Злой умысел здесь, вероятнее всего, места не имел. Может, поэтому она так испуганно и огорченно смотрела на фотографа – боялась ему навредить? И от Андрея старалась

отделаться поскорее – по той же причине? Говорила, что ни в чем не виновата...

Да, не виновата...

Все, решено. Завтра он любыми путями, пусть даже ценой утраты профессионального реноме, доберется до Анны К., поговорит с ней, попросит извинения и предложит помощь... Скоро приедут ребята из Москвы, с аппаратурой – вдруг ею можно проверить и человека? Надо договориться с ними прямо сейчас.

Андрей взялся за телефон. Ответил, как всегда многословно и раскатисто, Терпсихоров. Андрюша рассказал ему о своих приключениях на озере.

– Скажите мне еще одну вещь – человек может быть источником патогенного излучения? Я месяца полтора назад с одной бабусей разбирался – она мужей пять схоронила – помирали непонятно почему.

– В принципе это возможно, – согласился Терпсихоров. – Таких роковых женщин в истории пруд пруди.

«Пруд?!»

– А как-то померить это можно?

– У нас есть специальные датчики, программа интерпретации данных.

– Вы, когда ко мне поедете, с собой эти штуки возьмите – у меня объект имеется.

– Эта бабка?! Ради бога, Андрей Викторович!..

– Не хотите бабку, я вам внучку организую.

– Хорошенькая?

– Безумно.

– Тогда можно, – добродушно согласился Терпсихоров.

Приезд запланировали на следующую неделю – если не случится чего-то непредвиденного.

«Так, значит, специалисты говорят, что феномен роковой женщины существует реально. Поищу-ка в Интернете».

Дома, жуя бутерброд, внимательно прочел историческое эссе об Авроре Штернваль, петербургской красавице пушкинской поры. Автор пространно размышлял о пагубности женской красоты.

«Дурак ты! Дело не в красоте как таковой. У вредной, но плохонькой девчонки поклонников нет, поэтому они и не вымирают пачками».

Первый жених Авроры погиб за несколько дней до свадьбы. Пошли слухи, что его и всех других претендентов на руку Авроры прокляла ее собственная мать, противоестественно завидовавшая красоте дочери.

«О, в этом что-то нащупывается...»

Потом у Авроры появился второй жених, приятель великого русского поэта, но и этот не дожил до венца.

«Как же наш смуглый повеса уберется?!» – удивился Андрей.

После второго несостоявшегося замужества Аврора стала сторониться мужчин.

«Это нам знакомо!»

Только через два года снова приняла ухаживания молодого академика, свадьба все-таки состоялась. Счастье длилось недолго – Аврора скоро овдовела и шесть лет не появлялась в свете. А появившись, с ходу влюбила в себя сына историка Карамзина и во второй раз вышла замуж. Бедняга, будучи военным, вскоре погиб на войне с турками. Несчастная красавица пережила всех своих обожателей, так и не отдав никому руку и сердце, затворничала еще сорок восемь лет и скончалась в начале XX века. Какой-то поэт, вдохновленный ее необычной судьбой, начал было писать о ней поэму, но не закончил, скончался от какой-то непонятной хвори.

«Да, печально... А что говорят зарубежные исследования?»

На том же сайте рассказывалось про некую шотландскую наследницу XVII века рождения, которую отчаявшийся обзавестись внуком отец готов был отдать за первого

встречного-поперечного, но все женихи буквально падали замертво, увидев невесту.

«Тут вопрос о красоте особенно спорен... А может, все эти сказки о конкурсах женихов для принцессы, вроде Турандот или Несмеяны, – тоже отражение этого явления, многократно преломленное фольклором?»

Вопрос: «Кто вы, Анна К.?» – стремительно обрастал ответами, но не становился понятнее. Чувствуя, что голова идет кругом, Андрей отложил распечатку, взял в руки фотографию Анны.

Она глядела на него по-прежнему – встревоженно и горько.

«Как ей живется с этим? Знать, что приносишь страдания и смерть... Если она действительно хорошая, добрая девушка... Нет, тут надо что-то сделать!.. Обязательно! Убедить ее пройти обследование у эниологов. Предлагают же они какие-то меры для снятия патогенности... А если нет? И специалистов по человеческим аномалиям не существует? Уговорю я ее пройти обследование, установят они, что Анна К. – прекрасный, но ядовитый цветок, и сделать ничего нельзя. Что ж ей – в монастыре сидеть до конца жизни, среди старых богомолков и безутешных вдов?»

В пятницу еще из дома, зная, что матушка игуменья встает в шесть утра, позвонил в Голубинский. Какая-то женщина степенно, нараспев ответила, что матушка на служении, но весь остатный день будет в монастыре.

Едва выбравшись из города, Андрей поддал газу – ему не терпелось... Хотя до монастыря езды было всего полчаса. Холмы и рощицы окрестностей зеленели, словно в конце мая.

Охранники, похоже, уже знали его в лицо, только мельком взглянули в пакет с подарком.

Матушка была в кабинете, просматривала какие-то документы. Если б не черный платок на скуфье, выглядела бы она как менеджер средней руки.

– Вот, матушка, примите подарок.

Игуменья была рада книге, поблагодарила за статью и фото.

– Вы заняты, да и у меня дел много после отпуска... Михал Юрич поручил одно маленькое дело – повидаться с одной вашей трудницей.

Матушка насторожилась.

– Она раньше в «Крестьянской газете» работала, а сейчас здесь, в златошвейках. Можно с ней поговорить?

– Как ее зовут?

– Коваленко Анна.

– Да, я ее знаю. Хорошая девушка, смиренная, работающая. Но ее у нас нет.

У Андрея все оборвалось внутри.

– Как нет?! Я сам говорил с ней на Пасху!

– С Пасхи три недели прошло, молодой человек, – назидательно произнесла игуменья. – На Светлой неделе она сказала, что уходит. И ушла. Мы не всех принимаем, но никого не держим.

Разные мысли вертелись у Андрея в голове мутноватым водоворотом весь недолгий путь до редакции.

– Тебя, – сказала Валя, послушав телефон.

– Привет, вернулся и не звонишь? – услышался в трубке Тамарин голос.

– Да, возвратился и попал... Бусы тебе привез.

– Вот спасибо! Когда вручишь?

– Могу сегодня, но признаюсь сразу и честно – после отпуска я некредитоспособен, кулинарные безумства не для меня.

– Нашел о чем беспокоиться – просто пройдемся, – успокоила Тамара. – Сейчас в помещении сидеть грех – соловьи уже расппеваются.

«Соловьи-разбойники тут сплошняком».

– О'кей, когда освободишься? Я домой за презентом забегу.

Тамара постриглась покороче, сделавшись от этого моложе и пикантней.

– Здорово выглядишь. – Андрей отдал ей пакет с красно-коричневыми снизками.

– Ух ты! Спасибо, дорогой!

Она чмокнула его в щеку.

– Рассказывай, как отдыхал.

– Получил комплекс туруслуг, начиная от волнующей экскурсии в Долину царей, кончая туповатым поджариванием на малолюдном пляжу.

– Загорел здорово. Какие планы на выходные?

– Борода планирует...

– Ага... Значит, в субботу на тебя рассчитывать нечего...

Когда Андрей вернулся в редакцию, Бороды уже след простыл, Валя собиралась запереть редакцию на выходные.

– Я три звонка сделаю и сам все запечатаю, лады?

Первым набрал номер соседки бабы Кати, Клавдии Филипповны. Она сразу его вспомнила и разрешила прийти – только пораньше, до начала любимого политического ток-шоу.

Подходя к дому, где жили старушки, Андрей первым делом посмотрел на окна черной вдовы. Света не было, но вряд ли восьмидесятипятилетняя русалка могла уползти далеко.

– Ух, какой вы смуглый! Или я вас забыла?

– Нет, с памятью у вас все в порядке – я на море был.

– На Черном?

– На Красном. Так что – доброжелательница не беспокоит?

– Нет, месяца полтора никаких гадостей не было. Так что – спасибо.

– Мы, собственно, ничего особенного не предприняли – просто я намекнул, что милиция будет тщательно отслеживать ситуацию. Она здесь, не уезжала?

– Куда нам – тяжело, возраст.

– А ее сын, внучка – навещают?

– Сына к ней жена не пускает, чтобы против семьи не настраивала, а внучку я давно не видела. Ну, да Катька сама виновата.

– Резонно... Не буду вас отрывать. Если что – звоните.

На этаж Андрей поднимался, до конца не уверенный, стоит ли ему это делать.

– Екатерина Васильевна, это Андрей из газеты! – прокричал через железную дверь. – Вы можете уделить мне пару минут?

Старуха неприязненно глянула на него в щелку.

«Все боится, что ее силой возьмут, соблазнятся юной красотой... Во – а вдруг это какой-нибудь поклонник похитил Анну К.?! Или уговорил ее вернуться в мир земной любви?» – всплыло у Андрея в голове.

Но додумывать эту богатую мысль было некогда, дверь распахнулась.

– Чего хотите? – не приветливо проскрипела старуха.

– Узнать, как вам живется. Соседи не обижают?

– Нет, не трогают. Не здороваются, это да.

– А сын, внучка – бывают?

– Нет, все меня забыли. Сама кручусь, как могу.

Было начало восьмого, когда Андрей позвонил в двери к гражданам Озерных. Открыл мужчина в тренировочном костюме.

«Ну и мамкин же сын!» – мысленно ахнул Андрей.

Мужчина был очень похож на мать – такие же правильные черты, голубые глаза, редкие, седые, но, видно, в молодости золотистые волосы.

– Аркадий Александрович? – улыбнулся Андрей. – Я школьный товарищ Ани. Не скажете, где ее можно найти?

Мужчина стоял и нерешительно, оценивающе оглядывал Андрея. Тут в прихожей появилась мать Анны К.

– Добрый вечер.

– А Ани нет, я же вам говорила. Она живет в другом месте. Здесь появляется редко.

– Если вы имеете в виду Голубинский монастырь, она ушла оттуда три недели назад, и никто не знает куда. Вам это известно?

По-видимому, родители были осведомлены о пребывании дочери в монастыре, но полагали, что это семейная тайна.

Они коротко, украдкой, переглянулись.

– А... откуда вам это известно? – спросила женщина.

– Матушка настоятельница рассказала сегодня утром. А куда, по-вашему, могла уехать Аня?

– Мы не знаем, – упрямо повторила женщина, отвернувшись.

– А прежде за ней такие исчезновения водились?

– А почему вас это так интересует? – раздраженно спросил мужчина.

– Потому что я журналист, и мне все интересно по определению. А потом, так принято – если куда-то исчезает наш коллега, мы стараемся выяснить – он хотя бы жив? Вам не интересно, что сейчас происходит с вашей дочерью?

Новость об исчезновении Анны К. была для них неожиданной, по-видимому, они не могли ее переварить. Давить на них было бесполезно.

– Хорошо... Если что-то узнаете или Аня даст о себе знать, попросите ее выйти на меня. Скажите – я хочу ей помочь. Это хоть понятно? Я хочу и могу ей помочь.

В десятом часу Андрей отправился в «Подкову» – неважно было сидеть дома. Все-таки в этом двусмысленном местечке работал лучший бармен города. А главное, Тамарка не любила туда ходить.

Небо нахмурилось, потянуло влажным, холодным ветром. Пришлось надевать плащ, брать зонтик.

В баре было немногочисленно. Андрей быстро обежал глазами полутемное помещение – вроде знакомых нет, – присел к стойке. Заказал «Дайкири», который стоил здесь вдвое дешевле московского.

– Ужинать будете? – спросил бармен. – Там столик освободился. У нас сегодня гордон-блю.

– А что – можно, – лениво протянул Андрей, вспомнив, что после отпуска никак не войдет в привычное бытовое русло и дома ничего из съестного нет.

Официант проводил его за столик в деревянно-кожаном закутке подковкой. Андрей сел лицом к залу. Да, отличные условия для встречи граждан с нечистой совестью или для находящихся в бегах – свет здесь был таким мягким и неярким, что лица людей почти не различались. Через несколько минут официант принес полыхающий гордон. У Андрея так заняло под скулами, что сразу расхотелось глазеть на публику.

Потом он заказал порцию «Хеннесси», кофе и потребовал счет.

Дождь разошелся не на шутку. Под козырьком в форме подковы столпилось порядочно публики, ожидавшей, когда подгонят машины. Огоньки на подкове мигали, окрашивая струи дождя в разные цвета.

«Пойду пешком – вымокну, как цуцик, даже под зонтом. Такси брать дико не хочется – в дождь тариф возрастает... Подожду. Весной затяжных дождей не бывает».

Подкатила очередная машина, к ней из-под козырька метнулись пассажиры – две девушки и пара крупных молодых мужиков. Амбал впрыгнул на переднее сиденье, девицы юркнули в салон. Одна из них, в голубом платье с блестками, садясь в машину, на секунду подняла голову – и у Андрея подкосились ноги... Это была Анна К.! Светлые волосы уложены на темени, но не скромной монастырской коской, а роскошной короной. Почти

сразу ее заслонил второй амбал. Его Андрей тоже узнал – это был тот самый незнакомец с прилипчивыми глазами-пуговицами.

Дверцы захлопнулись, дорогая иномарка умчалась в сторону Старого города. Андрей разглядел номер, ярко высветившийся в темноте, – 123.

Уже нежась в теплой ванне, Андрей немного успокоился. Надо рассуждать логически. Допустим, это действительно Анна К. Ее нет в монастыре, нет у родных, но где-то она обретается? Может, верно предположение, которое мелькнуло накануне, – ее из монастыря увез поклонник. И она кинулась компенсировать воздержание от мирских радостей.

«Да, но такая компания... Томка говорила, что там собираются криминальные элементы, а Анна вроде девушка интеллигентная... Что могло толкнуть ее к этому шифоньеру с пустыми глазами?»

Андрей обнаружил, что крутится в постели, пытаюсь разогнать мысли по углам.

«Узнать, кто владелец машины?... Ну, узнаю... Пойду к нему и спрошу – милостивый государь, вы, что ли, любовник Анны К.?»

Андрей вылез из-под одеяла, включил настольную лампу и, найдя фото Анны, еще раз вгляделся в ее черты.

«Да нет, точно она! Или не она?... Господи, чего я извожусь? А добрейшая, проницательная Ксюша Петровна на что?!»

Он с надеждой глянул на часы – те предательски показывали без четверти двенадцать. Малоизвестной даме в такое время без супер-пупер надобности звонить было нельзя...

Проснулся Андрей в половине десятого, когда звонить можно было без особых извинений. Ксения Петровна подняла трубку после третьего сигнала.

Дождь все лил с упорством осеннего и щедростью летнего.

«Так, прикрылась очередным медным тазом моя научная экспедиция – опять озеро разольется», – невесело размышлял Андрей, выходя из подъезда под холодные струи. Фотографии Анны

К. он завернул в целлофановый пакет и спрятал во внутренний карман куртки. Отсыреют карточки, и тетя Ксюша ничего не увидит.

Ксения Петровна открыла ему сама.

– Ух вы и мокрый!

Поболтали о пустяках. Наконец хозяйка вынула последний противень, разложила пирожки по блюдам и прикрыла чистыми полотенцами.

– Пусть отдыхают, а вы мне пока расскажите, что случилось.

– Я вам говорил об одной девушке, журналистке – вы мне еще сказали, что она не может быть плохим человеком...

– Да, помню.

– Я нашел ее в Голубинском монастыре. – Андрей протянул фото.

Ксения Петровна поспешно вытерла руки, осторожно взяла фотографии.

Чуть прищурясь, разглядывала обе, переводя взгляд с одной на другую.

– Вы можете сказать – где она, здорова ли, чем занимается?

– Ну, что я могу сказать... Уверена – она жива и здорова. У покойников на фото глаза другие. Находится где-то поблизости...

«Неужели я все-таки видел ее?!»

– ...в какой-то... деревне, что ли... Когда человек находится в панельных, бетонных домах, я его плохо чувствую. А когда в одноэтажном доме – я лучше вижу.

Она вернула карточки Андрею.

– Ну, что еще вы чувствуете? Не томите меня...

– Я боюсь огорчить вас, Андрей. Мне кажется, она очень-очень несчастна.

– И на этом спасибо. – Андрей не знал, что сказать. – А вы хоть приблизительно можете узнать, где она находится?

– Да... это там. Я оттуда ее слышу. – Женщина указала в сторону исторического центра города. – Недалеко совсем. Я очень далеко не вижу. Давайте пирожков покушаем, а? Вы немного успокоетесь, а мне, может, еще что-нибудь откроется. Бывает и так.

«Анна К. где-то рядом. Вчера в «Подкове» тоже была она», – вдруг ясно понял Андрей.

– А кто вам эта девушка? – осторожно спросила Ксения Петровна. – Ведь вы ее почти не знаете, правда?

– Я видел ее один раз и сказал ей от силы тридцать слов. Боюсь, она после этого в бега и ударилась.

– Да, неприятно... Но вы не очень беспокойтесь. Пока ничего особенно страшного с ней не происходит.

– Вы же говорите – она очень несчастна.

– Да, но она здорова, сыта. И вот еще что... Ну, как сказать... Я чувствую, когда человек подходит... к последней черте. Он как-то по-другому... звучит, что ли... Так – глухо.

– А Анна?

– Вроде нет... Хотя ей плохо, она – пока не у черты...

Снаружи стало светлее, дождь утих. По лужам пошли пузыри.

«Что за деревни находятся в той стороне? До понедельника не узнаешь... Карта района в опечатанной редакции, Борода с машиной у себя на участке. Что делать в деревне в такую погоду? Только лягушек пугать... Позвонить разве?»

Борода действительно оказался в городе и стал охотно общаться.

– ...Вы мне вот что скажите – на выезде из города: налево – это в Озерки, а направо – какие-нибудь деревеньки есть?

– Направо?... Там раньше был совхоз «Путь коммунизма»... Элитный, как бы сейчас сказали. Для Кремля и Старой площади работал. Потом была госферма, а сейчас – частная застройка. Дворцы!.. А что у тебя за интерес? По работе?

– Затрудняюсь сказать... У меня информация – туда машина скрылась после ДТП.

– Номер есть?

– Мм, частично. Записывайте...

Они попрощались до понедельника. Кажется, цепочка все-таки выстраивалась.

Утром в понедельник Андрей застал в редакции Валю и главного в компании какого-то внештатника.

«Как только Борода будет в адекватном состоянии, я его кину на поиски Анны К. Он ее обожал – пусть приложит свою мохнатую лапу».

– Тебе какой-то мужчина звонил из Москвы, Валерий Иванович, – сообщила Валя, не отрываясь от клавиатуры.

– Ага, помню, – соврал Андрей, потому что про экспедицию начисто забыл. – Из-за этого дож дя опять придется выезд откладывать. Никак я до озера с конями-чертями не доберусь.

– Ты – доберешься, – подбодрила Валя.

Андрей набрал телефон эниологов. Ответил Терпсихоров.

– Ну, что там у вас, в глухой русской провинции? – раскатисто осведомился он. – Русалки на ветвях сидят? А на дорожках следы невиданных коней?

– У нас выпало полторы месячных нормы осадков – на место встречи с неведомым не пройти. Я, конечно, съезжу посмотреть завтра-послезавтра, но, боюсь, вода на этой неделе не уйдет.

– Значит, на этой неделе мы к вам не едем.

Академик положил трубку.

Когда после обеда Андрей появился в редакции, ему навстречу поднялся, наморщив невысокий лоб, крепкий парень, невнятно пробурчал фамилию. Андрей понял только, что

зовут его Боря. Тут в комнату заскочил распаренный Борода.

– Уже познакомились? Товарищ к нам со своим горем...

Боря кивнул круглой, коротко стриженной головой.

«Какое же у такого типа может быть горе?!» – изумился про себя Андрей.

– Надо написать хороший, большой материал «Памяти друга» – так ведь мы хотели это озаглавить, да? Места мы оставили на пять тысяч знаков, так что, будь любезен, поговори.

«Так... Опять некролог».

– Давайте присядем, Борис, и вы мне расскажете, что за человек был ваш друг.

Целый час Андрей выколачивал из Бори чистосердечное признание в том, что друг его был классный качок, лихой бизнесмен, хоть и не грешный по части академического образования. Покойный сделал свои деньги на торговле металлоломом, помер в одночасье, до приезда «скорой помощи», непонятно от чего, тем обездолил Вселенную и окрестности.

– Борис, вы почитайте окончательный вариант, я отойду к главному.

Борода и верстальщик бездельничали в ожидании срочного материала.

– Это чё, в натуре? – прошипел Андрей, зло уставившись на главного.

– Я тебе потом объясню, – процедил Борода, хитро ухмыляясь.

На пороге появился Боря с листками в руках.

– Все просто классно – Паша как живой описан. Да... Можно я это с собой возьму?

– Это в пятницу в газете будет, – пожал плечами Андрей.

– А мы сейчас с пацанами почитаем. Я ничего больше никому не должен?

– Нет-нет, вы за все заплатили, – поспешно ответил главред, пряча глаза.

Боря, горько вздыхая, сунул листки в карман замшевой куртки и ушел. Андрей повернулся к Бороде с явным намерением порвать главного.

– Так что это было, позвольте полюбопытствовать, Михал Юрич?

– Это мы заработали на два месяца безбедной жизни для нашей родной «Крестьянской газеты». Разве плохо?

– Так ведь это стопроцентный криминалитет? У этого Бори его низкого лобика не хватит, чтобы перечислить статьи, которые плачут о нем и его другане! Это для таких, как его приятель, школьники и бомжи провода воруют и калекими безрукими остаются!

– Ну-у, откуда ты знаешь? – примирительно заканючил Борода. – Главное, мы сделали профессионально добросовестный материал, нам за него хорошо заплатили. Чего ты кипятишься?

Андрей не успел возразить, его внимание привлекло фото почившего, которое вывел на дисплей верстальщик. Это был тип, которого Андрей видел в «Подкове» в начале весны. С серыми глазами-пуговицами... Тот, который увозил Анну К. в своем шикарном толстозадом лимузине.

– Это кто? – спросил Андрей чуть сдавленно.

– Герой твоего высокохудожественного эссе, – усмехнулся Виктор, чуть оборачиваясь.

Погода окончательно разгулялась. Лужи высохли, оставив желтые разводы пылицы. В воздухе носились тонкие, едва уловимые ароматы – на окраинах расцветали яблоневые сады.

Сидеть в помещении было невмоготу, и Андрей пристроился поесть в только что открывшемся летнем кафе.

– И кто ж это у нас такой задумчиво-пре красный? – прозвучал у него над ухом дребезжащий Тамарин голос. – Что не звонишь?

– Не хочу заражать пессимистическими настроениями.

– Случилось что-нибудь?

– Срочный некролог пришлось ваять на бывшего живого рэкетира, а ныне покойного бизнесмена.

– Кто почил?

– Некий Павел Молчанов.

– Кто-кто?! – буквально поперхнулась Тамара.

– Павел Молчанов. Из твоих, что ли, «подкованных» друзей?

– Ну, друзьями их назвать нельзя... Но Пашку я видела несколько раз. Умел гулять мужик. А-а... – Тамара явно что-то усиленно соображала. – Что с ним? Какие у тебя сведения?

– Насколько я понимаю, чой-то типа сердечного приступа. Насильственная смерть в крутой разборке вряд ли имела место.

– Да... И когда произошло сие печальное событие?

– Похоже, сегодня рано утром. В пятницу в «Крестьянке» про все сразу прочтешь.

Она исчезла также быстро, как появилась.

«Какие дела у Тамарки с этими «подкованными»? Дамское издание – зачем им криминальный материал?...»

Пора было уходить.

«Если это машина нашего покойного громилы...»

Андрей споткнулся о собственные ноги.

«Стойте, стойте!.. Если этот Пашутка – приятель Анны К., еще вчера был живой и здоровый, а утром ни с того ни с сего отдал Богу грешную душу...»

Андрея несколько раз пихнули и обругали. Через несколько минут он на онемелых ногах двинулся вперед. Мысли, налетая одна на другую, крутились водоворотом.

«Это что – начало новой серии?! И все мои подозрения относительно Анны К. верны?! Только теперь объектом русалочьей охоты стал криминальный элемент...»

– Вы адекватны, шеф? – осведомился Андрей, заглядывая за косяк двери.

– У тебя на этот счет есть сомнения?

Борода с лица был красный, но довольный.

– Ну, все-таки номер на день раньше сдали. Можете узнать, кому принадлежит черная иномарка с таким номером? – Андрей протянул главному листочек.

– Это срочно?

– Не знаю, но у меня есть предположения, что эта машина как-то связана с безвременной кончиной нашего сегодняшнего героя. Да, шеф, я все забываю вам сказать: наша бывшая сотрудница, Коваленко исчезла.

– Как это? – вздернул мохнатые брови главный.

– Сразу после Пасхи уехала из обители, но дома не появилась. Родители не знают, где она.

– Да?... Хм, ты меня озадачил. Тогда я прямо сейчас позвоню, узнаю – и про машину, и про Анечку.

Борода позвонил какому-то Владимиру Ивановичу, назвал его «дорогой» и «любезный друг», продиктовал номер машины, попросил узнать, не было ли каких-то трагических происшествий с участием молодых блондинок.

Через полчаса зазвонил городской телефон, Борода снял трубку:

– Да, Владимир Иванович... записываю... Даже так? Интересно... Да, спасибо. Не забывайте нас. Мы всегда готовы поместить материалы о работе наших доблестных органов. Так, сынок... По порядку. Машина эта принадлежит некоему господину Кочеткову Валерию Николаевичу, который является партнером покойного господина Молчанова по бизнесу. Никого похожего на Аню Коваленко ни в погибших, ни в пострадавших, ни в заявленных в розыск не числится...

«...Борода, скорей всего, ничего конкретного про Анну К. не выяснит, – соображал Андрей. – Ее родители опять чем-нибудь отговорятся, уйдут в глухую оборону. А может, она появлялась дома, поэтому они не волнуются? Велела ничего о ней не рассказывать – уж мне-то точно. Они могут догадываться, что она занимается чем-то темным, но либо сами ее боятся, либо покрывают – все-таки дочка».

Он все сделал неправильно. Своим наездом тогда, в монастыре, спугнул ее! И Анна К., зная, кто он и что, поняла: Андрей проведал ее секрет. Это она его контролирует, а не он ее.

И если она любит рискованные игры, будет нарочно водить за нос.

Не она ли посоветовала поместить некролог на своего почившего обожателя в «Крестьянке»?!

Ну что ж, если это вызов – он его примет. Никакой скорби гибель этого «металлиста» у Андрея не вызвала – хотя по-человечески жаль мужика, всего-то на пару лет старше его. Но рано или поздно Анне К. надоест этот контингент, и она примется еще за кого-то...

Но как в эту схему вписываются «страдания», которые почувствовала золотая душа Ксении Петровны? В первый раз она сказала, что Анна К. не может быть плохим человеком, но как будто ошиблась. Что-то Анну К. толкает на смертельные выкрутасы? Сумасшествие? Суперстервозность, унаследованная от бабули? Что-то, из-за чего та выходила на площадь и проклинала всех и вся? Да, видимо, какая-то глубинная патология личности... Не минешь искать специалиста-психиатра, чтобы разобраться в этом деле...

Андрей для вида посидел за компьютером, а когда Валя вышла, решил позвонить Тамаре.

– Ты сегодня где обедаешь, кошечка?

– А где ты, там и я.

– Ой, смотри, поймаю за язык!

– Ладно, обсудим и это... Так где и когда?

Договорились увидеться в «Пончиковой» в час.

Когда он вошел, Тамара была там. На столике перед ней дымились кучка горячих пончиков и два стаканчика кофе.

– Это я у тебя теперь на прокорме, да?

Они немного пожевали. Когда дошло до кофе, Андрей решил приступить к делу.

– Том, что ты думаешь о последних событиях?

Она вылупила на него темные, почти черные глаза.

– Да о безвременном уходе Павлика. Тебя это так взволновало...

– Ну, а как может не взволновать, когда молодой мужик откидывает в одночасье копыта?

– А ты в курсе, что вскоре после твоей с ней беседы, – о своем разговоре с Анной К. Андрей решил не упоминать, – наша общая подруга снялась с насиженного места в обители и отбыла в неизвестном направлении?

– Анька? Откуда мне знать? Я больше мужским полом интересуюсь. А что, Коваленко реально свалила из монастыря?

– Да, там ее нет уже почти месяц. Я ее видел с этим Пашей в «Подкове», а на следующее утро он, как ты выразилась, «откинул копыта».

– И чего?

Она, по-видимому, все еще не понимала.

– А то, что она говорила насчет случайностей – что ее респонденты вымирают один за одним после интервью, – наглое вранье. Она принялась за старое – губит народ. Только теперь подчищает крутых ребят!

– Ну нет, это бред. Ты уверен, что видел ее с Павликом?

Тамара подозрительно прищурилась.

– Знаю я их очень плохо, ты права, было темно, видел я их долю секунды... А поскольку ни в чем не уверен, прошу тебя – помоги разрыть эту историю. Потом, если надо, компетентные органы привлечем – когда факты будут поосновательнее.

Они помолчали. Тамара катала по столу шарик из салфетки.

– Чего конкретно ты хочешь?

– Заполучить Анну Коваленко на один час в полное свое распоряжение.

Тамара вскинула голову, игриво усмехнулась:

– Звучит несколько двусмысленно.

– Ты прекрасно понимаешь, я хочу задать ей три-четыре вопроса и получить вразумительные, по возможности правдивые ответы.

– Не боишься, что она и тебя... того?
– Запасусь респиратором, даже противогазом, надену кожаные перчатки, а потом сожгу всю бывшую на мне одежду. Не опаснее же она четвертого Чернобыльского блока, в конце концов.

– Я примерно знаю, где она может находиться.
– Если ты о родителях или о бабе Кате, можешь не беспокоиться. Я там уже был. Они или ничего не знают, или будут молчать.

– А ты неплохо поработал над темой. – Ее ротик, накрашенный малиновой помадой, сжался в колечко. – Ладно, сегодня среда... Я подумаю, что можно в отношении госпожи Коваленко предпринять.

– Но ты до конца в это не веришь?
– Ну, если откровенно... Я от Аньки никогда в особом восторге не была, но чтоб такое...

– Вот, найди ее, и посмотрим, кто прав. Я только рад буду, если она ни при чем, а просто ей везет на хилых друзей. Если я прав, совместную публикацию в «МК» я тебе гарантирую.

Они как-то вяло попрощались.
«Да, не надо ей говорить про новорусское стойбище. Пусть сама мне подтвердит место дислокации Анны. Хожу по кругу... Леший водит... Русалка на ветвях сидит. И кот ученый песнь заводит, вздыхая, словно рыба-кит...»

Утро четверга было таким же приветливым, как и предыдущий вечер. За неполную неделю не выпало ни капли дождя.

« Попрошу машину и рвану на озеро – может, подсохло? »
В редакции его встретил сияющий, как новый пятак, главный.
– Андрюш, у меня для тебя почетное поручение, оно же – поощрение.
– Да, Михал Юрич.
На душе у Андрея сделалось мутно.
– В Птицыно...
– Где?! – поперхнулся Андрей.
– Птицыно – я объясню, где это... Состоится трехдневный семинар молодых политиков, политологов и журналистов, пишущих на политические темы...

– Я не пишу о политике. Я брезгливый!
– Не перебивай старших. Три дня на полном пансионе, встречи, семинары, ролевые и деловые игры, культурная программа. Поедешь сегодня вечером, вернешься в понедельник утром. Это тебе подарок. Но материал тоже привези.

– И во сколько это безумство обошлось редакционному бюджету? – спесиво осведомился Андрей.

– Стоит жутких денег, но платит спонсор. Хочет поощрить наш коллектив за объективность и верность принципам.

– А Костика нельзя послать? Халява как раз по его части.
– Не злись и не злословь. У Костика жена рожает.
– Она уже второй месяц рожает.
– Чем ты недоволен? – искренне удивился Борода. – Гостиница четырехзвездочная, хавка бесплатная, бассейн, концерты-дискотеки... Давай, соглашайся. А то ты меня обидишь.

«Избавьте нас от друзей, а от врагов мы избавимся сами».
– Ну, если так, поеду. Только мне про синюю морду лица материал допаять надо.
– Паяй! Время есть! Там автобус бесплатный от платформы ходит!
– Как скажете, шеф.

Борода обрадовался и пошел к себе, а когда Андрей принес дискету, протянул ему цветной буклет.

– Вот. Заезд сегодня после шести, и сразу вечер встречи с шампанским.

«Войду и столкнусь носом к носу с Анной К., – вдруг представил Андрей. – В самый раз для нее такие тусовки!»

Андрей, почти довольный, пошел собирать вещи. Из дома позвонил Тамаре:

– Том, такое дело... Борода меня усылает в какую-то тьмутаракань на семинар по теме «Как стать миллиардером и не сесть пожизненно». На семинар молодых прохиндеев еду, в какое-то Птицыно.

– О, шикарное местечко! Лишнего билетика нет?

– Я б тебе и не лишний отдал, только меня Валентина зарегистрировала. Наш уговор помнишь? Насчет публикации в «МК»?

– А то!.. Давай, счастливо. Расскажешь потом.

В четыре дня Андрей сел на электричку и через полчаса вышел на станции, где участников ждал автобус-челнок с табличкой «Пан. «Птицыно» на ветровом стекле.

В гостинице обнаружил, что у него одиночный номер. Краем уха расслышал, что другие заплатили по триста двадцать долларов, а его участие стоило четыреста пятьдесят в день, потому что номер у него люкс.

«Что за спонсор щедрый у нас обнаружился?» – подумал мельком.

Следующий день им в конференц-зале читали занятные лекции по геополитике и психологии власти.

Вечером пел известный бард. Анна К. так и не появилась.

Утром, едва началась дискуссия, в зале погас свет и отрубились микрофоны. Объявили незапланированный перерыв. Всем вместо кофе выдали по бутылочке пепси. Прошел слух, что на линии, питавшей пансионат, местные бомжи срезали провода и до понедельника света не будет. Участникам было предложено собирать манатки и потихоньку двигаться к срочно организованному транспорту. Деньги за недополученные блага обещали выслать в ближайшее время.

«Черта с два что-то кому-то вернут. Хорошо, что деньги не наши», – разозлился вошедший во вкус интеллектуальных развлечений Андрей и пошел паковать.

Домой вернулся к пяти часам воскресенья. Делать было нечего, и Андрей решил предпринять чес по окрестным злачным заведениям с вполне определенной целью. Ведь наверняка Анна К. соскучилась без приключений – в пятницу должны были хоронить Павлика.

В «Подкове» Андрей был в половине девятого, отвел себе по времени и деньгам час, не более. К стойке подсаживаться не стал, сразу выбрал не очень климатически комфортный, но удобный для наблюдения закуток у входа. Там сильно дуло, всех входящих он видел только в три четверти или вовсе в спину, но этого было довольно.

Андрей оглядел зал. Никого похожего на Анну К. не было. Заказал грибы в кляре, зная, что их принесут не менее чем через двадцать минут, стал ждать.

К девяти часам прибыли две компании и несколько пар. Свободными оставались только два столика на четыре персоны посередине – их занимали в последнюю очередь – и пара закутков у стен.

Андрею принесли грибы, за едой он пропустил момент, когда в зал вошла компания из двух молодых пар и одного мужчины постарше, седого и сухощавого, вроде южанина. Когда Андрей обратил на них внимание, они рассаживались неподалеку, чуть влево от него.

Одна из девиц села в самом отдаленном и сумрачном месте, спиной к стене. Если б он поднял глаза секундой позже, он бы мог ее и не разглядеть. Но он все-таки успел это сделать. Это была Анна К., причесанная так же, как в прошлый раз, в черном блестящем платье с длинными рукавами.

У Андрея оборвалось сердце – он едва ее не упустил! Анна, мельком обежав глазами зал, села. С кем она сегодня? Такие же крупнотоннажные ребята, упакованные в хорошие костюмы. Седой мужчина заполз с другой стороны закутка-подковки, сел рядом с Анной,

ребята прикрыли выходы...

Да, но ведь была еще одна девица! Если при виде Анны К. у Андрея оборвалось сердце, при виде этой особы оно упало и запуталось в требухе.

Это была Тамарка! Она села к нему затылком. Платье на ней было тоже черное – она почти всегда была в черном, – только без блеска.

«Так, – Андрей слегка успокоился, – Томка добралась до Анны К. Ну, ловка кошка... Интересно, что она мне в понедельник поведает... Или позвонит на мобильник сегодня вечером? А может быть, уже звонила, но не дозвонилась?»

На семинарах просили выключать мобильники, большую часть времени он был недоступен.

К компании подскочил официант, предложил меню, но седой продиктовал заказ на память. Завсегдатаи... Анна К. повернула голову в сторону седого – тот ей что-то рассказывал.

«Это, очевидно, ее теперешний объект. Похоже, ребята – просто свита. А Томка?»

Официант принес выпивку. Андрей заметил: выпили они не чокаясь.

«Уж не Павлика ли поминают?»

Через несколько минут официант принес салатницы и хлеб.

«Специально выбирает «Подкову» с ее интимным полумраком – легче что-нибудь подсыпать захмелевшему поклоннику?»

Луcreция Борджиа, прекрасная и коварная блондинка. В природную вредоносность Анны К. Андрей до конца не верил.

«Как бы предупредить Тамару, чтоб была поосторожнее... А вот возьму и позвоню ей!..»

– Привет, это Андрей.

Она не стала называть его по имени – правильно.

– Нашла что-нибудь?

– Ой, нет... Знаешь, совсем глухо. Никаких концов. Ты когда возвращаешься?

– Утром буду в редакции. Позвонишь?

– Обязательно... Извини, у меня гости. Пока.

Андрей видел, как она захлопнула телефон и спрятала в сумочку.

«Господи, что происходит?! Она говорит, что никого не нашла, а ведь без ущерба для ситуации могла сказать «у меня для тебя кое-что есть», или что-то в этом роде. Еще намекнула, что находится дома. Неужели поверила в мою теорию или даже нашла доказательства?»

Он, чтобы оправдать свое сидение за столиком, заказал двойной эспрессо с мороженым.

«Если они принялись за горячее, значит, через полчаса-час закончат. Выйду пораньше, возьму тачку, лучше частную, попробую их отследить».

Андрей расплатился и вышел наружу. Там маялась очередь извозчиков. К нему подскочил разводящий:

– Машину не желаете?

– Желаю, но не всякую. Скромную. Ждем, когда выйдет мой человек, едем за ним. И мне не надо, чтобы мы висели у них на бампере, но и упустить их очень не хотелось бы.

Разводящий сделал кому-то знак, Андрея отвели к жигуленку невзрачной расцветки.

– Пятьсот в час устроит?

– А если отделаемся раньше?

– Соответственно.

Ждали недолго. Минут через двадцать вся компания вывалилась из дверей «Подковы».

– Вот они, – сказал шоферу.

– Понял. – Тот, не дожидаясь, когда стартует серебристый БМВ, стал выезжать из ряда.

БМВ действительно направился к южной окраине. Едва въехав в район кирпичных

палаццо, мягко остановился у третьего дома единственной улицы. Над воротами особняка загорелся желто-зеленый фонарь.

– Тормозни тут, посмотрим, – буркнул Андрей шоферу.

Из серебристого вышел один из широкоформатных, выпустил девушек и прошел за ними в отъехавшие сами собой ворота. Минут через пятнадцать он из калитки вышел – с одной Тамарой.

БМВ с Тамарой и охранником покати к выезду на шоссе.

– За ними? – спросил шофер, заводя машину.

– Да, в город, но, в принципе, не за ними. Подбросишь в Третьяковский проезд.

Это было кварталом дальше к центру, чем его переулок, но он решил не выдавать своего местожительства. Когда Андрей расплачивался с шофером, тот протянул ему визитку:

– Машина понадобится – звоните. Днем вдвое дешевле.

В квартиру вошел в половине двенадцатого. Можно было посмотреть бокс, но даже мельтешение на экране, смачные удары, взывы публики и вопли рефери не отвлекли его от собственных мыслей.

Итак, Томке удалось найти Анну К. Почему она не захотела даже намекнуть, что его задание блестяще выполнено? Побаивается милой однокашницы? А что это за странные перемещения? Логичнее было высадить Тамару в городе, потом отвезти Анну К. Пустяк, но Андрею это почему-то не понравилось.

Заварил крепковатый для вечернего времени чай. Он не станет рассказывать Томке, что видел их, да еще и следил. Проверка, и довольно гаденькая, да... Но она зачем-то сказала ему, что ничего не нашла?

Похоже, он напетлял такого, что сам запутался. Тамара не знает, что он говорил с Анной К., а Анна К. не знает, что Тамара – его человек... Что ж, это неплохо. Надо дожидаться утра и встретиться с Тамарой. Только бы не проговориться. Она ведь уверена: он сейчас веселится на прощальном вечере в Птицыне. Пусть так и думает.

Завтрашний день все расставит по своим местам.

В понедельник Андрей проснулся в половине девятого и решил, что отправится на работу вовремя. Бороде можно сказать, что он приехал вчера.

В редакцию явился в десять; Валя протирала экран дисплея.

– Уже?! Когда ж они, изверги, вас подняли?

– Изверги вытурили нас на день раньше.

На его голос пришел главный.

– Привет, чего это вас вытурили? Плохо себя вели? Плевали жеваной бумагой в лекторов?

– В пансионате электричество отрубилось. Аппаратуре кирдык, обеда, ужина готовить не на чем – нас и попросили.

– Ух ты, невезуха какая... Но хоть остальным доволен?

– Да, много интересного вынес.

– Отчетик набросашь? Так, информативно – «слушали-постановили»? На «четвертушку»?

– На большее не получится – пресс-релизов не дали. А на озеро съездить машину дадите? Я хочу ученых привезти до майских праздников.

– Вернешь до вечера.

Напрягаясь над отчетом о семинаре, Андрей почти забыл, что ему должна позвонить Тамара. В половине двенадцатого решил, что «уже приехал».

– Том, привет!

– Ох, привет, – ответила она, подпуская в голос понедельничную скуку. – Как съездил? Оторвался?

– Да, дискотека на тему «Концепции власти в работах ведущих философов-постмодернистов» – это, конечно, отпад, отрыв и улет. Извини, не владею

современным молодежным сленгом.

– Да, этим словечкам уже лет десять.

– У тебя как дела?

– Да никак.

«Врет ведь!»

– Ладно, время терпит, – произнес он как можно беззаботнее.

– Не хочешь со мной за город прокатиться?

– С тобой – хочу. А когда?

«Вот ты и проговоришься... Фу, как все просто и пошло».

– После двух. Позвони, я тебя подберу где скажешь.

«А все-таки, – размышлял Андрей, для вида гоня по экрану давно законченный текст, – почему она не говорит, что нашла Анну К.? Неужели просто не хочет подпускать меня к привлекательной женщине? Похоже, она мне Анну К. добровольно не сдаст. Но я-то знаю, где ее искать. Сам возьму!»

Около половины второго позвонила Тамара. Андрей почти успокоился. Сам поверил, что вернулся только сегодня утром и никаких посиделок в «Подкове» не наблюдал.

– Ты не с мобильника? На трубке подождешь? Я с главным посоветуюсь.

– Давай. Я в редакции.

Андрей заглянул в комнату к Бороде.

– Михал Юрич, я на Озерки отъеду?

Тот подал ему из-за плеча ключи от машины.

Она назвала место и положила трубку.

«Как бы это узнать – что ей движет? Сочувствие к девчонке, к которой с дурацкими идеями привязался дотошный журналюга? Женская солидарность или, напротив, соперничество? Ладно, глянем в черные глазки... На природе расслабишься, и, даст какой-нибудь водяной бог, проговоришься».

Андрей положил на стол главному нетленное «О чем щебетали в Птицыне?» и отбыл в местную командировку. Тамара ждала его у центрального отделения почты.

– Привет, ты совсем свободна на сегодня?

– Ой, нет, котик. Мне еще на задание вечером – подбросишь?

– Да, если не в Рязань. Борода машину до пяти дал.

Они развернулись и катили к городской черте.

– Я смотрю, ты у нас освоился.

– В Озерках уже два раза был. Кстати, родина предков Анны Коваленко.

– Да, я знаю... Я разговаривала с ее родичами – Анька им звонит, но что она делает, они не очень распространяются. Вроде как бонной работает у каких-то богатеньких деток.

«Знаем, какие это детки. Довольно большие мальчики. Вряд ли их чему-то можно научить».

Они выехали за город. Скоро должен был показаться поворот на район особняков. Андрей сбросил скорость.

– Всегда здесь поворот пропускаю – неожиданно появляется.

– Дальше и направо. Я подскажу.

Показался поворот к коттеджам. Тамара промолчала. Еще через пять минут надо было сворачивать к Озеркам.

– Нам налево, – заметила Тамара.

– Спасибо, я уже напрягся.

Они ехали по поселку.

«К Никитичу заезжать не стану – не надо ей знать слишком много».

Асфальт кончился. Съехали на грунтовку. Их обступили зеленые заросли.

– А ведь совсем лето, – сладко потянулась Тамара.

– Вот и пройдемся в охотку.

Оставив машину на последних метрах высохшей до глинистой серости дороги, пошли по кустам.

– Ой, волосы к листьям клеятся, – удивилась Тамара, с трудом вытаскивая из своих смоляных кудряшек желто-коричневые чешуйки. – Мы куда идем?

– Идем мы, Тамара, посмотреть, сошла ли вода до тех пределов, которые позволяют провести геофизические исследования этого удивительного водоема.

Тропинка сузилась до ширины стопы, они пошли гуськом.

– Все думаешь водяного коня поймать? – хихикнула Тома у него за спиной.

– В прошлый раз он меня чуть не поймал.

– Прикалываешься?

– Отнюдь. Я уже было повернул оглобли, а из вон тех кустиков ка-ак что-то выскочит! Здесь еще вода была. Проплюхало вон туда. Волны подняло нехилые – ясно, не рыба-голавлик. Мне не стыдно признаться, я здорово струхнул.

Они вышли на берег. Вода отступила метров на десять, обнажила пологий берег, на котором сразу вылезли острия травинки. На левом берегу обнаружился песчаный пляж, соблазнительный пустынностью и чистотой. Правый берег почти от самой воды был покрыт остатками прошлогодних камышей.

– Вот где купанье-то! – мечтательно вздохнул Андрей.

Тамара сделала несколько шагов, присела, потрогала воду.

– Здесь вообще-то не купаются – только приезжие, которые не боятся, и мальчишки, которым все по фигу.

– А я такой и есть – и приезжий, и по фигу.

Тамара искоса взглянула на него:

– Вода холодная. Долго не прогревается.

– Ничего, я еще здесь поживу, дождусь, пока прогреется. Ну а если русалки утащат – не самая худшая участь для мужчины. Они же красотки.

Тамара распрямилась, отряхнула руку и равнодушно пожала плечами.

Они молча возвратились к машине.

Андрей высадил Тамару у ряда невзрачных панельных домов с бетонными швами наружу. Было двадцать минут пятого.

«В самый раз вернуться в редакцию и позвонить эниологам, что можно вылетать!»

В Москве он нашел едва шелестевшего в трубке Валерия Ивановича. Тот Андрея выслушал и обещал довести информацию до сведения руководства.

– Надеюсь увидеть вас до праздников, – сказал В. И. на прощание.

«А я надеюсь до праздников достать Анну К., если она не скажет правду мне, то будет вешать другим людям в другом месте... Но мне надо найти еще одного героя...»

Было семь часов, солнце склонялось к горизонту. Андрей, никуда не уезжая, оказался на вполне деревенском проселке, круто спускающемся к цепочке прудов, посверкивающих на солнце расплавленным золотом. Там гнездились домики в три окошка, утопающие в сбитых сливках цветущих яблонь.

– Скажите, пожалуйста, где мне Павлючков найти? Они где-то здесь проживают? – обратился Андрей к средних лет женщине, тяжело переступающей по пустынной улице.

Та вздрогнула, подняла на него нервно-беспокойные глаза.

– Вы не из милиции?

– Нет, из газеты.

– По нем тюрьма плачет, – проворчала женщина.

– Тюрьма о нем заплачет после четырнадцати лет. Пока все поправимо. Так где его найти?

– Не знаю, – буркнула тетка и заковыляла дальше.

– Спасибо за любезность, свойственную всем молодым и красивым женщинам, – не удержался Андрей.

Павлючка согласились привести к нему местные мальчишки.

– Скажите – Андрей из газеты хочет видеть.

Гений карманной кражи появился через несколько минут, широко улыбаясь щербатой улыбкой.

– Ой, дядя Андрей! А я думал, вы обо мне и не вспомните.

Ребята, приведшие Павлючку, стояли поодаль, трепетно внимая беседе.

«Господи, что ж это за патология у деревенских – может, их тоже эниологам показать?!»

– Наши встречи глубоко запали мне в душу. Кстати, может, ты отпустишь своих адъютантов? У них, вероятно, полно дел.

Едва обернувшись, Павлючок цыкнул: «Врассыпную, живо!» – и ребята исчезли, как спугнутые воробышки.

– В строгости держишь?

– Без этого нельзя. Так что у вас ко мне, дядя Андрей?

– А дело у меня, Сережа... Вечер у тебя свободен?

– Для вас освобожу.

– Тогда слушай. Ты мне нужен для чисто разведывательной операции. Понял?

– Понял, – разочарованно кивнул Павлючок. – Тырить ничего не надо?

– Только самое ценное.

Павлючок насторожился.

– То есть информацию. Сможешь подойти ко мне часов в девять?

Около девяти в дверь позвонили. На пороге стоял Павлючок, одетый в новую фирменную ветровку. Русые волосы хранили следы тщательной укладки с гелем.

– Чаю попьешь? – Андрей пропустил его в прихожую.

– Не сейчас. Давайте сразу пойдем?

Зазвонил городской телефон.

– Я у подъезда, – услышал Андрей в трубке.

– Три минуты подлетного времени. Пошли, Серега.

Пока запирали двери и они шли дворами к тому месту, где ожидал жигуль, Андрей вкратце обрисовал Павлючку задачу:

– ...Так вот, мне надо выяснить, кто сейчас находится в доме, сколько там человек, чем заняты. И главное, есть ли там молодая женщина, худенькая, светловолосая, что она делает, – словом, все, что заметят твои быстрые глазки и запомнят хитрые мозги. Там не очень хорошие дела творятся.

– Это для газеты?

– В принципе да.

– А про меня напишете?

– Если захочешь.

Через пятнадцать минут они остановились на въезде в поселок кирпичных особняков.

– Я отъеду вон туда, – показал шофер. – Чтобы в глаза не бросаться.

– Ты профи – тебе виднее.

– Сколько вас не будет?

– Полчаса-час, – как-то очень по-взрослому ответил Павлючок.

– Если мы не вернемся через десять минут, значит, будем отсутствовать час или больше, – уточнил Андрей.

Шофер кивнул.

– Пошли, компаньеро.

– А почему вы сказали про десять минут?

– На тот случай, если там свадьба.

Почти стемнело. Мрак разрывали только фонари у ворот особняков. С виду третий дом от угла был необитаем. Стараясь не шуметь, обошли участок по периметру.

– Ну что, рискнем?

– Да какой риск, – махнул рукой Павлючок. – Собаки нет, а остальное ерунда.
– А почему ты знаешь, что собаки нет?
– Она давно бы залаяла – вы ж как слон топаете.
– Не груби старшим. Подсадить?
– Да.
– Как будешь возвращаться?
– Через ворота. Там обычно кнопка есть. В крайнем случае – через верх. Вы меня лучше у машины ждите. А то, сами знаете, за организованную группу...

Андрей встал у стены, сделал из рук ступеньку, и почти невесомый Павлючок взвился на двухметровый забор. Андрей даже не уловил, как тот приземлился с другой стороны. Теперь оставалось ждать и надеяться на детскую ловкость «гения» и на его взрослую проницательность.

Он не спеша вернулся к жигулю. Шофер дремал. Когда Андрей взялся за ручку двери, шофер проснулся.

– Чего, поехали?
– Нет, пацана ждать будем.
– Ждать так ждать. Мы люди привычные, – пробормотал шофер и снова откинул голову на подголовник.

«Не любопытный он – поэтому живой. А я вот любопытный...»

Ждали минут сорок. Приближавшегося быстрым шагом Павлючка из кромешной тьмы вырвал свет фар пролетавшей мимо машины.

– Цел?
– А чё нет-то, цел.
– Поехали, – сказал Андрей, пересаживаясь назад, чтобы поскорей допросить лазутчика. – Рассказывай в общем, потом детали.
– Ну, я так понял, вы той девушкой интересовались? Ее держат на первом этаже, там такая большая комната с камином, она в комнатке, за углом справа. Я видел, как ей еду носили.

– Что значит «держат»? Она ж не собака, чтобы ее держать.
– Как? Я думал, вы для этого меня и посылаете – узнать, какая охрана, сигнализация...
– Ничего не понимаю... Ладно, поговорим дома.
Они уже ехали вдоль кремлевской стены, неясно угадывавшейся в рассеянном свете фар.

«Анну К. – «держат»?! – колотилось в голове. – Что значит «держат»? Да показалось пацану – он тюрьмы боится, вот и мерещатся казематы... Ладно, спокойно, сейчас все выясним».

Когда Павлючок уселся на табуретку, подоткнув под себя руки, Андрей строго спросил:

– Рассказывай, что за дом, кто там есть. Беленькую девушку видел?
– Дом двухэтажный, не очень большой, но спрятаться есть где. Окна на втором этаже без решеток – пустяк открыть. В доме две женщины, но вашей девушки я конкретно не видел.

– А почему ты думаешь, что там есть второй человек, и он – женщина?
– Ну, если одна говорила по телефону «она то, она се», значит, есть и вторая? Думаете, я глупый?

– Нет, Серега, в чем, в чем, но в глупости я тебя не подозреваю. Просто мне важно знать все. Ты же там – мои глаза и уши. Дальше.

– На втором этаже никого нет – там свет не горел, я оттуда наблюдал – с лестницы. А на первом кухня, большая комната с камином...

– Холл.
– Да, холл. И там такая... – Павлючок развернул плечи и напряг бицепсы, – как воспитатель из приемника, она в холле сидит и телевизор смотрит. Потом принесла на

подносе еду – кефир, печенье, отперла двери, отдала еду, заперла двери. Потом забрала поднос и опять заперла двери. Я подумал: это то, что вам нужно, и не стал больше наблюдать.

– Правильно. А как ты ушел?

– Под воротами пролез. Подрасту – не смогу в такие дырки пролезать.

– Ну, может, и лучше, – сумрачно заметил Андрей, разливая чай. – У тебя сложилось впечатление, что в комнате рядом с камином...

– Слева от камина, – нравоучительно поправил Павлючок.

– ...держат пленницу женского пола?

– Да то-о-очно! – протянул мальчишка, берясь за бутерброд с сыром. – Я сразу догадался, что вы хотели узнать.

– Как раз об этом я и не знал. О том, что ее держат под замком. Я думал, она там просто живет.

– Нет, ее запирают. Я бы запросто мог ключи стибрить, но сейчас зачем они нам? А кто эта, ну, девчонка?

– Я и сам пытаюсь выяснить. Я ее всего три раза видел, мельком.

– А вы ее... любите, да?

– Нет, Серж, – через силу рассмеялся Андрей, прекрасно зная, что Павлючок, с его наблюдательностью, ему не поверит. – Я просто пытаюсь разобраться, что она за человек – плохой или хороший.

Они молчали, попивая чай.

– В дальнейшем на тебя можно рассчитывать, Серега?

– Залезть куда-нибудь? Без проблем! Вообще – чего хотите. Мне такая жизнь нравится. Это куда прикольнее, чем барахло или деньги тырить... Может, мне тоже журналистом стать?

– Спасибо заранее. Но подобные вещи в журналистской практике не очень часто встречаются. Читать бы тебе побольше... Ты допил? Я тебя провожу, а то поздно.

– В хату вломиться не испугался, а темноты забоюсь? Соображаете, что говорите?

Он весело, чуть снисходительно рассмеялся.

Андрей выпустил Павлючка, пожал ему на прощание руку и остался один.

«Итак, Анна К. – пленница?!»

Изо всех сюрпризов, которые преподнесла ему девушка, этот, кажется, был самым неожиданным. Хотя сейчас – временно – по сюрпризам вперед вышла Тамара. Вот, значит, как она его обошла – решила перебить тему. Отловила на доверие Анну К., посадила ее под замок и вывозит в свет, чтобы та не скучала?

«Может, этим и объясняется то, что поведало чутье Ксении Петровны? Кто же будет особенно счастлив, сидя взаперти... Или Тамара пытается оградить Анну К. от необдуманных поступков? Запирает, чтобы та не наделала глупостей, но возит развлекаться – для моральной поддержки?... И кто тот седой – пытающийся помочь Анне К.?»

Время приближалось к полуночи, но о сне речи не было.

«Что случилось с тех пор, как я привлек Томку к расследованию? Она встретила с Анной К. Сказала ли ей про мои предположения, теперь нельзя знать точно. Томка, видимо, приняла сторону Анны К. и отчаянно мне врет. Кто-то – может, сама Томка – забрал Анну из монастыря. Как – непонятно, но и не слишком важно. А затем, логично, Анна К. заводит себе богатого молодого поклонника, который благополучно врезает дуба через непродолжительное время после начала их общения. Анна узнает об этом, вспоминает, что такое случалось и раньше, с ее мужем, респондентами, делается очень и очень несчастной, мечется, ее приходится довольно жестко опекать, чтобы она не наделала глупостей.

Теперь Тамара, решив, что я поврежу попавшей в очередную передрыгу девушке, вывела меня из игры. Возможно, Анна К. рассказала ей, что я перехватил ее в монастыре, угрожал идиотскими разоблачениями... Да, после этого она и сбежала. Может, действительно Анна К. ни в чем не виновата, просто ей катастрофически не везет в жизни, а

я наехал на нее, как бульдозер на ромашку, и, по сути, ее в этом кирпичном сарае прячут... от меня и моих бредовых идей?!!»

Это открытие его так поразило, что он остановился посередине комнаты. На будильнике было без двадцати час. Начался новый день. Надо ложиться, за ночь в голове что-нибудь да оформится.

Андрей поставил будильник на девять и плюхнулся спать. Заснул, кажется, еще не коснувшись головой подушки.

В редакции застал Бороду с Виктором за версткой, Валу с каким-то внештатником и еще незнакомую девушку, что-то печатающую на его компьютере.

– Я вам мешаю? – спросила девушка виновато. – Мне совсем немного осталось.

– Работайте. Я пока позвоню.

Он набрал московский телефон эниологов. Ответил раскатистый бас Терпсихорова.

– Ну чего, русалки пробудились? Можно выдвигаться с сетями и удилищами?

«Русалки не только проснулись, но и проявляют необыкновенную светскую активность», – подумал Андрей и сказал:

– Русалки в сборе и ждут только вас. Вы когда сможете приехать?

– Когда хотите.

– За один день управитесь?

– Можно постараться, но лучше задержаться денька на три. Как у вас там с обеспечением гостиницей?

– Я поговорю с главным, а вы пока настраивайтесь на скорейший выезд.

Терпсихоров положил трубку, Андрей заглянул в комнатку к главному:

– Михал Юрич, вы сильно заняты?

– А ты не знаешь, что в среду мы сдаем номер? – недовольно ответил тот, не оборачиваясь.

– Я отлично знаю, что и когда мы сдаем, и, между прочим, выдал вам два материала.

– Ты молодец, – примирительно произнес Борода. – Но давай после обеда, а? Тогда я весь буду твой... да, и у Вали возьми...

У Вали он обнаружил письмо некоего отца семейства. Тот, не осмеливаясь пожаловаться в милицию, написал по старой памяти в газету, излил душу, мол, я никому ничего, а меня вот так.

Девушка, виновато поглядывая на него, усиленно молотила по клавиатуре. Андрей сел на гостевой стул и принялся читать тщательно выведенные строчки.

...Небогатый, в общем, человек сорока восьми годов от роду, положительный и семейственный, купил подержанную иномарку и, чайник чайником, начал на радостях подвозить всех кого не лень, причем почти бескорыстно, – так распирало его запоздалое автолюбительское довольство.

На какой-то загородной дороге его остановила девица в белом плащике и попросила подвести – я, мол, скажу, где затормозить. Скомандовала она любезному извозчику притормозить у поста ГАИ, где от безделья маялась пара милиционеров.

«Женщина в белом» тихонько прошипела, что, если водитель тотчас не отдаст бумажник, часы и кожаную куртку, она заявит ментам, что он пытался ее изнасиловать, и в знак серьезности намерений начала расстегивать тот самый белый плащик, под которым оказалась изодранная в клочья блузка. Конечно, обалдевший от наглости «чайник» отдал все, умчался с места грабежа настолько резво, насколько мог под бдительным оком ГАИ, а через три дня, оправившись от шока, сел писать в газету. В милицию не пошел: стыдно было, да и боялся, что повяжут – для статистики.

«Да, девушки, с вами не соскучишься... Еще чуть-чуть и я стану этим самым... как его... мезогинистом».

Андрей отксерил письмо и конверт с адресом.

– Чего, берешь тему? – спросила, загадочно улыбаясь, Валя.

– А как же. Надо же, в конце концов, поставить вопрос: да, женщин от крайних проявлений мужской натуры мы защитить можем, если сильно захотим. А как защитить мужчин от женских хитростей?

Андрей услышал, что шлепанье по клавиатуре за его спиной прекратилось, и обернулся.

– А, девушка?

Та спешно уткнулась в писанину.

Выйдя из здания, Андрей с неудовольствием увидел, что небо затянуло противной тоненькой пленкой облаков; сделалось не по-весеннему душно. Он прошелся до центральной площади и вернулся в редакцию.

Валя с Виктором уехали в типографию, а Борода сидел за компьютером, пил чай с сахаром и передвигал мышкой шахматные фигуры.

– Вы свободны, шеф? – заглянул Андрей за косяк.

– А, да! – обрадовался Борода, поворачиваясь к нему. – Залетай.

– У меня вопрос. Нельзя опять владельца иномарки узнать – по вашим каналам?

– Можно. Но не сегодня.

– Пусть так. И в отношении этого письма... Как там у ваших людей из ментовки... Нельзя узнать, не было ли заявлений на схожую тему? Не все же, как этот дядька, милиции боятся? Мог кто-то заявление подать.

– Ты ж с Загашниковым на дело ходил? Ну, к нему и обратись. Он контактный.

– Про БМВ не забудьте, – напомнил Андрей, видя, что Борода вновь взялся за мышь.

Андрей отправился звонить доблестному майору. В милиции его долго перекидывали с номера на номер, пока он не попал к Загашникову, который согласился принять его прямо сегодня. Андрей поехал в РУБОП – невзрачное помещение на первом этаже жилого здания.

Проходя мимо дверей с табличками: «Следователь Н. Н. Н-ов», Андрей подивился – сколько их? И все при работе? У нас вообще честно кто-нибудь живет?

Майорский кабинет располагался в конце мрачного коридора. Андрей выложил майору на стол копию письма. Загашников отмахнулся – мол, знаем. Оказалось, у них было еще два заявления на девиц, которые останавливали иномарки и потом буквально до нитки на сексуальный «гоп-стоп» обчищали владельцев, только через несколько дней приходивших в милицию с заявлениями. Одного из невезучих грабанули здорово – на пятнадцать штук баксов, по стечению обстоятельств оказавшихся в борсетке.

– Угу, значит, если я правильно понял, все случаи имели место в пятницу после трех дня.

– А почему вы пришли к такому выводу?

– Вы мне сами сказали. И дядька, что нам написал, на то же время указывает.

– Это случайность. Места разные, девицы тоже разные – одна стриженная блондинка, другая типа цыганки, про третью ничего не сказано...

– Факт, все это молодые дамы.

– И какие выводы?

– Ну... Может, деньги на воскресный шопинг нужны.

– Может быть, – сумрачно пожал плечами капитан.

– Я сам, как говорится, человек нездешний... Приглашен по контракту из Москвы. Поэтому хочу спросить – географически – эти три места как-то связаны?

– Нет, это разные дороги.

– Я очень удивился бы, если б они, как придорожные путаны, на одном месте торчали. Но они далеко, их «точки»?

Майор неуклюже оглянулся на висевшую за спиной карту.

– Ну, где-то в радиусе пяти километров.

– Да, это многовато. Дайте я запишу, где это. Можно?

– Хотите съездить? – презрительно процедил капитан. – Думаете, поймаете?

– Вот как раз туда я и не поеду. Я отправлюсь на неокупленные уголья.
Во взгляде капитана мелькнуло нечто похожее на уважение.
– Охотиться на этих «белянок» не стану, – улыбнулся Андрей. – Это не моя работа. Но в пятницу как раз в это время в область поеду – может, мне тоже сильно не повезет.
– А... что вы делать будете?
– Играть по ее правилам, только с точностью до наоборот. Начнет бабки у меня вымогать – я откажусь, возмущаться стану. Станет на помощь звать – дам себя забрать. Прикроете бедного журналиста? Не дадите по сто семнадцатой загудеть?
– Она теперь сто тридцать вторая, – ухмыльнулся капитан. – Ладно, только не очень-то самодеятельностью занимайтесь. Нам и без вас хлопот довольно.

Андрей вышел наружу. Душное марево сгушалось над городом.
«Похуже, надо поскорей нах хаус. Будет гроза – еще до начала мая».
Солнце, довольно высоко стоявшее над горизонтом, выглядело тусклым желтым пятном. Андрей заметил автобус, направляющийся к центру, вскочил в него и проехал пару остановок.

Окна редакции были раскрыты, значит, Борода еще не ушел.
– Ну чего, гений, узнал чего-нибудь?
– А как же! Это, похоже, организованный бизнес – отлов идиотов на длинные ноги. В милиции есть пара заявлений на такие же развратные действия в отношении состоятельных мужчин половозрелого возраста.
– Я вижу, концепция статьи у тебя уже сложилась.
– Ее, как песнь, сложила сама жизнь. А что там с серебристым БМВ?
– Да, я чего сижу-то!.. Сейчас факс придет от моего старинного дружка... Ты ведь опять угадал.

«Ой, вот некстати!»
– Этот БМВ принадлежал некоему Рубену Оганесяну, сорок девятого года рождения, предпринимателю – торговля фруктами и все такое. А вчера днем он в своем серебристом БМВ попал в аварию – выскочил на встречную полосу и въехал под трейлер, но жив остался. Сам был за рулем – шофер заболел накануне.

– Потому и выскочил, что с шофером ездить привык, – мрачно процедил Андрей. – Практика нужна.

Затрещал телефон.
– Не поднимай! – предупредил Борода. – Это факс пришел.
Из аппарата полез листок.
– Про Оганесяна. Ты особенно никому не показывай, это мне по старой памяти из органов дают.
– А вы в органах работали? – поднял брови Андрей.
– А кто ж в них, сынок, не работал! – сокрушенно вздохнул Борода, вынимая из стола ключи от редакции.

Он успел прийти к себе и распахнуть окна, чтобы выгнать из комнаты густую воздушную недвижимость. По подоконнику зашлепали крупные капли, снаружи пахнуло холодным ветром и потревоженной уличной пылью. Где-то высоко полыхнуло призрачно-голубым.

Пока заваривался чай, Андрей прочел листок, присланный Бороде из родных органов. Там говорилось, что этот ныне усиленно реанимируемый Оганесян был владельцем сети торговых точек. Два дня назад его шофер угодил под капельницу с несвойственным его возрасту гипертоническим кризом. Оганесян был вынужден сесть за руль сам, въехал под КамАЗ и тоже оказался на больничной койке.

«Я и минуты сомневаться не буду, что гипертония разыгралась у одного из тех амбалов, которые сопровождали седого и Анну! А ведь хорошая комбинация, изящная...

Вывести из строя шофера, чтобы посадить за руль малоопытного водителя, – не подкопаешься. Вопрос: не слишком ли это заумно, чтобы оказаться правдой? Этот повелитель бананов кому-то мешал торговать. Тот его и заказал – так умненько, так чистенько... Как того короля железяк. Конкурентов смели, ни громких дел, ни разоблачительных статей... Материал налицо, а сажать некого. И писать не о чем».

Дождь снаружи перешел в умеренную фазу. Гром окатывал город несильными, но долгими переливами. Андрей прикрыл окно и помешал остывший чай.

«И в каком качестве теперь выступает Анна К.? Раньше после встречи с ней старички еще недели две-три трепыхались, а теперь молодые за три дня концы отдают! Кто, кто мне докажет, что это случайность?!»

Он равнодушно дожевал бутерброды и сунул посуду в мойку.

«Да, но как в этом участвует Тамарка?! Все-таки поверила в темные делишки Анны К. и, подобравшись к ней близко, изучает? А как тогда трактовать то, что Анну держат под замком? Какая такая тут должна быть подоплека, чтобы все эти факты выстроились в логичную, непротиворечивую схему? Тьфу ты, опять тупик!»

Кажется, дождь прекратился. В рваных облаках появились просветы багрового закатного неба.

Андрей набрал домашний телефон Тамары.

– Привет, как тебе гроза в конце апреля?

– Ой, привет. Только домой заскочила, тут и ливануло. Как дела?

– У меня все о'кей. Что у тебя на субботу? А то я в пятницу целый день в отъезде.

– А где в пятницу будешь? – осведомилась она как бы между прочим.

– Задание на целый день на выезде – от самого. У нас в окрестностях появился экзотический, чисто женский вид криминального бизнеса.

Андрей услышал: Тамара судорожно глотнула.

«К чему бы это?»

– На пустынном проселке, – продолжил Андрей весело, – «голосует» особь в мини-юбке, просит подвезти к ближайшему отделению милиции, а там, угрожая жалобой на грязные домогательства, отнимает у шофера деньги, ценности и скрывается в неизвестном направлении.

– О-хо-хо! Вот это да!

В голосе послышалось откровенное облегчение.

«Ага!»

– И сколько было таких случаев?

– У меня на контроле три, но их может быть и тридцать три. Мужики стесняются признаться, что их так легко кинули.

– Ты хочешь словить эту мини-юбочницу на живца, то есть на себя?

«Это ты точно определила – на себя и буду. Только не ее, совсем других».

– В принципе да. Большая часть таких выходов падает на вечер пятницы.

– Ага... Ну, удачной охоты. В субботу утром позвонишь?

«Тамарка уверена, что в пятницу меня не будет в городе. Если у них с Анной К. выходы в свет систематические, в четверг они объявят выходной, а на дело пойдут в пятницу. Если есть на свете какой-то журналистский божок, он завтра попридержит Анну К. в комнатке, а нам с Павлючком поможет ее там прищучить!»

В четверг Андрей проснулся рано, безо всякого будильника, хотя было только семь часов. За окном ослепительно сияло солнце.

«Надо поймать Серегу до того, как он пойдет на дело».

Не завтракая, Андрей отправился искать своего помощника и нашел его на трамвайной остановке. Павлючок был в приличном костюме под хорошей курткой, в белой рубашке, с сумкой через плечо.

– Ты куда это? – искренне удивился Андрей.

– Как куда? – так же искренне удивился тот. – В школу, куда ж еще?

– Как отучишься, заглянешь ко мне? Или в редакцию, или домой? Визитку с телефонами я тебе давал?

Он сел в трамвай и уехал за знаниями, а Андрей, несколько озадаченный, пошел приводить себя в порядок. Дел до вечера только и было, что просмотреть почту и выпросить у Бороды машину на завтрашнее утро, а значит, и на сегодняшний вечер... В десять утра Андрей застал в редакции одну Валю с трубкой около уха.

– Михал Юрич когда будет?

Валя, не отрываясь, показала большой палец.

«Или в час, или через час... Ладно, машину выпросить успею», – подумал Андрей и сел к компьютеру, чтобы развить тему обоюдной незащищенности полов.

– Ты чего опять так злорадно ухмыляешься? – поинтересовалась Валя, наговорившись по телефону.

– Думаю, какое у Бороды будет выражение лица, когда он это прочтет.

– За что ты его так? Он же на тебя молится.

– А зачем он мне такие материалы подбрасывает?

– Про девиц на дороге?

– Угу. Целый организованный бизнес на имитации изнасилования устроили эти минишницы придорожные!

В разгар веселья явился Борода.

– Чем это вы в отсутствие начальства заняты?

– Общественно полезной деятельностью, Михал Юрич.

– Умницы. А у меня новость. Костик утром звонил – жена выродила двойню.

– В редакции наконец появится еще один штатник, – пробормотал себе под нос Андрей, но Борода его все-таки расслышал.

– Не вредничай, богатырь. Когда придет твое время рожать, поймешь, каково ему сейчас.

– А я никому не признаюсь, что беременный. Вы мне на завтра машинку поиграться дадите?

– До пяти вернешь – дам.

– Я раньше верну.

– А чего ваяешь?

– Предварительно про девиц в белом. Загашников материальчику подкинул.

Борода удалился к себе. Зазвонил телефон.

– Тебя, – сказала Валя.

– Это Сергей Павлючок, – услышал Андрей серьезный голос на фоне отчаянного детского гомона. – Что у нас сегодня на вечер?

– После восьми-девяти сможешь подойти?

– А как одеться?

– Как в разведку.

Он отключился, Андрей положил трубку.

– Это кто? – поинтересовалась Валя. – Ребенок какой-то...

– А помнишь – я писал про воришку? Вот он.

– И чего у тебя с ним? – подняла она брови.

– Большая мужская дружба.

Позвонил Терпсихоров, они договорились на понедельник. Тот пообещал привезти специалиста по древней фауне – криптозоолога.

«Считай, следующую неделю я занят, – прикинул Андрей. – Надо в пух и прах расшибиться, но Анну К. добыть уже сегодня. При минимальном везении точка в этой затянувшейся истории будет поставлена до исхода дня».

«Теперь главное, чтобы Серега не подвел», – размышлял Андрей вечером, мыкаясь по квартире.

В половине девятого зазвонил городской телефон.

– А чего ваш мобильник не отвечает? – слышался голос Павлючка.

– Он на подзарядке. Ты где?

– К вам иду.

Павлючок появился в девять вечера, одетый в черные штаны и черную куртку с капюшоном.

– Лыжную шапочку припас? – спросил Андрей, пропуская его в квартиру.

– Зачем? У меня настоящая есть, ооновская. Великовата, но сойдет. А чё мы сегодня делать будем?

– Ничего нового предложить не могу. Надо довести до конца начатое. На мобильнике деньги есть?

– Спрашиваете.

– Давай поставим оба сразу на вибрацию, чтобы не обнаружиться в самый неподходящий момент. Теперь инструктаж.

Павлючок согласно и очень серьезно кивнул.

«Дитё он, в сущности, и вовлекать его в наши взрослые игры – хамство... А что делать? Хоть объясню, что это во имя благородных целей».

– Ты помнишь, как ты меня удивил, когда обнаружил, что кого-то держат взаперти...

– Да, на вас как ведро воды вылили. Холодной.

– У меня до сих пор в ушах булькает.

Павлючок фыркнул.

– Сегодня мы должны посмотреть, та ли это девушка, о которой я думаю. Для этого ты должен или как-то ее выманить из комнатки, или меня туда запустить... Нам это по силам?

– Может, я ее просто из дома выведу, а вы уж сами посмотрите?

– А если она не пойдет?

– Да кто ж из-под замка сбежать не захочет? Шутите!

– Логично.

– Мы сегодня с тем же мужиком едем?

– Нет, я сегодня за шофера.

– Во, а у меня мечта – тачку научиться водить.

– Ты извини, но я тебя этому учить не буду.

– Почему? – обиженно обернулся на полпути к выходу Павлючок. – Я вот вам помогаю.

– Боюсь, машины угонять начнешь, тебя посадят надолго. Я к этому руку прилагать не хочу.

– Я же сказал – журналистом буду.

В районе частной застройки они были до наступления полной темноты, машину оставили у первого от шоссе дома, габаритные фонари притушили.

– Знаете, вы лучше здесь погодите, – сказал Павлючок, открывая дверцу. – Пока я на разведку схожу.

– Почему?

– Ну, так лучше. Мне-то еще полгода хулиганить можно. Телефон есть? Ну, так я доложу, как и что.

– Ладно, как скажешь. А на забор как же?

– Я через ворота. Они в той хате хлябовые, сигнализация не работает. Поскупилась хозяйка.

– Тогда удачи, спецкор.

Павлючок растаял в темноте. Андрей не захотел сидеть в машине, присел на капот и стал ждать, когда в нагрудном кармане куртки затрепыхается мобильник.

Ждать пришлось минут двадцать.

– Але, это Серега. В доме никого, только одно окошко светится – в той комнате,

запертой. Сигнализация, кажется, опять не включена. Хотите зайти? Я отопру.

– Да, – нерешительно ответил Андрей. – Иду.

«Все-таки это статья... А черт, все едино – сколько можно ходить вокруг да около? Пойду и все выясню».

Из-за ограды соседнего особняка возмущенно забрехала собака.

Перелезть через железные ворота было несложно. В доме слабо светились окна первого этажа.

Андрей пару раз стукнул в стеклянную матовую дверь. За ней мелькнула тень, дверь отворилась, и из щелки выглянула физиономия в шапке с прорезями для глаз и рта.

– Ну ты и ниндзя, – чуть слышно прошипел Андрей.

Павлючок потряс связкой ключей.

– Действуй. – Андрей окинул взглядом холл, в котором на низком журнальном столике горела небольшая лампа вроде ночника.

Дом не походил на обжитой – мебель имелась, но тех мелочей, которые оставляют повсюду живущие люди, не было. Павлючок брэнчал ключами, подбирая нужный.

– Есть, подошел! Давайте! – тихо скомандовал он.

«Вот сейчас все и произойдет», – подумал Андрей.

Павлючок приоткрыл дверь, отступил. Андрей сделал шаг в комнату, освещенную настенным светильником. Под ним, в кресле, спиной к стене, с книгой на коленях сидела светловолосая женщина и смотрела на него удивленными испуганными глазами.

– Здравствуйте, Анна. Я Андрей – помните меня?

– Как вы здесь оказались?!

Она захлопнула книгу и отложила ее на туалетный столик.

– Не важно. Вы... хотели бы отсюда уйти?

– Нет. Уходите, а то вернутся хозяева, и у нас обоих будут большие неприятности.

– Какие хозяева – Тамара Зуева из «Мимозы»? Она занята. На сегодня ужин в «Подкове» отменяется.

По лицу Анны К. пробежала болезненная тень.

«А ведь она и вправду несчастна».

– Анна, я хочу, чтобы вы объяснили мне, что происходит. Если захотите, останетесь здесь, захотите – я отвезу вас куда вам надо, к родителям, в Голубинский...

– Я хочу, чтобы вы немедленно ушли. И еще – уберите мальчика.

Павлючок стоял у Андрея за спиной, в дверях. Андрей, полуобернувшись, сделал ему знак уйти, но тот заупрямился. Андрею пришлось, буркнув: «Серега, так надо», выставить его силой и закрыть дверь.

– И что, – продолжил Андрей, – иначе с нами случится то же, что с вашими учениками или двумя последними «клиентами»? Как вы это делаете, расскажите? Я за этим пришел и, пока не узнаю правды, в покое вас не оставлю.

У Анны задрожали губы.

– Я не знаю, почему это происходит! Я никогда этого не хотела!

Она не выдержала и зарыдала, закрыв лицо руками. Андрей сделал к ней шаг.

– Не подходите!

– Вы больны заразной болезнью? – чуть зло и иронично предположил он.

Раньше ему это в голову не приходило. Она потрясла головой:

– Нет... Но они все равно умирают.

– А у меня, как видите, иммунитет.

Она вытерла слезы и подняла на него удивленные глаза.

– Это ни о чем не говорит. Это дело времени.

Анна сделала попытку встать, но, когда Андрей шагнул навстречу, опять откинулась на спинку кресла.

– Пока вы не расскажете, почему и кто держит вас под замком, каким образом в этом участвует Зуева, я не уйду. Вы можете здесь оставаться, но я не уйду, пока не получу ответы

на вопросы.

– Они... они...

– Кто?

– Я не знаю. Они заставляют меня встречаться с этими людьми. Ходить с ними в ресторан, ездить на прогулки, разговаривать, и все.

– И потом ваши поклонники скоропостижно умирают?

Она закивала головой, сдерживая слезы. Светлые волосы, не забранные в прическу, упали ей на лицо.

– А Зуева? Она каким боком к этому причастна?

– Она, как и вы, поняла, что я плохо действую на людей, особенно на мужчин, и...

– Теперь берет подряды на зачистку с помощью вашей непонятной, вредоносной силы – так?

Анна опять закивала головой, закрыв лицо руками, заплакала, только теперь тихо и очень жалобно.

– Я ничего этого не хотела! Я не знаю, почему это происходит! Я ушла в монастырь, потому что там одни женщины. А на женщин я, кажется, не влияю.

«Вот и разгадка!»

– Но она сказала...

– Кто?

– Тамара. Она сказала, что у папы инфаркт, он в больнице, и я уехала с ней. Я думала покончить с собой, но они заперли меня здесь... я ничего не могу. Ни убежать, ни даже...

– Анна, вам надо уехать со мной. Я попробую вам помочь.

Она подняла на него заплаканные глаза.

– Они угрожают навредить родителям.

– Ничего они не сделают.

– Почему?

– Потому что будут бояться вас, тем более на свободе. Кроме того, они догадаются, что кто-то знает об их проделках. Ничего они не сделают. Собирайтесь.

– Нет.

– Завтра они приведут вас к очередному поклоннику, и вы благополучно отправите его на тот свет? Или вам это все-таки нравится?

– Хорошо, я поеду.

Она встала – Андрей отступил невольно, – сняла с платяного шкафа спортивную сумку и принялась быстро кидать в нее вещи из шкафа.

– Куда мы поедем?

– Хотите в обитель к матушке?

– Хочу, – сказала она почти радостно.

– Дядь Андрей! – влетел в комнату Павлючок. – Там кто-то приехал!

– Свет выключи в холле!

– Уже! – доложил Павлючок из темноты.

– Запри нас здесь и выбирайся наружу! Окно заперто? – уточнил Андрей у Анны, замершей с каким-то свитером в руках.

– Да, – вздохнула Анна. – Там решетку приварили.

– Черт!.. Но ничего – Серега что-нибудь придумает! А?

Павлючок захлопнул дверь, в скважине дважды повернулся ключ. Потом на какое-то время все стихло.

– Кто здесь еще живет? – тихо уточнил у Анны Андрей.

– Никого. За мной следит такая широкоплечая женщина.

– А еще? Мужчины есть?

Она невесело усмехнулась:

– Кроме вас, отчаянных не нашлось.

«Первый и единственный положительный момент в сложившейся ситуации».

Через толстую дверь звуки почти не доносились, и все же он услышал, как кто-то стал отпирать ключом дверь. Андрей напрягся. Дверь не открывалась.

– Аня, ты здесь? Аня, Аня!.. Ты здесь? – донесся из-за двери женский голос.

Анна вопросительно поглядела на него.

– Ответьте, спросите, что случилось, – произнес Андрей тихо.

– Да, да! Что происходит?

– Замок сломался, я не могу открыть дверь!

Андрей развел руками и сделал зверские глаза. Анна поняла его.

– А как же я? – крикнула, склонившись к замочной скважине. – Мне в туалет надо!

– Сейчас я кого-нибудь вызову.

Женщина, вероятно, отошла от двери.

– И что теперь делать? – ужаснулась Анна. – Если кто-то придет и дверь откроют...

Он нажал на быстрый набор номера Павлючка.

– Але, Серега, что там снаружи?

– Я не снаружи, я на втором этаже.

– Чего тетка делает?

– По телефону говорит, просит кого-нибудь приехать.

– Почему дверь не открывается?

– А я ключ со связки снял. Она не тем открывала, дура здоровая.

– Ты гений. Попытайся заманить ее на второй этаж или наружу и выпусти нас.

– Не надо. Она уезжает.

– У-уффф!

Андрей отключил мобильник. Анна вопросительно посмотрела на него.

– Ключ у Сереги, а ваша тюремщица уехала за подмогой.

– Вот это да!

В первый раз он увидел на ее хорошеньком, бледном, действительно снегурочном личике некое подобие радости. В скважине завозился ключ.

– На выход с вещами, тетеньки-дяденьки! – прозвучал из холла ехидный голос Павлючка.

Павлючок запер дверь, ловко прицепил ключ к связке.

– Это зачем еще?

– А так... Пусть думают, как так могло получиться. Тогда и тетке влетит.

Они подбежали в ворота. Андрей перекинул сумку Анны через верх.

– Теперь дама.

Он встал, подставив руки ступенькой. Анна, не очень ловко цепляясь за плечи, встала на его ладони – она была ненамного тяжелее Павлючка.

– Осторожнее приземляйтесь, на согнутые ноги.

Они с Павлючком услышали, как она соскочила с той стороны.

– Все в порядке, – прозвучал тихий голосок.

Переправив через ворота Павлючка, перелез сам. Спрыгнув, увидел в темноте парнишку.

Анны К. не было.

– А... где? – едва ворочая сухим языком, спросил Андрей.

– Нетушки. Сбежала ваша подруга, пока мы валандались.

Вокруг была ночь – тьму слегка разгонял свет с соседних участков. Тех мгновений, на которые они оставили Анну К. одну, было достаточно, чтобы добежать до шоссе, остановить попутку или спрятаться в кустах у речки – словом, скрыться.

– Ну что ж, это ее выбор. Пошли.

Молча вернулись к машине.

– А что вы будете теперь делать, дядя Андрей?

Андрей пожал плечами:

– Да ничего... Собственно, я узнал почти все, что хотел. Свободу мы ей вернули... Да,

спасибо тебе огромное и за помощь, и за финт с ключом. Пристегнись.

На часах было без десяти двенадцать.

– М-да, хорошо съездили, – пробормотал Андрей, заводя машину.

– Вы огорчились, да? Что она сбежала?

– Ну да... Я хотел еще кое-что выяснить... Кстати, на водяного коня хочешь поохотиться? В понедельник ученые приезжают из Москвы, будут его отлавливать. Куда тебя отвезти?

Дома Андрей был около часа. Устал почему-то страшно, до ломоты во всех костях и рези в глазах. Или?!

Он до конца не верил, что существует это роковое влияние Анны К. на мужчин. Но раз существует дар целительства, почему не может быть антидара – способности убивать своим присутствием? Антидар Анны К. – наследство бабушки Кати, которая вместе с красотой передала любимой внучке способность лишать мужчин здоровья и жизни.

«Да, но Томка-то какова! Надо ж такое измыслить – использовать свойство Анны К. в качестве оружия в криминальных разборках! – размышлял он, лежа в горячей ванне. – Прямо сюжет для «Секретных материалов»!»

При погружении в теплую ванну ломота отпустила.

«Значит, эта стервочка обманом вывезла Анну К. из обители, уpekла ее в кирпичный хлев, а кому-то из своих «подкованных» дружков поведала, что у нее есть очаровательный «универсальный солдат», способный одним фактом своего присутствия в считанные дни убрать любого «заказанного» – лишь бы он любил красивых, молодых блондинок».

А кто их не любит?

Конечно, эти события можно поменять местами – сначала Тамарка рассказала кому-то об антидаре Анны К., потом этот извращенец сочинил схему, Анну К. увезли и заточили. Но сейчас это было абсолютно не важно – суть оставалась той же. А заключалась она в том, что в конечном счете во всей этой истории виноват он... Он!

Андрей вылез из ванны расслабленный и лихорадочно-возбужденный одновременно.

«Ну, не мог же я подозревать в нормальной вроде бы, пусть чуть шальной, девке такую изощренную подлость... Пусть две последние жертвы Анны К. – не украшение общества, тем не менее...»

Андрей лежал на спине, подложив руки под голову, и глядел в потолок. Окна были открыты – комарье еще не полетело, откуда-то доносилось робкое соловьиное распевание.

«Скоро лето... Иван Купала, русалии, прыжки через огонь, лесные пожары».

Он по-прежнему полон сил. И всех девиц – брюнеток, блондинок, в белых плащах, в черных брючках в обтяжку – расставит по местам. Даже если это места не столь отдаленные.

«Интересно, что сейчас делают мои девушки? – размышлял он. – Куда делась Анна К.? Не в обитель – туда она могла попасть и с моей помощью... И не к родителям – там бы ее быстро нашли «пользователи». Какое было выражение лица у Тамарки, когда она узнала об исчезновении Анны К.? Здорово их Павлючок наколол, ничего не скажешь».

Андрей просидел дома до четырех часов, а после выехал, чтобы дать кругалю по ближайшим пригородам. А ну, кто-нибудь из тех девиц выбежит на охоту? Или они только в иномарки садятся?

В первый раз «проголосовала» молодая женщина с ребенком, но ничем плохим это не окончилось. Он довез ее до какой-то пригородной платформы, она всучила ему, несмотря на протесты, пятьдесят рублей, и на этом все закончилось.

Второй раз относительно молодая дама попросила подбросить ее до какой-то дальней деревни, но он отказался – далеко, и это был явно не его человек. Андрей высадил ее на перекрестке, где было легко поймать попутку, и покатыл дальше.

«Схема не работает», – подумал он, но вдруг неподалеку замаячила одинокая женская фигурка.

«Еще десять минут – и зазвонит Борода, желающий отвезти внуков на дачу».

Андрей сбросил скорость.

Девушка, разглядев, что едет всего-то отечественная тачка, опустила руку.

«Думает, стоит ли останавливать этот драндулет, или пусть катится дальше? Бинго?!»

Или только показалось?

Андрей решил удостовериться, что девушка действительно ловит машину, и притормозил. Девушка была одета отнюдь не в супермини, но в юбочку сильно над коленями и трикотажный свитерок в обтяжку.

– Вам куда, девушка? – спросил, выглядывая из окошка.

«Пусть сама раскроется, если это штучка из той команды».

– А вам куда?

«Ага, уже интересно».

Она окинула быстрым взглядом салон, его самого, обстановку вокруг. Хотя это могла быть обыкновенная разумная женская осторожность.

– В городе вам куда, если не секрет?

– Скажу, когда подъедем.

«Заговаривать с ней не буду – пусть сама говорит».

– Своя машина?

– Почти.

– Начальника возишь?

«Ага, мы уже на «ты».

Тут он наконец соизволил посмотреть на нее – не слишком юная, но довольно миленькая, только чересчур явно крашенная в блондинку – у корней надо лбом уже выглядывают темные корни.

– Сейчас я боссу должен машину сдать. Так что поедем пошустрее, а в городе где получится, там и высажу. Хорошо?

Она была явно озадачена, но кивнула.

Замелькали одноэтажные пригороды.

– Все, приехали, – промолвила пассажирка как-то скрипуче.

– Почему – еще проедем...

– Высаживай, блин, сказала... Сколько я тебе должна?

– Полтинник.

Пассажирка хлопнула дверцей, торопливо пошла назад, словно опять хотела попасть на окраину, – Андрей наблюдал это в зеркало заднего вида. Чуть отъехал и, остановившись, набрал номер Загашникова.

– Это Андрей, корреспондент «Крестьянской газеты». Помните, да?... У меня сложилось впечатление, что я только что общался с девицей из этой компании, о которой мы говорили... Только на ней сейчас не белый плащ, а коричневая замшевая юбочка и красный свитерок. И охотится она сегодня на восточной окраине нашего славного города. Нет, на меня не клюнула – «семеркой» редакционной погнушалась. Хорошо, держите редакцию в курсе.

Как только он отключился, мобильник зазвонил прямо у него в руке.

– Андрюш, сынок, ты почему меня подводишь? Уже пять!

– Я автошантажистку в милицию сдавал, – преувеличил Андрей.

– Ну да?!

– Ага. Через десять минут буду.

– ...И чего? Неужто сдал? – Борода удивленно задрал седые брови и подставил ладонь под ключи от машины.

– Нет, я ее только вычислил и навел на нее сыскарей. Зачем делать чужую работу? За ней милиция охотится. Меня она почему-то не тронула. В машину села, но на «гоп-стоп» брать не стала. Хотя кто знает – может, она не из этих.

– Она, она! Ты у нас удачливый! – хитро усмехнулась Валя, запирая комнату.

...Когда он окунулся в горячую воду, тело снова отдало странной ломотой в костях. Весенний авитаминоз?

Сколько времени в общей сложности он провел в обществе Анны К.? Минут двадцать?... Ее собеседников морило после полутора-двух часов интервью, хотя дети в школе заболели после десятиминутного ответа у доски. Что это, совокупная доза облучения?

«Черт-те чего в голову лезет... Есть вещи поважнее – как, к примеру, себя вести с Тамаркой? Она хитра, хитра... Обнаружив исчезновение ценного экспоната, зачислила ли меня в виновники события?»

В половине десятого позвонил Зуевой.

«Ага... Сидим дома и ломаем кудрявую головку, куда подевалась Анна К.».

– Я тебе звонила, и в редакцию, и на мобильник, – сказала чуть нервно.

– Я в районе был – не знаю, почему туда мобила не достает... Только-только от пыли деревенских проселков отмылся, – стал отчаянно резвиться Андрей. – Так что у нас?...

«Если я у нее под подозрением, предложит увидеться утром».

– Завтра вечером. Давай в «Подкову»? – предложила Зуева не колеблясь. – Раз тебе там нравится...

Спать не хотелось. Андрей смотрел без звука дурацкий карате-боевик и размышлял о происшедшем.

«Если Зуева не торопит события, никто не считает меня причастным к исчезновению прекрасной узницы... Как бы узнать – нашли они ее? А если нашли? Бить или морить голодом, скорей всего, не станут – побоятся испортить ценный товар. Побоятся ее свойств – мало ли, что в ней еще заложено... Ладно, хоть за это можно быть спокойным. Не побежала ли она топиться, не кинулась ли под машину, обретя свободу? Будем надеяться, нет – боится душу православную загубить... Черт, ведь эниологи приезжают, и отловить Анну К. в третий раз у меня нет никакой возможности!»

До вечера субботы можно было поваляться с книжечкой на тахте, и, когда ему, уже во второй половине дня, позвонила Тамара, он сам почувствовал, как беззаботно, даже легкомысленно-дурашливо звучит его голос.

– Давай, я зайду за тобой пораньше? Машины нет, пройдемся пешочком до «Подковы», потреплемся за жизнь.

Андрею показалось, что она обдумывала его предложение чуть дольше, чем оно того заслуживало.

– Ну давай, – ответила не очень уверенно.

– Нет-нет, если ты занята, я не настаиваю. Как договорились, так и сделаем.

– Нет, я ничем особым не занята. Когда придешь?

– Допустим, в половине седьмого.

– Жду.

«Чем-то я, сам того не желая, ее смутил. Она не понимает, что произошло, вот и дергается... Это хорошо... Буду говорить о приезде эниологов. На данный момент это действительно самое важное».

К шести часам Андрей переоделся и пошел на свидание. В костюме было жарковато, но иначе в «Подкову» не пускали. Зуева ответила по домофону и через десять минут спустилась, одетая в темно-синее атласное платье и белый пиджак.

– Давно тебя не видел, как-то даже отвык. Выглядишь здорово.

– Спасибо.

«Что-то во взгляде сильно переменялось... Нет прежней уверенности...»

– Как съездил в пятницу?

– Нормально, только устал зверски. А на обратном пути ко мне в машину попросилась относительно привлекательная блондинка...

– И чем дело закончилось?

– Да ничем... Ей моя «семерка» не глянулась, приказала высадить ее на окраине и двинулась назад, на исходные позиции.

– А ты?

– Сообщил «куда надо», что видел некую особь. Если ее задержат и те двое кинутых ее опознают, девушке предстоит годика три шить рукавицы в зоне.

– С тобой надо держать ухо востро.

– Со мной не надо делать подлостей. Тогда я буду белый и пушистый.

– Да... А когда будет известно... та ли это девица?

– В понедельник, думаю.

– Почему об Аньке Коваленко не спрашиваешь?

– Думаю, что, если у тебя будут новости, сама мне их сообщишь. Разве не так?

Тамара была озадачена.

– Да... новостей нет.

«Да, Томочка, на данный момент ты элементарно проболталась, призналась в том, что Анна К. интересуется тебя куда больше, чем – условно – меня. И значит, ты о ней ничего не знаешь».

– А вот, кстати, цель нашего путешествия – элит-клуб «Подкова».

Обычный сумрак зала разгонял яркий, пробивающийся через тонированные окна солнечный свет. От этого зал казался маленьким и не таким элегантно-загадочным.

– По коктейлю?

Они присели к стойке, и бармен сделал им «Дайкири».

– Что-то ты сегодня невеселая? – улыбнулся Андрей. – Случилось что-нибудь? Работа достала?

– Да нет, работа как работа... Но ты прав – что-то я в некондициях. Давай по кофе, и хватит на сегодня, а? Я тебе этим вечер не испорчу?

– Да нет, – пожал Андрей плечами. – Просто ты для меня всегда была образцом жизнелюбия. Странно тебя такой видеть.

Они пересели за столик и заказали кофе с мороженым. Тут он заметил, что левая скула у Тамары слегка припухла. Кто-то влепил по физиономии? Фу, какая гадость – бить девушку... Но от ее приятелей можно ожидать чего угодно...

– Какие планы на майские праздники? – поинтересовался, чтобы не молчать.

– Мы только что два номера сдали, на праздники отлеживаться будем. На дачный участок с родителями съезжу... Морковку посажу...

Принесли мороженое. Тамара с ожесточением стала разминать ложкой красиво оформленные шоколадом и цукатами шарики, превращая их в неприглядное месиво.

Мороженое она не доела, быстро выпив кофе, взялась за свою сумочку.

– Знаешь что – ты оставайся, а я пойду? Ты ж не виноват, что у меня весенняя депрессия. Я позвоню на неделе...

Через тридцать секунд Андрей, демонстративно поставив на столе борсетку, проследовал за приятельницей и не ошибся.

Осторожно глянув через стеклянную дверь, увидел, что Тамара, стоя поодаль, говорит по мобильнику. Она несколько раз отрицательно потрясла своими кудряшками, спрятала телефон, постояла, что-то соображая, и понуро побрела прочь.

«Так, – злорадно подумал Андрей, возвращаясь за столик. – Доложилась начальству, что я ни при чем, а других версий исчезновения Анны К. у них нет. «Нетушки» – как сказал бы Павлючок. Начальство, как водится, недовольно результатами работы. Эти-то и родителей, и бабу, и монастырь с моргом проверили... Анны К. нигде не обнаружили. А у меня есть кто-то, кто скажет мне правду и не ошибется. Похоже, я заслужил «Хеннесси».

Денег было в обрез, но Андрей все-таки пересел к барной стойке, заказал себе коньяк и домой пошел довольный, даже веселый – как-никак выпустил Анну К. на волю, отомстил Зуевой за предательство.

Через полчаса, блаженно развалясь на тахте, набрал номер ясновидицы.

– Ксения Петровна, это Андрей, журналист... Как поживаете?... Да, приятно слышать. Пока газета выходит, я в ней буду работать. Вы, наверное, уже догадались, что я хочу навестить вас. Скажем, завтра утром? Вы будете поражены, что за история – практически фантастика.

Ясновидица, судя по голосу, обескураженная, разрешила приехать к ней завтра, часов в одиннадцать.

«Завтра я буду точно знать, где находится Анна К. Да, может, уговорить Ксению Петровну поучаствовать в наших эниологических экспериментах? Пусть Терпсихоров померит, что у нее за паранормальные показатели».

Убедившись в том, что фотографии Анны К. лежат у него во внутреннем кармане пиджака, Андрей отправился в гости к Ксении Петровне.

Из дверей квартиры пахло теплым запахом свежей выпечки.

– Как я здорово подгадываю, Ксения Петровна, – произнес Андрей вместо приветствия.

– Ну и хорошо. Вы же здесь один, без семьи. Хоть каждый выходной приходите – мы от двух стаканов муки не обеднеем.

– Смотрите, поважусь!

Ясновидица вытащила из духовки противень с пирожками, ловко скинула их на блюдо и, покрыв полотенцем, поставила «отдыхать».

– Что вы мне хотели рассказать, Андрей?

– Вы опять оказались правы. Девушку я нашел там, где вы указали.

– Ну да? – искренне удивилась она.

– И не в лучшем состоянии... Ее втянули угрозами в очень опасную игру – я даже не знаю, как объяснить...

– Как есть, так и скажите.

– Нашлись отморозки, которые решили использовать этот антидар для чудовищных целей. Они знакомят ее с определенными людьми. За две недели один молодой мужчина умер от сердечного приступа, а двое оказались в больнице.

Ксения Петровна всплеснула руками и охнула.

– Да, такое очаровательное, с виду невинное и смертельное оружие. Она считает себя виноватой. На женщин, похоже, так антидар не действует. Девушка хотела покончить с собой, и ее заперли в том самом месте, на которое вы мне указали.

Ксения Петровна взяла с окна блюдо с пирожками и поставила перед ним.

– В чем вы тоже оказались правы – она очень страдала.

– И где теперь эта Аня?...

– Вы мне скажите. Я, если можно так выразиться, освободил ее из плена. Но буквально на полминуты оставил одну, и она сбежала. Наверное, боялась мне навредить.

– Да, если она за собой такое знает – жить спокойно не будет.

Они помолчали. Ксения Петровна сидела, задумчиво глядя в пол, чуть шевелила губами, будто читала молитву. Андрей ее не торопил. Она встрепенулась сама.

– Ох, извините, забыла... Вам чаю или кофе?

– Лучше чаю.

– Так вы хотите, чтобы я сказала, где эта Аня?

Андрей поспешно полез за пазуху и подал Ксении Петровне фотографии. Она мельком взглянула на них.

– Ну, жива-то она жива. Да, кстати, – ясновидица лукаво глянула на гостя, – даже неплохо себя чувствует. Нашла укромное местечко и затаилась.

– Знаете, она одно время в Голубинском монастыре жила. Они не говорят, есть она у них, нет...

– Нет, вроде нет... Голубинский же у нас в том направлении? А она в другом месте. Это даже не дом...

– Лес?

– Нет, не лес... Какое-то место странное... Развалины... В той стороне ищите.

– А вы не можете ей внушить, чтобы она мне позвонила? – улыбнулся Андрей.

– Нет, – ответила Ксения Петровна серьезно. – Не пробовала ничего внушать.

– А жаль... Да, вот еще что. На следующей неделе ученые-эниологи приезжают из Москвы... Они изучают взаимодействия между живыми существами, между предметами, между людьми и предметами... Это долго объяснять, но все строго научно. Не хотите пообщаться с ними? Они смогут замерить ваши потенциалы и сказать, чем вы отличаетесь от других. Это не столько вам нужно, сколько науке.

– Ну, позвоните... Будет время, приду.

Андрей за разговором подмел дюжину пирожков с грибами и почувствовал, что чай булькает у него в горле.

– Правильно я это явление антидаром назвал. Вот у вас, с вашим даром, так хорошо себя чувствую – прямо растворяюсь в блаженстве.

«Хм, а может, из-за этого я до сих пор жив?»

– Так приходите почаще. Я же вас приглашала. Пирожки не каждый день случаются, но я дома почти все время, кроме работы.

– А если я эту Аню найду – посмотрите ее?

– Я же не врач. Как вы не поймете!

– Нет, для нее врач, врач! Ясно же, вы с ней – антиподы. И у моего Терпсихорова...

– Кого?! – округлила глаза ясновидица.

– Фамилия у академика эниологии такая. У них приборы, компьютерные программы.

– Ладно, если это решит чьи-то проблемы... Только не говорите и не пишите про это, а то здесь очередь выстроится. Пирожков с собой возьмете?

Андрей решил пройтись пешком – растряссти поглощенные у целительницы халявные калории. Чуть отвлечшись от наплыва мыслей, заметил, что на дворе отнюдь не жарко. Небо сделалось густоголубым, зависло прямо над верхушками рьяно зеленеющих деревьев, а под легкомысленно расстегнутый пиджачок пробрался упорный северный ветер. Андрей вскочил в подошедший трамвай – задубеешь...

«Вот, кажется, выстраивается схема. У каждой из этих женщин внутри будто приборчик, излучатель. Только, вне зависимости от желания владелицы, один излучает тепло и свет, а другой – могильный холод. Надо будет предупредить Терпсихорова... От общения с Анной К. не только хилый Валерий Иванович поломается, сам боевой академик копыта откинёт. Есть у них какие-нибудь средства защиты? Или Ксению Петровну между ними установить – пусть экранирует!»

Добравшись домой прилично оковеневшим, Андрей глянул на наружный термометр – было всего десять градусов.

Набрал московский номер Терпсихорова. Ответила его супруга.

– Вы знаете, Феликс Феликсович в больнице... «Ой, я сейчас рухну!»

– Господи, что с ним такое?!

– Ну, для жизни это не опасно – просто сильный радикулит. Ему в клинике каждые три часа прогревания делают.

– Значит, на следующей неделе его ждать не приходится?

– Вряд ли.

Андрей отжелал мадам Терпсихоровой для передачи супругу всего, чего только можно, но почему-то вздохнул с облегчением. Жалко, конечно, дядьку, но нет худа без добра – за эту радикулитную паузу он точно найдет Анну К. В третий раз она от него не убежит! Не улизнет, русалка скользкохвостая!

В понедельник утром Андрей застал на работе Бороду, Валю и ошалевшего от нахлынувших отцовских чувств, по-прежнему неспособного Костика.

– Привет, богатырь! – раскрыл широкие объятия главный. – Тебя разыскивает милиция! «В связи с незаконным проникновением в жилище. Так, начинается!»

– Они тебя хотят к поощрению представить, – уточнил главный, заметив опрокинутую физиономию Андрея.

– Неужто та самая девица оказалась?

– Та, та! – зашелся от восторга Борода. – Их, оказывается, целый мобильный отряд работал! Один район окучат, в другой переезжают. Им, видите ли, на панель выходить надоело!..

– Что ж в этом плохого?

– В этом ничего, но за шантаж-грабеж больше дают. Так что бери Костика, поезжайте к одиннадцати на опознание и делайте материал в следующий номер. Он сдвоенный пойдет, чтобы между праздниками не дергаться.

– Второй майский не делаем? – подняла голову от компьютера Валя.

– Не, не будем – не раскупится. Все на даче.

– Михал Юрич, можно вас на два конфиденциальных слова?

Они вышли в комнату главного.

– У меня два дела, одно большое, другое маленькое, но оба касаются Ани Коваленко. Она исчезла.

– Как – опять?!

– Да, у нее пока острая форма исчезновения, но я не хочу, чтобы она перешла в хроническую...

– Хорошо сказал. Я тоже не хочу. Говори, что надо.

– Позвоните матушке настоятельнице и спросите, там ли она. Они мне не отвечают.

– Ладно. Это какое было дело – большое или маленькое?

– Маленькое. Большое – прикиньте и скажите, какие есть объекты на юг от города – выморочные деревни, фермы брошенные, где могут селиться изгои общества, а?

– Ты думаешь, она там?

– Есть такие сведения.

– Ну, я так навскидку не могу... У нас много чего есть.

– Я давно понял, что Рио-де-Жанейро с карнавалом по сравнению с вашим районом – гнилое, захолустное болото.

– Тоже хорошо сказано...

В управлении внутренних дел Андрея не очень охотно поблагодарил майор Загашников. Он разрешил присутствовать на опознании девиц, подозреваемых в шантаже. Операция проходила под кодовым названием «Подорожник».

– А если мы этих девиц снимем и в газете фото разместим – наверняка ж они не троих мужиков обчистили?

– Вообще-то мы напрямую со СМИ не сотрудничаем...

– И напрасно. С мышом мы здорово разобрались, – весело и совсем без подтекста напомнил Андрей.

Майор поморщился.

– Но коль скоро вы лично способствовали и в курсе, в данном конкретном случае – можно. Только дадите вашу статью на предварительный просмотр во избежание разглашения.

Опознание происходило в какой-то пристройке, куда Андрея и Костю провели через полутемные коридоры.

– Господи, а нас хоть потом выпустят? – тихо и безнадежно проговорил фотокор, но лейтенант, который их вел, его расслышал.

– Много болтать будешь – точно не выпустим, – едко прокомментировал он.

Девиц, собранных по дорогам и съемным квартирам, набралось штук шесть, они сидели в отдельной комнатке, перебрехиваясь с охраной. Из шести девиц опознать как

шантажисток удалось только двух.

– А ничего – мы как их парсуны опубликуем, враз кинутые набегут! Даже лишние будут! – приговаривал Костик, нажимая на кнопку.

Когда развлечение подошло к концу, Андрей все-таки задал майору главный вопрос:

– Даже мне, дилетанту, понятно, что коммерческое предприятие «Подорожник и К°» тщательно продумано, спланировано, причем таким образом, что до организатора добраться очень трудно. Ведь ни одна из девиц не сознается, что знает шефа, правда?

– Они-то не сознаются, но мы-то его знаем, – хитро усмехнулся тот.

– Посадите?

– Вот посадить кого-то будет сложно, – померк майор. – У этих девок, почти у всех, маленькие дети – значит, получают по три года условно, самое большое. Ну, еще возмещение ущерба, если удастся.

– А вдохновитель? Он-то сколько получит?

– Он ничего не получит. Ни одна девица не возьмет на себя участие в группе, это другой срок. И шефа своего они не сдадут. Они его просто не знают.

– Но вы-то знаете?

Майор изучающе посмотрел на Андрея, но промолчал.

«Знает!»

– Имя этого криминального гения хоть назовете – для общей эрудиции?

– Нет, извини, парень, хоть ты нам помог, это – к начальству. Если они разрешат, я не против. Пиши!

Костика Андрей высадил по дороге. В редакции уже работал верстальщик.

– Сынок, как съездили? – спросил, не оборачиваясь, Борода. – Девушки нашей там нет. Тебе привет и благословение. Второй вопрос решать пока некогда.

Статья писалась легко, Андрей оторвался от клавиатуры только после того, как в животе заурчало и в его сторону начал подозрительно поглядывать сидевший рядом с Валею внештатник.

– Валюш, я обедаю! – кинул на ходу Андрей и пошел в «Пончиковую» – Тамарка, видеть которую ему совершенно не хотелось, уже, наверное, отобедала.

«Куда же русалка наша пристроилась – в дальней деревеньке гусей пасти? А ну как у этих ловчил свой экстрасенс на службе состоит? Хорошо, Тамарке про Ксюшу Петровну не проболтался».

До четырех Андрей доделал разоблачительную статью и передал по факсу на сверку майору.

– Михал Юрич, уже отдыхаете?

– Да, дорогой.

– У меня куча вопросов. Нельзя ли узнать, кому принадлежит особнячок в южном дачном поселке, кирпичный, двухэтажный, номера на нем нет, третий по дороге, а следующий за ним – номер восемь?

– Хороший бы из тебя сыскарек вышел. О перемене рода деятельности не думал?

Наутро, застав Валею за невключенным компьютером, Андрей вдруг осенился идеей:

– Валь, можно попросить тебя поговорить женским голосом...

– Женским можно. С мужским у меня иногда проблемы.

– Я еще не проснулся, извини. Позвони, пожалуйста, в «Мимозу» и спроси, приходила ли за мартовским гонораром Аня Коваленко.

– Аня-то?... Куда-то она совсем пропала.

– Во-во, и мы с Бородой ее пытаемся разыскать, а она, как рыбка золотая, ускользает.

Андрей нервно прохаживался по комнате, пока Валя, натолкнувшись на бывшую коллегу, обменивалась новостями о детях и здоровье. Когда она, наконец, спросив между делом об Анне К., положила трубку, Андрей покрылся испариной.

– Утомила я тебя? Ладно, слушай. Аню в редакции не видели уже два месяца... За

деньгами вчера приходила мама, но без доверенности ей не дали.

«С родителями она общается – значит, где-то недалеко. И чтобы ей позвонить – спасибо сказать за освобождение?»

Пришел Виктор, взял у Вали ключ от комнаты.

Через несколько минут появился радостный, по-девичьи разругавшийся с холода Борода.

– Ты здесь, сынок? Зайди, я перед тобой по-быстрому отчитаюсь.

Андрей, чувствуя, как зудит под диафрагмой, прошел за ним.

– Слушай, а как это ты все угадываешь? Слово ве в нашем городе прожил, все ходы-выходы знаешь...

– Знал бы – у вас бы не спрашивал.

– А угадал ведь! Так вот, в органах считают, что идейным вдохновителем авантюры с кинутыми автолюбителями является некий Резо Джавахадзе, он же владелец дома номер пять в южной застройке. Правда, он сам там не живет, обитает у своей гражданской жены в городе. У него еще торговля фруктами и цветами – фирма «Снежана». Ты чего такой задумчивый? Ты и это предвидел?

– Ничего я не предвидел, Михал Юрич, врать не буду. Просто во всякой хорошо продуманной аванюре есть внутренняя логика, скрытая пружина, а значит, ее можно прощупать.

– Ничего в статье менять не будешь? Чем сейчас занят? – Борода нацепил очки и подсел к компьютеру.

– А ничем. Вы ж мне на второй вопрос не ответили.

– Да... Ты отдохни, сходи погуляй. Я только... Борода не договорил, увлекся перемещениями текста на экране.

В редакцию Андрей вернулся ближе к вечеру, бесцельно пробродил по старой части города. Вернувшись, обнаружил Бороду со стаканом чая в допотопном подстаканнике.

– Шеф, вы мне хотели рассказать, что находится в окрестностях города. Там может скрываться одна наша общая знакомая.

– От кого она там скрывается?

– От хозяина фирмы «Снежана», насколько я понимаю, от Резо-Шизо.

– А как это связано с автомобилистами?

– Никак не связано. Вероятно, джигит обожает использовать в своих делишках симпатичных девчонок, особенно блондинок.

– Да, дела... Кстати, ты знаешь, это «Снежана» оплатила тебе семинар в Птицыне?

– Да откуда ж?! Правда?! – подскочил, сам того не желая, Андрей. – И что, действительно я прикормился из рук этого кацо? А вы откуда знаете?

– Ты когда регистрировался на семинаре, адрес редакции давал? Вот они неистраченные деньги и документы прислали на наш адрес, но на имя «Снежаны».

– Надеюсь, вы не собираетесь деньги возвращать?

– Не то у редакции экономическое положение.

– А адрес там есть?

– Я тебе потом дам. Карту района принеси, пожалуйста, она у Вали в столе. Будем искать, где Аня могла пристроиться.

«Так вот зачем меня вытурили из города! Чтобы свободно выводить Анну К. на позиции... Ну, хитры! И Томка тогда просто проверяла, заглотив ли я наживку!»

Андрей принес карту и разложил на свободном столе.

– Вот, гляди, – Борода по-наполеоновски окинул ее взором, – главное сооружение на юг от города – полигон, то есть, в просторечии, свалка, или, не побоимся этого слова, помойка.

– Лучше бы я не спрашивал.

– Она расположена по розе ветров так, чтобы вонь на город не гнала. Южные ветры у

нас редки.

– Я заметил.

– Вот тут, – невозмутимо продолжил главный, – еще остались названия, но самих деревенок нет – одни печные трубы торчат. Старики вымерли, молодые разъехались. Здесь бывший военный городок. Часть давно расформировали, но дома стоят. Милиция туда регулярно наведывается, беглых каторжников и таджикских лазутчиков ловит, но коренных не трогает.

– Почему?

– А куда их девать? Жилье им давать? На это денег в казне нет.

– Значит, человек, желающий скрыться от преследований, вполне может там обосноваться?

– И здесь, и там. Не представляю, как ты будешь прочесывать этот район.

– Ну, есть одна идея...

Из своей комнаты Андрей позвонил на работу Ксении Петровне.

– Вы знаете, что я в вас безумно, пусть и платонически, влюблен?

– Ой, это кто? – искренне испугалась бухгалтерша.

– Это Андрей из «Крестьянской газеты».

– Что пугаете-то! Такие слова...

– Вы знаете, что Россия единственная страна, где женщина в ответ на комплимент начинает оправдываться?

– Возможно... Сразу начинаешь думать, что от тебя что-то хотят получить...

– Я тоже хочу, много и бесплатно. Я желаю умчать вас на упоительную прогулку по окрестностям. Когда вы завтра заканчиваете?

– Ну, думаю, часа в три отпустят.

– Сможете позвонить мне на мобильник? Я вас заберу прямо с работы.

– Я, кажется, догадываюсь...

– Никогда не сомневался в ваших способностях.

– С кем это ты любезничал? – поинтересовался Борода, уже одетый в замшевую куртку, с пломбером в руке.

– С бухгалтершей-экстрасенсоршей.

– Которая интервью не дает?

– Рано или поздно я ее разведу на материал.

До рано наступившей темноты Андрей разглядывал карту района, словно это могло ему что-то подсказать. Часов в восемь в прихожей затрещал телефон.

– Это Сергей Павлючок, добрый вечер.

«Ути, какие мы взрослые-серьезные!»

– Привет, Сергей.

– Вы когда меня рулить учить будете?

– Ох, Серега, наверное, не скоро... И тут Андрей осенило.

– А завтра штурманом у меня поработать хочешь? Как на гонках Париж-Дакар. Пилот ведь не может в карту смотреть, ему как бы льва не задавить. С ним рядом сидит штурман с картой, командует, что дальше. Так как?

– А порулить дадите?

– Если будет техническая возможность.

Когда утром Андрей открыл глаза, из задернутого тюлем окна в комнату мягко и неотвратимо вваливался бело-голубой свет.

«Чегой-то он шибко когерентный», – вспомнил Андрей не к месту мудреное словцо, откинул одеяло, подошел к окну...

Снаружи все было засыпано ровным, чистым снегом – тротуары, деревья, крыши соседних домов. На термометре было чуть ниже нуля.

«Значит, минус два-три как минимум... Ну, такой подянки я от здешней природы не

ожидал! Вдруг Ксюша Петровна откажется ехать? Да, хреново...»

Юркнул назад под одеяло, стал обдумывать, что делать, если ясновидица с ним не поедет.

«Отправлюсь с Павлючком или один, в конце концов... Повезет – найду Анну К. в каких-нибудь развалинах, не повезет...»

Было только четверть девятого.

«А как днем все растает! У-у, подлянка-водянка!..»

Андрей поворочался в койке, думая, поспать или нет, решил, что не стоит, потянулся варить кофе и звонить ясновидице.

Ксения Петровна взяла трубку.

– Вы это безобразие видели? Я имею в виду первый майский снежок?

– Да. Пришлось сапоги с антресолей снимать.

– От приглашения моего не откажетесь? Я бы ужасно огорчился.

– Нет. Ведь мы же на машине?

– Конечно. Вы только направление зададите. По грязи я вас, если надо, на руках отнесу.

– С нами еще кто-то будет – я так поняла?

– Да, я тут мальчонку на перевоспитание взял. Не читали – воришку?

– У нас на работе думали, это выдумки.

– Увидите эту «выдумку» лично. Я его на журналиста переучиваю. Значит, как покажется конец работе, срочно звоните.

Делать до выезда было нечего – так, позвонить родителям, Терпсихорову... Протопив облака, выглянуло солнце, но теплей не стало, ослепительно белый снег почти не таял. Где-то истошно завывали коты.

Когда зазвонил телефон, Андрей решил, что это Ксюша Петровна, но это оказался Павлючок.

– Серега, ты б подтягивался, чтобы нас не ждали, когда отмашка будет.

Когда Павлючок появился, Андрей спросил:

– Машина моя там стоит?

– Да, но на ней снегу-у... А мы с собой еще кого-то берем? Что, вдвоем нельзя?

– Моя знакомая может сказать, где находится человек. Про тот дом она мне подсказала.

– А-а, тогда я знаю, про кого вы говорите. Про нее мамка рассказывала – она каких-то малявок заблудившихся найти помогла.

– Вот и познакомишься. Учти – она всех людей насквозь видит.

– А мне чего бояться? – фыркнул Павлючок. – Я несовершеннолетний, а она не прокурор.

Зазвонил телефон в прихожей.

– Извини, брат. Але? Да, мы выезжаем. У меня штурман есть, он подскажет.

Было без двадцати два.

– Собирайся. Где проходная Текстильмаша, знаешь?

– А как же! Я их контору три года назад шопнул.

– Не надо о темном прошлом. Ты теперь юнга журналист. Пошли!

...Андрею говорили об этой истории, но она не попала в статью. Совсем юным и неопытным Павлючок прошелся по кабинетам заводоуправления и везде жалостно спрашивал: «Вы не видели мою маму?» Пока сердобольные клерки искали маму бедного мальчишка, он шарил по ящикам и нарыл-таки в незапертом сейфе кучку зеленых. Дело раскрылось спустя пару дней, когда через подставное лицо чуть старше себя годами Павлючок попытался купить «хонду».

«Бухгалтер и воришка... Гений и злодейство. Что я вообще творю, а?!»

Из проходной Андрей позвонил на рабочее место Ксении Петровны, и она спустилась к нему в пальто с чернобуркой и раскрасневшимися щеками.

«Уже попридновали... Ну ничего... Главное – найти Анну К.»

– Познакомьтесь, Ксения Петровна, это Сергей, будущий журналист. Так мы сейчас...

– Туда, – показала она.

Ксения Петровна села назад, и полчаса они быстро катили по снеговой дороге из города.

– Алло, штурман, – чтобы нарушить паузу, переходившую в неловкое молчание, сказал Андрей. – Заметь, мы пересекаем городскую черту.

Мимо них действительно проплыл указатель с перечеркнутым названием столицы района. Павлючок, наморщив лоб, развернул карту и стал искать это место.

– Нам вправо, – вступила в разговор Ксения Петровна.

– Слушаюсь, командор.

Поворот направо появился через пару минут хорошей езды. Указатель, облезлый и ржавый, обозначал «Дер. Кумушки».

– Ну и название, – фыркнул Андрей.

Проехали мимо домиков со следами пожара. Снег, скопившись в ложбинках, выдал почти сровнявшиеся с землей огородные грядки.

«И не поверишь, что до Москвы сотня километров. Полная Хиросима».

Доехали до развилки. Судя по нетронутому снегу, со вчерашнего вечера здесь никто не проезжал.

– Куда нам, Ксения Петровна, не чувствуете?

Она, прикрыв глаза, словно змея, слушающая флейту заклинателя, чуть повела головой.

– Это туда, – помахала ладошкой.

– Штурман, куда нам лучше? Где мы сейчас?

Павлючок водил пальцем по карте, соображая.

– Мы вот здесь, а туда, куда тетенька показывает, прямой дороги нет.

– Эх, и почему это не вертолет?

Андрей остановился, взял карту и прикинул маршрут.

– Сколько у меня времени, Ксения Петровна?

– Ну, я думаю, это недалеко. Управимся за два часа – а то, если стемнеет рано, как отсюда выбираться?

– По вашим встроенным навигационным приборам.

Они довольно быстро ехали по проселку, вокруг стелилась плоская равнина, сейчас пестро-пегая от клочков тихо таявшего снега и бурой травы.

– Направо надо, мы отошли... от нужного места.

– Штурман, далеко поворот?

Андрей пришпорил машину, и через минуту поворот все-таки появился. На перекрестке виднелись какие-то указатели. Андрей остановился и взял карту.

Проселком они срезали хороший угол и снова выехали на четырехполосную дорогу. Теперь надо было сворачивать под прямым углом и ехать до этого покинутого гарнизона.

– Нам туда? – обернулся Андрей к Ксении Петровне.

– Да, – кивнула она.

– Вы устали?

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Глаза печальные.

– Тяжелое это место, куда мы едем.

– Вероятно, если это то, о чем говорил мой шеф. Но вы не беспокойтесь. Мы вас оставим в машине, запрем, а сами по-быстрому управимся. Да, Сереж?

Они резво взяли с места в карьер, выдав два фонтана снежного месива.

– От нас еще никто не уходил, – хрипло прорычал Павлючок.

– Ты где это подцепил?!

– А в фильме каком-то.

Судя по карте, до этого Бомж-тауна было километров восемь, скоро они увидели выстроившиеся вдоль дороги трехэтажные кирпичные дома за покосившимися, в дырах и

прорехах бетонным забором.

– Мы на верном пути? – уточнил Андрей.

– Вроде да. Да!

Над некоторыми домами вился дымок. При появлении машины где-то залаяли собаки.

– Монтировку, что ли, взять? – прикинул вслух Андрей.

– Хорошо бы, – согласился Павлючок, по понятным причинам собак не любивший.

Доехали до ржавых ворот. Задирая морды и заходясь в отчаянном лае, к машине выскочили четыре лохматых пса. Потом появилась пара мужиков, один в засаленном камуфляжном бушлате, другой в поношенном цивильном одеянии и явно зонской ушанке. Андрей заглушил мотор, опустил стекло и широко улыбнулся аборигенам. Они не отреагировали, собаки продолжали надрываться.

– Привет, мужики! Поможете? Мы девушку одну ищем – из дому сбежала.

– Если сбежала, это ее дело. У нас зона свободы.

– Никто на вашу свободу не покушается. Мы только скажем, что ее хотят видеть в городе. Ладно? Вы же не хотите, чтобы сюда лишний раз менты свалились? А если ее родители заявят, так и будет.

Андрей невзначай, издали показал парламентарам красную книжицу с орлом, издали очень похожую на удостоверения органов.

– Собачек своих уговорите. А то охрипнут.

Пока Андрей беседовал с парламентарями, к воротам подтянулось еще несколько человек – мужчин, женщин, подростков.

– Кыш, разгавкались! – прикрикнул на псов человек в ушанке. – По нарам, живо!

– Вы думаете, она здесь? – спросил, понизив голос, Андрей.

– По-моему, да, – ответила Ксения Петровна. – Вот в той стороне ищите.

– У вас мобильник есть? Почувствуете неладное – вызывайте подмогу. Штурман, на выход.

Народу на пятачке стало еще больше. Андрей запер машину, ободряюще кивнул Ксении Петровне и вступил в зону полной свободы.

– Граждане, помогите двум благородным рыцарям, скажите, где найти такую девушку – молодая блондинка с длинными волосами, худенькая, зовут Аня.

– А вам она зачем? – спросила какая-то женщина неопределенного возраста, в выношенных мохеровых кофте и платке.

– Тот, от кого она сбежала, рано или поздно ее найдет, и мало ей не покажется. А мы просто заберем ее домой, к родителям, где ее любят и ждут. Так что?

Кто-то промолчал, кто-то покачал головой. Андрей вынул фотографию.

– Знаете такую?

– Здесь народу много, всех не упомнишь... – сказал худой, серолицый парень, одетый в дамскую дубленку.

– Тогда мы, с вашего разрешения, сами поищем. Раз у вас зона полной свободы...

Никто открыто не возражал, и Андрей, сделав знак Павлючку, двинулся внутрь бывшего военного городка.

«У, Тарковский до такого не дожил!» – подумал Андрей и, не спеша, чтобы не спровоцировать людей и собак, пошел по территории.

На остатках полосы препятствий играли дети разного возраста.

– Серега, давай разделимся. Случится что-нибудь неприятное – звони на мобильник. Встретимся через сорок пять минут. Во всяком случае, я хочу, чтобы ты сюда явился через три четверти часа, и я убедился бы, что ты в порядке.

Павлючок кривовато усмехнулся:

– Это я должен буду убедиться, что вы в порядке. Я-то здесь почти свой.

– Ну, если так, давай сверим часы. Сейчас пятнадцать пятнадцать. В шестнадцать ноль-ноль я тебя жду. Разбежались.

Павлючок исчез раньше, чем Андрей договорил.

Над ближайшим домом вился дымок. Двери квартир первого этажа были приоткрыты, там, по-видимому, никто не жил. По присыпанной штукатуркой лестнице поднялся наверх и обнаружил занятую квартиру. На него из-за двери глянула молодая девушка кавказского типа.

– Вы к кому?

– Я ищу девушку по имени Аня. Худенькая, беленькая...

– Ай, у нас нэт таких, только бэженцы. Здесь нэт. Дальше ищи, парень.

В следующем доме жили две-три чисто мужские бомжовые коммуны. Анны К. там быть не могло.

«Может, здесь имеется что-то вроде женского общежития? Надо деликатно выспросить. Чтобы правильно поняли».

Навстречу шла женщина почти приличного вида, в сильно стоптанных сапогах, зато с новым цинковым ведром. Андрей приготовил фотографию.

– Простите, – остановился он. – Я ищу девушку, зовут Аня – не знаете?

Женщина глянула на карточку, почти доброжелательно ответила:

– Не припомню.

– Она только неделю здесь. Старается поменьше попадаться на глаза мужчинам...

– Ум-м-м... Вы знаете, вон там, за последним домом, домик поменьше. Говорят, в нем раньше местное начальство жило. Там даже вода есть в колонке и электричество «жуликом» провели. Там что-то вроде коммуны таких женщин, которые сами...

«О господи... В монастыре не прижилась – в колонию лесбиянок попала!.. Как бы это меня ни возмущало, для нее это действительно выход, хотя... нетрадиционный».

Андрей быстро пошел вперед – через двадцать минут у него была контрольная встреча с Павлючком. Здание в два этажа, хоть и обшарпанное снаружи, поблескивало застекленными окнами, из пары форточек выглядывали дымящиеся трубы буржук.

Молодая женщина, в грубых брюках и резиновых сапогах до колен, развешивала белье на веревке. Увидев его, крикнула:

– Послушайте, а вы куда?

– Я знакомую ищу.

– Ее здесь нет.

– А вы-то откуда знаете? – довольно нахально отозвался Андрей и прошел в дом.

Откуда-то несло варевом. Засосало под ложечкой.

Толкнул первую же дверь, за которой слышалась какая-то возня и голоса.

– Здравствуйте... Алло? Здравствуйте!

Перед ним был довольно длинный коридор с выходившими в него дверями, одна из них приоткрылась.

– Здравствуйте.

– Привет, – откликнулась очень коротко стриженная, смугловатая девица.

– Ани нет здесь?

– Какой Ани?

– Такая светленькая...

– А я не подойду? Темненькие, они темпераментнее...

– Нет, извини, сестричка, не тот случай. Мне именно Аня нужна. У нее отец болен, а она где-то здесь прохлаждается.

– Да, у нас не жарко. Может, согреешь темненькую, пока светленькая не нашлась?

«Сейчас весь табор знает, что приехали из города и ищут Аню. Если б она хотела меня видеть, сама бы вышла».

Андрей обошел еще несколько комнат. Женщин здесь было множество.

«Мужики из чего угодно бардак сделают, а женщины везде наведут подобие порядка».

Оставалась одна надежда – на Павлючка. Но, вернувшись на пяточок перед воротами, Андрей застал юного приятеля одного.

– Ты как? Цел?

– Цел-то цел, но никого не нашел. Шелупонь одна тусуется. Этой девчонки здесь быть не может. Она к такой жизни не привычна – я это сразу понял.

– Вот потому-то здесь и нужно искать в первую очередь.

– Ага, понял... Что, домой? А порулить?

– Чуток можно.

У машины торчал мужичок в выцветшем драповом полупальто. Огораживаясь двумя ладонями от света, заглядывал, согнувшись и пританцовывая на месте, на заднее сиденье.

– Мадам, на два слова, мадам, – лопотал неверным языком.

Андрей открыл переднюю дверь Павлючку.

– Сейчас я развернусь, потом сядешь за руль.

Когда отъехали, мужичок так и остался стоять, приложив ладошки рупором к худому, в черной щетине лицу, вглядываясь уже в пустоту.

– Ну что, Андрей, ничего? – вздохнула Ксения Петровна. – Ее здесь нет?

– Может, и есть, но я неправильно себя повел. Она здесь может быть, но, если услышала, что ее ищут, затаилась. Я с самого начала раззвонил... Черт!

Андрей вырулил на дорогу, чуть отъехав, скомандовал Павлючку пересаживаться.

– Но только до шоссе!

– Вы думаете, я ошиблась? – задумалась Ксения Петровна.

– Я так не думаю. Это моя тактика была неверной.

Они довольно медленно ехали по почти освободившейся от снега дороге. Андрей показал Павлючку, как переключать скорости. Ноги у подростка до педалей не доставали катастрофически. Минут через двадцать выехали к шоссе – теперь уже по прямой.

– Все, смена экипажа.

– Ну еще чуточку, дядь Андрей, – заканючил Павлючок.

– Дорога паршивая, извини. Опасно.

Андрей выжал скорость. По сырому пустынному шоссе они доехали до города и завезли домой Ксению Петровну.

– Вы меня в курсе держите, ладно? – попросила она, вылезая из машины.

– Хорошо. Тебя куда отвезти, Сереж?

Дома попробовал посмотреть телевизор, но его не отпускала досада, обида на самого себя – не продумал он вылазки!.. Вряд ли Ксения Петровна ошиблась. На восемьдесят процентов – Анна К. скрывается в свободной от цивилизации зоне. Если до нее дошел слух, что ее ищут, она спряталась.

«А местечко, этот Бомж-таун, интересное. Может, согласовать с Бородой тему и съездить туда еще раз? Если Анны К. не найду, хоть материал сделаю».

Смеркаться за окном начало в семь вечера. Сам не зная зачем, Андрей поставил на подзарядку карманный фонарик. Хотя нет, он уже знал. Внутри него что-то знало.

В восемь, взяв плотно накормленный фонарь, направился вон из города, оставшегося позади полоской ярких огоньков. Сделав крюк по хорошей дороге, выехал на отрезок, ведущий к мумии военного городка. Еще пять минут, и, заметив редкие неяркие огоньки Бомж-тауна, выключил дальний свет. Но не эти огоньки привлекли его внимание.

Чуть впереди были явственно видны габаритные огни машин.

«Милиция? Предпраздничная проверка?» – тревожно прикинул Андрей, съезжая с дороги на траву, – обочины здесь не было.

Он заранее развернулся на выезд и поставил машину на сигнализацию – не потому, что здесь было много желающих ее угнать, а чтобы потом, если понадобится, найти ее по сигналу в этой сырой, вязкой темноте.

Машина пискнула и задремала. Андрей, стараясь не шуметь, двинулся к городку. Никаких особых звуков, даже собачьего лая, не доносилось.

«Все дрыхнут без задних ног?»

Андрей решил не переться прямо в ворота – хватит ему дневного штурма, – чуть посветив фонарем, пролез в щель между опасно покосившимися плитами ограды.

«Интересно, какую статью я сейчас нарушаю? Числится этот городок военным объектом?»

До пяточка перед въездом на территорию было метров тридцать, оттуда доносились голоса, мелькали лучи карманных фонарей – что-то происходило. Прячась за черепами пустых автомобильных кабин, он подобрался метров на десять к пяточку и затаился.

Какие-то субъекты, судя по голосам молодые, обильно пересыпая речь ненормативной лексикой, сгоняли на «городскую площадь» жителей Бомж-тауна. Те жалобно протестовали, говоря, что они люди бедные и у них нечего взять.

«Похоже, облава».

Андрей перебежками добрался до дома, стоявшего торцом к пяточку. В свете время от времени вспыхивавших фонарей разглядел, что на налетчиках нет ни формы, ни масок – обычные кожаные куртки-косухи. Одни только своим видом придерживали согнанных жителей на пяточке, другие время от времени возникали из темноты и впихивали в уже немалую толпу обитателей свободной зоны. Светили в лица, что-то спрашивали, рывкали, приказывали замолчать или, наоборот, говорить.

Где-то поодаль реяли огоньки двух-трех сигарет. Кто-то со стороны наблюдал за событиями, не желая марать о бездомных руки.

«Ох, не нравится мне это... Что за самостоятельный шмон-омон? Кого они здесь ищут? Вряд ли это менты, даже в штатском».

Пока Андрей наблюдал, события вроде как поутихли. Вероятно, согнали всех, кто попался под руку. Ребята в косухах сгруппировались поодаль и проводили планерку.

«Сейчас они сообразят, что здесь делать нечего, развернутся, поедут и увидят мою тачку, мирно посапывающую на травке. Тогда несдобровать ни мне, ни тачке... Кажется, пора».

Спотыкаясь в темноте о мусор, Андрей добрался до ближайшей дыры в заборе.

«Вот что – сейчас выезжаю на шоссе, делаю метров сто-двести выше и жду. А потом... можно ведь вернуться».

Машина согласно пискнула в ответ, Андрей быстро, не включая габаритных огней, выкарабкался на асфальт и покатил к шоссе.

«Может, на третий заход повезет... Все-таки мой расчет был верен – я буду не я, если это не охота за Анной К.».

Включив наконец дальний свет, чтобы впотьмах не соскочить с асфальта, увидел... как в скачущем мутном луче мелькнула фигура бегущего человека, не слишком крупная, непонятного пола и возраста.

Попав в луч света, человек довольно неловко, словно защищаясь, взмахнул руками, резко свернул в сторону от дороги, бросившись, по сути, в чистое, то есть очень грязное, скользкое и топкое поле. Андрей затормозил, не глуша мотора, выскочил из машины и бросился следом, высоко поднимая фонарь.

– Анна, Анна! – кричал он в темноту, которая только сгущалась от того, что ее рассекал желтоватый пучок света. – Анна, постойте! Давайте поговорим! Они вас найдут!

Андрей остановился, поводил фонарем туда-сюда. Метрах в тридцати мелькнула светлая куртка.

«Ага, попалась! Теперь я тебя не упущу!»

Он кинулся туда, где смутно виднелась фигура, и через десять секунд схватил за плечо Анну, которую выдали светлые пряди, выбившиеся из-под бордовой вязаной шапочки.

– Не прикасайтесь ко мне! Отпустите немедленно!

– Отпущу, если не побежите.

Анна дернулась еще пару раз и потом затихла. Андрей посветил ей в лицо.

– Уберите фонарь. Я сейчас ослепну.

– Это за вами приехали?

– Они еще днем приезжали. Я не думала, что они вернуться.

– Днем я вас искал. Сейчас нет времени болтать, давайте поедem, иначе они поймают

нас – вас-то не тронут, а меня, как свидетеля... не отпустят живым.

– Я никуда не поеду. Оставьте меня в покое!

– Поедьте, или вы погубите нас обоих.

– Ладно, – совсем вяло сказала она.

Они вернулись на шум работающей машины.

Взвизгнув и чуть пробуксовав, машина все-таки вынесла их на шоссе, Андрей свернул прочь от города.

– Мы не туда едем!

Он заглушил мотор на шоссе, метрах в трехстах выше поворота к городку.

– А... что мы здесь делаем?

– Отслеживаем ваших поклонников. Они уже поняли, что вас там нет, поедут назад. Гораздо лучше пристроиться им в кильватер.

– Как вы меня вычислили?

– Не я – наш общий друг Михал Юрич Борода. А как вашего личного доброжелателя зовут, знаете?

– Нет. А вы что, знаете?! – По голосу было слышно, что она поражена.

– Его зовут Резо.

– Никогда не встречалась. А...

Из Бомж-тауна, один за одним, свернули на шоссе три автомобиля – была слышна даже тупо долбящая музыка.

– Всех обставил, – не без ехидства заметил Андрей.

– Супермен...

В голосе Анны К. послышалась легкая ирония.

– А вот хотя бы! – запальчиво воскликнул Андрей. – Все, едем в город.

Уже по дороге набрал номер Ксении Петровны.

– Ксения Петровна, дорогая, как вы себя чувствуете?

– Хорошо...

– Можно к вам заехать через полчаса? Не очень поздно?

– Мм, можно. Вы не один?

Андрей нажал на газ.

– Куда мы едем?

– К одной женщине. Она тоже приложила руку к вашему... обнаружению. Хотела с вами познакомиться. Она сейчас одна. Сын, толкиенист, на мечях сражаться поехал. Там вас никто искать не будет.

Подойдя к двери квартиры Ксении Петровны, Анна К. увидела себя на свету и удрученно всплеснула руками:

– Ну и видик у меня!

– Полное чмо, – охотно согласился Андрей.

«А вот и пусть!.. Гоняюсь за ней ради ее же блага, а она не поблагодарила ни единым словом».

Ксения Петровна выглянула в щелку, отворила дверь.

– Добрый вечер, Ксения Петровна. Это Анна. Ксения Петровна приютит вас... до выяснения обстоятельств.

– Вы поезжайте, Андрей. Мы тут по-девичьи быстрее договоримся.

Спускаясь по лестнице, прыгая, как всегда, через две ступени, Андрей почувствовал, что как-то тяжеловат, неразворотлив в движениях.

«Ну а день-то был! – утешил сам себя. – Устал, разозлился, проголодался... В «Подкову» бы – поужинать, но меня туда не пустят. Тоже чмо изрядное...»

Андрей проснулся с отлежанной, онемевшей спиной. Был десятый час. Хотелось сразу позвонить Ксении Петровне, но он сдержался, помахал гантелями, сварил кофе и только после этого набрал номер. Ксения Петровна ответила тихим, даже каким-то сдавленным

голосом. У Андрея екнуло сердце.

– Как там у вас, Ксения Петровна? Почему голос такой?

– Анечка еще спит... Мы с ней вчера до двух ночи разговаривали.

– Да? Она обещала больше не сбегать? У меня сил нет ее отлавливать. Я половину уголовного кодекса нарушил!

– Мы об этом не говорили, но она пока не убежит. У нее вся одежда сырая, из стирки, а другой нет – моя ей велика.

– Ну, так вы последите, чтобы она подольше не сохла. По крайней мере, до после Дня Победы.

– А что после Дня Победы?

– Да эти ученые приедут – померят приборами и ее, и вас. Может, посоветуют чего. И скажите, чтобы от вас никому не звонила.

– Ладно. Вы к нам заедете?...

Андрей звякнул в двери Ксении Петровны очень коротко и деликатно – а ну, как Анна К. еще почивают. Ксения Петровна глянула в щелку, откинула цепочку. Ему не нравилась местная привычка пользоваться цепочками, но сейчас это его успокоило.

– Аня, выйди, это Андрей.

Анна К. вышла из маленькой комнаты. Одета она была явно в вещи сына Ксении Петровны – серую футболку и треники с лампасами. Волосы забрала в хвост на затылке.

Она остановилась в дверях комнатки, не желая приближаться.

– Здравствуйте, Андрей. Как вы себя чувствуете?

– Со мной все в порядке. Ксения Петровна сказала, что я хочу показать вас ученым?

Она поджала губы и отвернулась.

– Интересный случай?

– Да. Очень интересный, – чуть злясь, согласился Андрей. – Вы сами знаете. Они могут что-то посоветовать. Когда вернется сын Ксении Петровны, отвезу вас в монастырь. Там вас уже, наверное, искать не станут.

– Ничего, пока можно у меня, – откликнулась Ксения Петровна из кухни, куда тактично удалилась в начале их беседы.

– Я на праздники отъеду в Москву навестить родителей, а вы, пожалуйста, не убегайте. Вас очень трудно ловить. Обещаете?

Андрей спустился к машине и отправился домой к главному. Рассказал, что нашел Анну К., но промолчал про экстрасенса с воришкой в качестве группы поддержки. Борода угощал чаем с прошлогодним вареньем, удивленно задирали седые брови.

– Да, ты репортаж-то сделай... Хорошо ты его назвал – Бомж-таун. «Нам пишут из Бомж-тауна», ага. Здорово... Срез общества. А, Маша, какой у меня орел работает?

– Да, женщины у нас на работе его статью каждый раз первую в газете ищут, – согласилась супруга, подливая чай.

«Она тоже по фамилии Борода?!» К вечеру Андрей отбыл рязанским экспрессом в Москву.

В область возвратился под взятым напрокат у матери зонтом, но, подходя к дому, закрыл его. Даже в безветрие облака разошлись. Из квартиры позвонил Ксении Петровне.

– Как у вас дела?

– Ничего, Аня вроде веселая. Вам дать ее?

«Дайте мне Анну К., и я переверну мир!»

Стукнула положенная трубка, через секунду Андрей услышал голосок Анны К.

– Привет, Аня. Как вы?

– Я – замечательно! – Голос у нее и вправду был счастливый. – Ксения Петровна учит меня печь пирожки.

– О, в этом она мастер.

– А у меня такие кособокие мутанты выходят!.. Я боюсь растолстеть на ее стряпне.

По-моему, она специально меня откармливает, а у меня нет сил отказаться.

Они поболтали полчаса, очень приятно, необязывающе, словно их не свели невероятные, почти фантастические обстоятельства.

– Да, Андрей, у меня к вам просьба... Мне, вы понимаете, неудобно жить на содержании у Ксении Петровны... Можете подъехать сюда, взять мою кредитку и снять деньги? Да, и еще одна странная просьба...

«А вы вообще странная девушка, Анна К.! Подать вам к подъезду водяного коня в алмазной упряжи?»

– У нас в универмаге есть отдел – там продают парики...

– Парики?

– Да. Купите, какой я скажу? Может понадобится.

– Пожалуйста, Анна, никуда не выходите!

– Но я же не могу всю жизнь просидеть у Ксении Петровны! Мне работу какую-то надо – хоть с лотка овощами торговать... И вообще – вы же сами хотели меня, как редкий экземпляр, кому-то продемонстрировать? Для этого тоже рано или поздно придется выйти. Вот я и буду надевать камуфляж, пока эта история не придет к логическому завершению.

– Ну да, конечно... Завтра утром я покажусь главному, посмотрю, что там в редакции, и позвоню. Устроит?

– Вполне.

Андрей еще долго сидел в прихожей и размышлял, что еще хотел сказать Анне К. А чем вообще должна была бы закончиться эта история, если логики в ней никакой?

«Ну, признают эниологи, что у Анны имеется какой-то тонкоэнергетический дефект и она носительница вредоносного начала, и что? Это можно как-то вылечить или это приговор на изоляцию от человеческого общества, как заразному больному? Чего я добился? Открыл «синдром русалки» или «феномен фам фаталь»?»

Утром в редакции Андрей застал отоспавшуюся за праздники Валю и не совсем адекватного Костика, который нервно пил чай и жаловался, что всю квартиру заполнили дети, а ему там места нет.

– Во, – поймал его последний возмущенный вопль Андрей, – на работу почаще ходить будешь. Здесь не достанут!

Костик метнул в его сторону злой взгляд красных, невыспавшихся глаз и пробурчал:

– Посмотрел бы я, какой бы ты был на моем месте...

– Я-то буду образцово-показательным отцом.

– У нас еще один декретник намечается? – раздался за спиной бодрый голос главного.

– Здравствуй, Михал Юрич... Константин выразил желание поработать над фотопортретами обитателей Бомж-тауна. Оч-чень фактурные типчики. Машину дадите?

– Что – прямо сейчас?! – ужаснулся Костик, отрываясь от стакана с чаем.

– Сейчас, но не к бомжам. Михал Юрич, я отъеду к нашей коллеге? Сорок минут – самое большее.

Стоя на светофоре, он набрал телефон Ксении Петровны. Анна ответила после четвертого сигнала.

Когда он вошел, Анна К. окинула его внимательным, ощупывающим взглядом, и он понял, почему. Стараясь не пялиться в упор, оценил ее вид. Она посвежела, ушло загнанное выражение глаз. Анна даже улыбнулась и с почти детским любопытством взяла у него из рук коробку фигурного шоколада.

– Спасибо. Ой, какие зверюшки – есть жалко будет... Вот моя карточка – я столько таскала ее в сумке, вдруг с ней что-то случилось. Вот код и список того, что нужно. Уж извините, но раз вы меня сюда поместили...

– Ничего, я Валю попрошу. Она это лучше сделает.

– А она знает?...

– Мм, почти не знает. Знает, что мы с вами знакомы... Она и про Зуеву знает – что я с ней встречался.

– А вы с ней встречались?

Андрей увидел, как вытянулось хорошенькое личико Анны К.

– Она же от меня про ваши... способности узнала.

Анна была поражена – прямо утратила дар речи.

– Я решила, что вы пришли к выводам независимо друг от друга.

– Нет. Это я все анализировал. А она притворялась, что не верит.

Анна К. криво усмехнулась:

– Да?! Ну, будет возможность – скажу ей большое человеческое спасибо.

Она отошла подальше, встала спиной к дверному косяку, сложила руки на груди.

– Так вы встречались с Зуевой?

– По-приятельски, по работе. Не знал я, что она на такое способна. Я чуть не рухнул, когда вас вдвоем в «Подкове» увидел... А сейчас, по-моему, она догадывается или подозревает, что я причастен к вашему исчезновению.

– Как, вы сказали, зовут того человека, который... все это раскрутил?

– Реваз Джавахадзе. Он хозяин фирмы «Снежана» – фрукты, цветы...

– Ладно, – глубоко вздохнула Анна, стараясь успокоиться. – Я вас задерживаю?

– Да нет, но надо же все купить и привезти.

– Вы когда приедете?

– Сегодня вечером или завтра утром. Не берите все это в голову. Интриги закончились.

В редакции Андрей застал Валю, вязавшую что-то пушистое.

– Лето на дворе, а ты теплые вещи вяжешь. Женская логика?

– Я не вяжу – я ворожу, глупый. Если сейчас начать вязать что-нибудь легкое, опять снег пойдет. Я начала мужу свитер вязать, и сразу потеплело. Завтра уже плюс девятнадцать.

– И что б тебе три недели назад его начать?

– А мне пряжу только на праздник подарили.

– Слушай, Валь, вязать я за тебя точно не смогу, но ты за меня можешь эти вещи купить. Это для Ани Коваленко.

– А она что, болеет?

– Ну, почти. На карантине. За ней Резо охотится, который «подорожников» по дорогам насажал.

– Да ты что?! – вздернула она голову от вязанья.

– Ага, только ты молчи. Это серьезно. Он же бандит. Сделаешь? А я подежурю на трубке.

Андрей отдал смущенной Вале карточку со списком и сел набросать хоть что-то о Бомж-тауне и его обитателях.

Пришел Борода.

– А где Валя?

– Я за нее отвечаю на звонки, а она мне колготки покупать пошла.

– В трансвеститы податься решил, затейник?

– Если мой размер найдется, хоть вчера.

– Если материал сделаешь забойный – тогда благословлю.

– Здравствуйте, молодые люди. – В комнату заглянула незнакомая женщина. – Мктыча Мартиросовича можно видеть?

– У нас таких нет, извините, – ответил Борода через плечо. – В конце коридора спросите. Там какая-то фирма сидит.

– Михал Юрич, вы что?!

Женщина вцепилась себе в светло-каштановые волосы, стриженные в каре, и, сдернув их с головы, превратилась в ответственного секретаря редакции Валю.

– Вы чего, ребята, еще не проснулись?

Она разразилась хохотом, тряся у главного перед носом рыженькой шкуркой.

Анна К. открыла сразу – не по-местному, через цепочку. Андрей отдал ей пакет и карточку.

– Осталось там что-то?

– Там есть чек с балансом. Только я прошу вас, если пойдете в город, меня предупреждать.

– Зачем?

– Потому что, – жестко сказал Андрей, – у нас с вами есть пара незавершенных дел, на которые я потратил немало сил и времени. Эгоистический интерес – это понятно?

– Это – понятно. В таком случае ставлю вас в известность: завтра пойду устраиваться на работу.

– На какую, господи боже?!

– На любую, не требующую долгих контактов с людьми, – торговкой на лоток, поденно, я же вам сказала. Санкнижку только надо купить. Работа все время в разных местах. Согласны?

– Да, конечно, раз это необходимо.

– Необходимо, я в четырех стенах с ума начну сходить.

– Ксения Петровна не допустит.

Анна чуть улыбнулась:

– Я так удивилась, когда поняла, что она – та самая женщина, про которую в городе разные чудеса рассказывают.

– Да. Это она вас по фотографии нашла, и там, в этих новорусских строениях, и потом, в трущобах.

В редакцию Андрей вернулся к пяти вечера. Валя с Бородой собирались уходить.

– Ну чего, орел, когда в свой Бомж-Сити полетишь?

– Бомж-таун. Когда дадите Костика с машиной.

– Ну, завтра и поезжайте. Валь, прозвонишь этому кормящему отцу, чтобы завтра был пораньше с полным боекомплектком.

По дороге домой Андрей заметил, что опять как-то нетвердо держится на ногах и его чуть потащивает.

«Весенняя усталость, что ли? Или накликал, над Костей издеваясь?!»

О самом плохом думать не хотелось. Он вспомнил, что не обедал, а весь день просидел на редакционном чае с Валиными карамельками.

«Мнительный какой-то стал... Я бесстрашный ловец озерных русалок и укротитель водяных коней!.. Да, завтра-послезавтра надо звонить Терпсихорову. А то сезон кончится».

Академику эниологии Андрей, не утерпев, позвонил вечером – Терпсихоров был уже дома, и они согласовали выезд в первый послепраздничный день.

– ...Ксения Петровна, вы знаете, в следующую среду вы принимаете участие в научных экспериментах?

– Ох, Андрей, вы никак не отступитесь...

– Ни за что! Это ж сколько я вас с Аннеттой окучивал – и отступить? Академики и кандидаты наук из Москвы с собственным синхрофазотроном приедут, а вы не почтите их своим вниманием?! Это неинтеллигентно.

– Ладно, посмотрим. Хотите с Аней поговорить?

«Я этого всегда хочу».

– Аня, после Дня Победы приезжают мои друзья-ученые. Никуда далеко не уходите, ни в парике, ни без него.

– Да, за парик спасибо. То, что нужно. А мое участие действительно необходимо?

– Вы считаете, с вами все в порядке? Ни в чьей помощи не нуждаетесь? – опять обозлился Андрей.

– Со мной все не в порядке. Просто я не уверена, что это поможет.
– А кто уверен? Никто не уверен. Но это пока единственный способ хоть как-то прояснить ситуацию. По крайней мере, быстро и бесплатно.

– На быстро и бесплатно я согласна.

Андрей с досадой положил трубку.

«Значит, завтра мы все работаем, и Анна К., и я, и даже Костик... Да, но ведь надо поддерживать связи с коллегами!» – злорадно подумал Андрей и набрал домашний номер Зуевой.

– А, привет, – стараясь звучать легко и дружелюбно, ответила Тамара.

– Что делала на праздники?

– Да что в такую погоду делать? Дома сидела да тряпки зимние в спячку укладывала. А ты?

– Был в Москве, ходил с братом по дискотекам, спотыкаясь о митингующих пенсионеров. Тоже ничего захватывающего. Много работы?

– Да, много... А у тебя?

– Завтра весь день на колесах по району с Костиком.

– На предмет?

– А, не знаю, завтра Борода перед вылетом задание даст – срез общества ему какой-то подавай.

Она хихикнула:

– А на Девятое мая домой поедешь?

«Что, готовится новый рейд по отлову русалок? Не выйдет».

Утром Андрей застал в редакции хмурого и небритого Костика.

– А ты сегодня антуражный! – радостно подбелдыкнул Андрей. – Можешь тоже пару интервьюшек взять – тебе, как своему, больше расскажут.

Костик невнятно огрызнулся, но, поскольку в комнате был Борода, протестовать особо не стал, и они выехали в Бомж-таун, где пробыли почти до четырех дня.

...Валя, обеспокоившись, позвонила Андрею на мобильный – не скушали ли их голодные аборигены. Но они были целы. Напротив, по причине наступления теплой погоды, избавившей бездомных от забот по обогреву, сделались более контактными и разговорчивыми.

– Слушай, поехали! – давно ныл Костик. – У меня уже полный диск материала! Я заразу детям принести боюсь, чесучу какую-нибудь...

– Ладно, загружайся!

Фотокор вышел по дороге – обрабатывать материал на дому. В редакции Андрея уже ждали.

– Костик хорошо себя вел? – спросила Валя. – Не бурчал, что дети дома плачут?

– Бурчал, но не поэтому. Ему лесбиянки сильно не понравились.

Из дома Андрей позвонил Ксении Петровне. Там никто не поднимал трубку. На дворе сделалось почти жарко, Андрею не терпелось натянуть подаренные мамой белые брюки и пойти в гости к... Ксении Петровне. Горячий душ только усилил внутреннее томление и телесный глад. А пирожков сегодня, похоже, не намечалось...

«Вот махану сейчас в «Подкову» – хоть грибков похаваю. Но сначала надо еще попытать счастья».

К телефону подошла Анна.

– Ну, как дела? – спросил Андрей, пытаясь сдержать вздох облегчения.

– Устроилась продавать цветы. Сказали, хорошо в эту неделю заработаю – праздник ведь. Ветеранов поздравлять будут.

«Ну, тебе, девочка, за рожицу и фигурку такая лажа обломилась».

– Хорошо. Только не сбегайте никуда с этими деньгами, пожалуйста. Я отбываю

ужинать, а вам желаю отдохнуть для завтрашнего трудового дня. Ксения Петровна с вами?

– Она сына пошла навестить. Он сейчас у своего отца. Я же его комнату заняла.

В элит-клубе было немногочисленно. Андрей сел в свою любимую, обдуваемую ветрами подковку у входа. Когда принесли грибы, сыровато-пряный запах произвел дрожь по всему телу.

«Если я голодный – значит, здоровый!»

На «Хеннесси» не было денег, но от двойного эспresso Андрей отказаться не смог. Домой шел пешком, довольный и разомлевший.

Было около девяти. Андрей, желая представить, чем теперь занимается Анна К., внимательно рассматривал цветочные ларьки. Почти все были закрыты.

И на всех стоял один и тот же логотип – ТОО «Снежана».

Довольство будто смыло холодной волной. Андрей даже остановился у одного киоска, где за стеклом виднелась трехлитровая банка с мутной водой и плававшими в ней гнилыми листиками.

«Не фирменно такие натюрморды в витрине оставлять – господин Резо не похвалит».

Конечно, это могло быть совпадением. Временная работа, хороший заработок, цветочки-корзиночки... А другой цветочной фирмы в городе нет?

Андрей решил проверить свою догадку и пошел, уже быстро, к магазину, где торговали горшечными цветами, но это оказался ПБЮЛ какой-то дамы.

«Не задумала ли Анна К. разобраться с этим Резо-батано за все, что он с ней сотворил? И с этой целью устроилась работать в его фирму...»

Идя домой, Андрей сто раз дал себе слово не забивать голову пустыми домыслами, но эта мысль, как схватившая себя за хвост псына, все крутилась и крутилась у него в голове.

Коротенькой межпраздничной неделе оставалось жить полтора рабочих дня, и Андрей решил употребить их на материал о Бомж-тауне, чтобы следующую неделю провести с Терпсихоровым и Валерием Ивановичем на пленэре.

Когда пришел Борода, Андрей напомнил ему о гостинице.

– Да-да, – закивал всклокоченной пегой головой редактор. – Щас мы с Валею всеотрегулируем. Но они теперь точно приезжают?

– Да уж куда откладывать? У русалок вот-вот период икрометания закончится, мы их под корягами просто не найдем.

– Идейки у тебя... Жениться тебе надо.

– Жениться не напасть...

– ...да замужем бы не пропасть, – dokonчила Валя, входя в комнату. – Гадости про женщин говорите, бесстыдники?

Она переоделась в летнее платье, из-под которого торчали молочно-белые ноги.

Андрей сел писать статью про то, как и почему становятся жителями трущоб. Потом пришел Костик, принялись отбирать самые выразительные фото отекавших небритых физиономий и сочинять подписи. За этими приятными занятиями прошел день.

Было начало пятого, когда Андрей позвонил Ксении Петровне. Трубку не брали.

«Все при делах, все трудятся...»

Мысль, что после того, как приедут, отработают и уедут эниологи, их с Анной К. история подойдет к концу, все чаще приходила в голову. Он ведь не делал заявок ни на что больше... А что большее? Она вряд ли может быть ему особенно благодарна за то, что он вторгся в ее жизнь, сделал других людей причастными к ее роковой тайне.

А если научные исследования закончатся лишь констатацией страшного факта?...

Андрей не заметил, как дошел до дома. Поднимаясь на третий этаж, он вдруг почувствовал, как закружилась голова. По-стариковски схватился за перила, чувствуя, как его отваливает назад, спиной на ступеньки... Переборол дурноту, кинул себя вперед,

добрался до двери. Ключ в замочную скважину попал секунд через тридцать, потому что дверь ловко увертывалась...

В прихожей Андрей тяжело опустился на табуретку и просидел, собирая себя по частям, минут десять, а может, больше.

«Если человек в таком состоянии окажется за рулем – ему крышка. И его пассажирам, и тем, кто попадется на пути», – смутно пронеслось в отлучившихся по своим делам мозгах.

Потом вроде стало лучше, и Андрей, поплескав в лицо холодной водой, пошел варить кофе, хотя было уже около семи вечера.

«Не стоило мне с Анной К. наедине, без Ксении Петровны, видаться... А позвонить моим девушкам все-таки следует».

– А что-то я голос ваш не узнаю? – забеспокоилась ясновидица. – Вы... не заболели?

– Устал – весь день за компьютером. Неделя-то короткая, главный редактор подгоняет. Аню дадите?

– Пока не пришла.

– Да? Что-то поздновато...

– Вещи ее здесь, – уловив ход его мыслей, улыбнулась Ксения Петровна. – Она говорила – вечером товар принимать будет, для завтрашнего поздравительного бума. Попозже звоните.

Анна К. позвонила сама, уже в половине десятого – в первый раз за все время их знакомства.

– У меня все в порядке, Андрей, просто принимала наш душистый товар.

Голос у нее, кажется, был довольный.

– Никогда не видела столько роз сразу – как в старой песенке. Ладно, не буду вас отвлекать. Ксения Петровна сказала, у вас работы много. Мне и самой завтра к семи.

– Чего так рано?

– А все, на работу идучи, цветы для ветеранов будут покупать. Потом короткий день, и на обратном пути отовариваться букетами станут – для своих бабушек-дедушек. Я уже конъюнктурой овладела – чувствуете?

Они поговорили еще минут пять и попрощались до завтрашнего дня.

«Кажется, я в порядке, а головокружения – это следствие беспорядочной жизни и неумеренного поглощения пончиков. Может, прав Борода? Пора жениться и вести размеренную жизнь добропорядочного мещанина?»

Короткая пятница перед праздниками прошла быстро. Борода забрал редакционную машину и укатил на дачу полоть молодую крапиву. За ним сбежала Валя. Андрей погонял туда-сюда свою статью о бездомной вольнице и, опечатав комнаты, решил пройтись по центру города. Себе-то он признался только в том, что хочет убедиться, что Анна К. на время приставлена к неопасному для окружающих бизнесу и довольна жизнью.

Обойдя цветочные палатки и лотки, Андрей Анну не нашел. Его это огорчило и обеспокоило. Она ему лжет? Или пристроилась подальше от центра, чтобы не попасться на глаза знакомым, Томке и Резо?

«Дотянуть бы до приезда эниологов, пусть бы они разобрались с этими озерными русалками и конями! Зоопарк тоже...»

Раздраженный вернулся домой.

«Разозлился я сам на себя от того, что опять не смог найти Анну К. – не привык, видите ли, проигрывать... Я тщеславный, пустой и амбициозный тип, – рассуждал, хлопая на сковороду фабричные котлеты. – У таких-то и проблемы со здоровьем».

Вечером опять позвонила Анна... Стараясь казаться не особенно заинтересованным, спросил:

– Вы завтра букетиками торгуете?

– Конечно. Самый пик, как отмечают опытные в цветочном бизнесе люди. С этим бумом сравнится только первое сентября или день всеобщего бракосочетания трудящихся.

После праздников обещали рассчитаться.

– Где территориально вы лично располагаетесь?

– А это важно? – спросила она чуть игриво.

«Опять выверты... Думаешь, я как-то особенно желаю тебя видеть? Сейчас получишь!»

– Да, важно, – ответил сухо. – У меня запланированная прогулка с нашей общей знакомой Тамарой Зуевой. Я и не хочу, чтобы вы с ней пересеклись. Довольны разъяснением?

Кажется, идея его прогулки с Зуевой Анну не обрадовала.

– Вы мне скажите, – ответила она после длинноватой паузы, – где вы планируете с Зуевой тусоваться, и я попрошу поставить меня на точку, расположенную подальше от этих благословенных мест.

– Тусоваться мы будем в центре, где проходят торжества. Михал Юрич заказал небольшой репортаж о Дне Победы.

– И когда вы с ней там будете?

– Еще не договаривались. Но вероятно, с утра и до окончания основной праздничной суеты.

– Хорошо, учту. А что предупредили, спасибо.

«Хоть спасибо сказала... Да, ей это совсем не нравится... Но сейчас она никуда не сбежит – запуталась в финансовой паутине, бабочка-беляночка».

– А у вас, Анна, какие планы на оставшиеся праздники?

– В обитель съезжу, к матушке игуменье, загляну к родителям. Даже если кто-то, по вашей теории, за ними наблюдал, теперь внимание точно ослабнет. Вы так не считаете?

– Возможно, я бы все равно не рисковал. Обидно будет попасться по элементарной неосторожности. Пользуйтесь гостеприимством Ксении Петровны...

«А теперь надо действительно позвонить Тамарке. Ведь у нас все как и прежде – ни к чему не обязывающий легкий флирт».

– ...Что у нас на завтра? Идем оркестры слушать?

– Давай... А когда это, не в курсе?

– Согласно опубликованной в «Крестьянской газете» программе торжеств, с половины одиннадцатого до одиннадцати ноль-ноль – парад военных оркестров, потом митинг в Парке Победы.

– Который есть старое городское кладбище. Оркестр – дело святое, а на митинге меня пусть не ждут.

– А мне придется. Борода репортаж запросил.

– Хорошо, давай заходи за мной часов в десять. Как раз успеем на музыку, а потом как получится.

...Вечерняя заря вышла какой-то необыкновенно яркой, с пунцовыми сполохами во все небо. Очевидно, к прохладной, ветреной погоде.

– ...Ты учти, – сказал Андрей в домофон Тамаре. – На улице совсем не Марракеш.

– Да-а? Хорошо, что сказал, а то я в шифоне. Сейчас прикинусь посолднее.

Она спустилась, одетая в белую блузку, полупрозрачную цветастую юбку и замшевую курточку.

– Не жарко... И ветер!.. Как по заказу – чтобы стяги реяли, а не висели, как белье на просушке.

– Ты злая и циничная девчонка, – назидательно произнес Андрей. – Нельзя так о святом.

– От святого не убудет.

Они пошли по главной улице вместе с остальными горожанами.

– Как съездил? – поинтересовалась Тамара. – Срезал общество, как Михал Юрич велел?

– Срезал, срезал – Костик чуть не рыдал от перегрузки, домой просился.

– Жена-то у него родила?

– Давно – аж двойню, парня и девку.
– Дает Костик... А после праздников чего будешь делать?
– О, после праздников редакция совместно с администрацией принимает ученых из Москвы.

Она посмотрела на него искоса:

– Водяного коня отлавливать будут?
– Ага. Говорят, самый сезон – икру мечет, шальной, сам в сети идет.

Тамарка фыркнула.

– А об Ане Коваленко известий нет?

Она чуть помрачнела.

– Нет.

– Жаль.

– Чего?

– Можно было бы ученым показать, ее и бабуся – вдруг они мутанты?

– Ты же знаешь, я в это никогда не верила.

– Вот они и проверили бы.

– Давай не будем о работе... Слышишь? Вот и музыка.

Действительно, откуда-то из-за спины послышалось глуховатое, но упругое, подстегивающее «бум-бум-бум». Андрей понял, что это большой барабан, но музыки пока не было слышно.

– Из артучилища идут, – заметила Тамара.

«Бум-бум» приближалось и обрастало звуками, сначала басовитым гуканьем геликона, потом сухой дробью меньших барабанов, тромбонами, трубами и флейтами. Наконец, оркестр поравнялся с ними. Курсанты, одетые в парадную форму с аксельбантами и белые перчатки, старательно играли «Утро красит нежным цветом».

– Действительно здорово, – согласился Андрей, хотя никто его ни о чем не спрашивал.

Он, чуть отвлечшись от волнующего зрелища, оглянулся. Цветочных палаток в центре не было. Виднелись только накрытые чистыми скатертями столы с яствами.

– Томик, хочешь чего-нибудь?

– А? – подняла она глаза.

– Ну, этого, – мотнул головой на столы с угощением.

– Нет, извини, я на улицах не ем. И знаешь что... Я, пожалуй, пойду. Тебе все равно эти речуги слушать, а у меня здесь работы нет. Меня что-то познабливает.

Тамара развернулась и сделала пару шагов, когда Андрей довольно тихо произнес ей вслед:

– Кстати, я знаю, где Аня Коваленко.

Она словно налетела на невидимую стену, резко повернулась, уставилась на него своими черными глазами.

– И... где? – не удержалась спросить.

– Здесь, в городе. Под носом у твоего приятеля-грузина.

Зуева судорожно сглотнула.

– Скажи ему, чтобы даже имя ее забыл. Иначе я его поймаю, привяжу к стулу и заставлю читать Анне «Витязя в тигровой шкуре» в оригинале. Сама представляешь, что с ним будет, когда он дойдет до финала. Конечно, я благодарен фирме «Снежана» за путевку на семинар, но я их о ней не просил и поэтому обязанным себя не считаю. А? Чего молчишь?

Она не нашла, что сказать, просто неловко покрутила пальцами в воздухе. Вокруг толпились люди, Зуеву толкали, но она стояла как одеревеневшая.

– Особнячок-то? Да, это я с одним моим крутым приятелем взяли. Он крайне нелестно отозвался о замках и сигнализации. «Поскупились», – говорит. Да, а у меня, как видишь, на Коваленко оказался полный врожденный иммунитет. Мы с ней очень неплохо проводим время. Я тебе никогда не говорил, что не переносу брюнетов обоего пола?

– Нет, – почти неслышно выдохнула она.

– Так вот, значит, не ты, не этот Резо на нашем с Анной пути появляться более не должны. Что с ним будет, я тебе сказал. А если говорить о вещах более прозаических, то ументов на него большой зуб, заявление о похищении и незаконном удержании будет воспринято с ба-а-альшим пониманием. А если кто-то попыбует угрожать родителям Анны, крутые парни из «Подковы» узнают, кто приложил руку к смерти их приятеля Паши Молчанова.

– А кто? – заносчиво поджала она губы.

– Так ведь ты, Томочка. Я найду способ им объяснить. Они тебя вспомнят. До научных деталей докапываться не будут, верно?

Она стояла, покусывая губы, соображала, что сказать.

– Ты ведь домой собиралась? Извини, что задержал. Пока!

Зуева, так ничего и не сказав, повернулась и быстро пошла прочь.

Позвонив вечером Анне К., Андрей застал ее в одиночестве. Ксения Петровна ушла в гости.

– Как прошел день? Цветов много продали?

– Ох, да целый трейлер!.. Руки все в царапинах от шипов.

– А спецоборудование? Перчатки...

– Так это со спецоборудованием. Без него и рук бы не было.

Но голос у нее был веселый.

– Хотите, завтра вас в обитель на такси отвезу? – предложил он.

– Ох, нет... Я сама раненько автобусом поеду. Переночую с девчонками. Повышиваю, если руки позволят.

– Матушке привет.

– А она... вас хорошо знает?

– Думаю, да. Скажите – раб Божий Андрей, журналист. Она вспомнит. Но ко вторнику или хотя бы к среде вернетесь? С учеными в Озерки поедем, на родину ваших предков.

«Рыбохвостых».

– Мм, нет, лучше не надо. Я Озерки очень люблю, но с ними не поеду. Потом расскажете, как вы коня ловили, ловили...

– ...да не вылавировали.

Она засмеялась – тихо, журчаще, переливчато.

«Это и есть русалочий смех, загадочный и влекущий?»

Все его знакомые девчонки смеялись как рыдали – громко, истерично-надрывно.

– Вы мне из обители позвоните, ладно? Мне ведь ни за что не скажут, там вы или нет, а я буду волноваться.

– Обязательно. Вы когда встаете?

– Какая разница! Звоните, а я уж как-нибудь проснусь.

Они что-то еще говорили о монастыре, о матушке игуменье из Бауманского, посплетничали о Бороде и его кагэбэшном прошлом.

Когда Андрей положил трубку, на улице смеркалось. Где-то играл аккордеон, и нестройно, шатающимися старыми голосами пели «Землянку». Через пение прощелкивался соловей.

«А вдруг все будет хорошо? Как-нибудь быстро и само собой все устроится? – подумал Андрей, растягиваясь на тахте. – Приедут мудрый мэтр Терпсихоров и пронидательный интеллектунал Мальцев, скажут Анне – это же пустяки! Капелек попейте, и все как рукой снимет...»

Поздним утром Андрея разбудил звонок. Прежде чем снять трубку, он прокашлялся.

– Да, Анна! Доброе утро, – произнес бодро.

– Вы, конечно, Андрей Викторович, извините, – слышался в трубке далекий, ехидный голос Терпсихорова, – но это Феликс Феликсович.

- Эта девушка тоже участвует в наших экспериментах. Так что я не очень ошибся.
- А-ха-ха! – грохотнул академик. – Ну, гляну я, на что вы меня променяли!
- Как ваше самочувствие? Приезжаете послезавтра?
- Да, я и звоню узнать, состоятся ли запланированные мероприятия.
- Вас ждут как дорогого гостя.

Анна К. позвонила через полчаса.

– Я только что говорил с Терпсихоровым... Он с ассистентами будет здесь во вторник. В среду, наверное, смогут вами заняться. Приедете?

- Конечно, если вы хотите.

В полдень «газель» с экспедицией затормозила у дверей.

Помимо Терпсихорова и Мальцева приехал и криптозоолог, невысокий парень малонаучного вида Дима, и лаборант-экспериментатор, тоже молодой и тоже Дима, по совместительству ведший машину.

В редакции Андрей представил им сильно загоревшего за праздники Бороду, занятую Валю и небритого Костика. Валя побежала наливать воду в чайник, ноющего Костика пинками погнали к соседям по этажу за стульями.

За чаем было решено, что Борода поведет эниологов знакомиться с городским начальством и устраивать в гостиницу, а Андрей созвонится с матушкой настоятельницей и отвезет Диму-крипто зо олога в монастырь взглянуть на фреску с водяным чудищем.

«Анну, кстати, заберу, – подумал Андрей, довольный своими организаторскими успехами. – Теперь можно ее к родителям отвезти. Ей уже ничего не угрожает».

- Ты надолго? – спросила Валя.

- До Голубинского, там, может, часик и обратно. Димон, на выход!

Они взяли редакционную машину и выкатили на Рязанское шоссе.

- Здорово тут у вас – сплошная салюброгенная² зона. Ровненько, только холмы...

- Поэтому здесь люди и живут с каменного века. И стоянка раскопана.

- Где?

– Недалеко от редакции. Здесь культурный слой вдвое мощнее, чем в Риме. Когда-то мамонты водились – бивень в краеведческом музее есть.

- А!.. Значит, мое дело правое.

При въезде в обитель их машину, как водится, остановили мрачноватые охранники, но внутрь пропустили безоговорочно. Они поднялись по узкой лесенке в офис матушки настоятельницы. Та, как всегда, была румяна и приветлива, обещала через пятнадцать минут проводить во храм взглянуть на икону – пока там шла служба.

- Матушка, а нельзя ли известить Анну Коваленко, что за ней приехал Андрей?

Игуменья отправила с поручением девушку в белом платке.

- Сейчас, матушка, только файл заархивирую.

Дима несколько ошалело поглядел на Андрея.

Игуменья, важно ступая, отвечала на приветствия и поклоны встречавшихся на пути женщин, повела их через монастырский двор, уже покрытый густой травой, во храм. Сладковато пахло ладаном. Игуменья подвела их к стене с иконой святого Селиверста.

- Вот, смотрите, Дмитрий. Потом я дам вам репродукцию.

Увидев зубастого дракона, Дима даже присел от удивления.

– Слушай, да ведь это типичный... – зашипел он каким-то длиннющим латинским названием – «мезозаурус непонятнокакойтус».

Матушка, отошедшая выкинуть отгоревшие свечи из подсвечников, оглянулась в их сторону.

- Ты тише, Димон. Это ж монастырь, да еще женский.

---

² От английского salubrious – здоровый, целительный.

– Меня даже не то высаживает, что он женский!.. Эта зверюга вымерла еще до большого ледникового периода, а здесь она в своем виде как с натуры срисована!.. Матушка, не подскажите, когда написана эта икона?

– Специалисты датируют серединой XVI века. Но эти события имели место раньше. Православная икона не только воплощенная молитва, но и подчас исторический документ, – наставительно произнесла она.

– Это еще и научная сенсация! – зашипел, вертясь, Дима.

– Все, пошли. Не умеешь ты себя во храме вести, басурманин.

– Ну, погоди чуток... Я еще полюбуюсь.

Он действительно некоторое время постоял перед изображением, сложил по-старушечьи руки на животе и глуповато-счастливо глядел на фреску.

«Анна, поди, уже собралась и вышла, – подумал Андрей. – А этот от монстра отлипнуть не может».

– Все, двинулись. Тебе матушка настоятельница картиночку подарит, будешь любоваться до потери сознания.

Снаружи солнце показалось Андрею особенно ярким.

«Сейчас берем Анну К. и едем».

В офисе игуменья выдала Диме два буклета с изображением чуда святого Селиверста, принятые с подобоострастным целованием пухлой настоятельской руки.

– Девушку мою, Анну, предупредили? – все-таки спросил Андрей.

– Да, – кивнула послушница, не отрываясь от печатания на компьютере. – Она сразу вещи собирать пошла.

«Значит, рада со мной уехать», – самодовольно подумал Андрей, стал благодарить игуменью за гостеприимство и тянуть упирающегося Диму к выходу.

Монастырский двор Андрей пересекал почти бегом, искал взглядом Анну. Но ее нигде не было. Они с криптозоологом вышли наружу, к машине.

– Мужики, девушку не видели, такая хрупкая, со светлыми волосами?

– Так она уехала, – спокойно ответил один из чернорубашечников. – За ней машина пришла. Она села и уехала.

– В... ка-какую машину? – чувствуя, что у него подгибаются ноги, едва вытолкнул из себя Андрей.

– А сразу за вашей пришла. Ее дождалась и уехала. Только что, минуты три...

Андрей онемевшими пальцами нащупывал в кармане ключи от машины.

– Какая машина была?!

– Серебристый вольвешник, номера не помню.

– Дим, жди меня здесь! – рыкнул Андрей отставшему зоологу.

Тот удивленно поднял голову, но Андрей уже нажал на газ, и машина, оскорбив тишину монастыря непотребным визгом, рванула с места.

«Только бы догнать – потом я с кем угодно разберусь!»

По счастью, почти всю дорогу до города не было никаких поворотов, и Андрей увидел серебристый зад «вольво» метрах в трехстах. Ему даже показалось, что за грязноватым задним стеклом он разглядел светлую головку, и выжал скорости сколько мог. Водитель-похититель, видимо, заметил его, прибавил ходу и свернул влево от города, на отрезок, который вел в Духовицы.

«Ну, тебе же хуже!»

Теперь Андрей действительно видел за задним стеклом две головы, темную и светлую.

«В принципе, я женщин не бью, но за непослушание можно и отшлепать – на будущее».

Обе машины, как связанные ниточкой, приближались к мосту через Оку. Там, на въезде, должна быть охрана, и их могли задержать...

«На охрану этот урод не поедет – повяжут... А деваться больше некуда».

Впереди был берег, резко уходивший вниз, в прибрежные камыши.

Вдруг неизвестный начал резко тормозить – Андрей едва успел нажать на педаль, чтобы в него не врезаться. Машина съехала на обочину, пошла по инерции юзом, заскакала по травянистым кочкам и, остановившись, заглохла метрах в пятидесяти от дороги, носом в какой-то колдобине.

Андрей бросился к «вольво».

Дверца была приоткрыта, шофер лежал головой на руле, с бессильно повисшими руками.

«Феномен Анны К. в действии».

Андрей заглянул в салон. На заднем сиденье с заклеенным скотчем ртом и расширенными от страха глазами сидела Анна, Тамарка, остервенело дергая за ручку, пыталась открыть заклинившую дверцу. Почувствовав на себе его взгляд, перестала рвать ручку.

– Тебе русским языком было сказано – не попадаться мне, – произнес Андрей тихо.

Она ничего не ответила, только опять дернула ручку.

Андрей, уже почти не торопясь, выдернул ключ зажигания – пусть попробуют добраться до города, черноголовые. Водитель от его невольного прикосновения упал на сиденье, и Андрей увидел горбоносое, со впалыми щеками смугловато-серое лицо, запачканное кровью. Водила слабо закопошился – значит, жив.

Андрей протянул руку и, переводя ироничный взгляд с одной девушки на другую, отпер дверцу, которая была ближе к Анне. Она, к счастью, открылась. Андрей за локоть выволок Анну из салона – руки у нее оказались скручены каким-то шарфиком.

Андрей оторвал и брезгливо выкинул полоску скотча.

– Иди к машине, – сквозь зубы процедил он.

– Сумка, – мотнула она головой.

Он взял из салона ту самую спортивную сумку, которую перекидывал через ворота во время первого освобождения Анны.

– Иди к машине. Я сейчас приду.

Она неловко, неся впереди себя связанные руки, пошатываясь, пошла к дороге.

– Зуева, предупреждал я тебя...

Тамара молчала, кусая губы в бессильной ярости, видимо, старалась сообразить, что сказать.

– ...и значит, никаких приличий соблюдать не должен. Нет? Вижу, ты согласна. Посиди подумай, как жить дальше. И не вздумай вякнуть хоть кому-то, что я или Анна здесь были. Будь поскромнее. Усвоила?

Она ничего не сказала. Андрей запер дверцы, закинул ключи подальше в поле и пошел к машине. Анна К. сидела на переднем пассажирском сиденье, выставив ноги наружу. Андрей плюхнул ей под ноги сумку.

– Я жду разъяснений.

Она подняла голову:

– Руки развяжи сначала.

– Развяжу, когда все скажешь.

– Они у меня затекли!

Андрей растянул узлы. Анна принялась массировать побелевшие кисти.

– Как ты оказалась в машине?

– Они меня затащили.

– Неправда. Охрана все видела. Ты села сама. Это потом тебя склеили. Зачем садилась? Просекла, что это и есть Резо, и захотела с ним поquitаться? Ты и в его фирму для этого устроилась – правда?

Она не ответила, все еще массировала руки.

– Я спрашиваю.

– Да. Правда. – Анна подняла глаза. – Как ты догадался?

– Я, хоть и не обладаю сверхъестественными способностями, далеко не глуп.
– Ты не глупый. Но у тебя в жизни все просто и ясно, а у меня – нет.
– Да, – пробормотал Андрей, обходя машину, – это просто жуть, как у меня в жизни все замечательно и просто. Что ты с этим парнем сделала? – спросил он, заводя машину.
– Ничего.
– А почему же он отключился?
– Не знаю. Вдруг у него голова откинулась, он руль упустил, и... Ничего сознательно я не предпринимала, честное слово.

Пока они ехали, Анна К. достала из сумки какие-то дамские приспособления, зеркальце, салфетки, вытерла лицо, причесалась.

– Куда это мы едем?
– В монастырь.
– Ты везешь меня обратно? – удивилась она.
– Как пожелаешь. Но вообще-то я там своего гостя из-за тебя бросил.
Дима сидел на траве у ворот обители и явно кайфовал, греясь на солнце.
– Извини, Димон. Садись, поехали, – махнул Андрей. – Вот, знакомься. Анна, потомственная русалка. У самой речки засек, а то уплыла бы.
– За такой русалкой погоняться стоило, – улыбнулся во весь рот Дима.
По дороге к городу они встретили «скорую помощь» и милицию с мигалкой.
«Зуева вызвала скорую? А менты зачем?... В любом случае я за них спокоен – они в надежных руках».

Он искоса глянул на Анну. Та сидела, глядела в окно, но вряд ли что-то видела.
– Куда тебя забросить?
– Давай к маме. Это...
– Я знаю. Завтра будешь в норме?
– Буду, – покорно ответила она.
Андрей высадил ее около родительского подъезда.
– Спасибо. Ты не думай – я очень ценю все, что ты для меня сделал.
– Я заметил, – устало вздохнул он. – Еще два дня никуда не убегай, а потом можешь быть свободна, как ветер.
Анна исчезла.
– А это вообще кто? – спросил Димон.
– Я же сказал – русалка. Из того же, кстати, озера, что и твой звероящер. Ты еще сам толком не понимаешь, куда попал.

Андрей, как всегда, боялся пропустить поворот, сидел рядом со вторым Димой, впереди, внимательно глядя на дорогу. Наконец показался указатель «П. Озерки».

– Вот у этого дома остановимся – здесь человек нужный живет.
Чекист вышел к ним сам.
– Вы меня помните, Павел Никитич? Я Андрей из «Крестьянской газеты».
Полковник посмотрел на него из-под ладошки.
– Да-да, вы от Михал Юрича...
– Вот тут приехали ученые, исследовать озеро. Не можете с ними пообщаться?
На крылечке появилась полковничиха.
«Сейчас все испортит бабка».
– Да, давайте, подъеду. Только накину что-нибудь.
«Не успела», – злорадно подумал Андрей.

Они проехали по грунтовке, сколько это было возможно. Потом Дима-лаборант выволок из «газели» какой-то металлический ящичек, Андрей поднес еще один, Дима-криптозоолог нес связку разноцветных проводов.

– Вообще, к сведению интересующихся товарищей, – рассказывал полковник, – народ

считал, что этот водяной конь – что-то наподобие оборотня, только не лесной, а водный. Он может бедокурить не только в зверином, но и в человеческом обличье. Но я лично в это не верю, поскольку самолично читал официальный отчет об отстреле хищника и отправке его в Москву.

– А мне этот отчет пересказать можете? – нервно расспрашивал полковника Дима-зоолог. – Нарисовать этот... экземпляр?

– Это возможно. В спокойной обстановке.

«Ну, эти двое друг друга нашли», – умиротворенно подумал Андрей.

Вышли на берег озера. Вода отступила, обнажив песчаный пляж шириной метров в пять.

– Господи, красота-то какая! – развел руками Терпсихоров. – Валера, ты как это место ощущаешь?

– Глубину померить надо, – тихо откликнулся Мальцев. – Тут, похоже, разлом.

– Глубина здесь очень приличная – два шага от берега, и надо плыть – дна нет. Вода почти всегда холодная, – сообщил полковник.

– Ага, – кивнул Дима-лаборант, – скос берега замеряем, а там и глубину вычислим. Лодку бы...

Исследователи расположились на травке, начали соединять ящики кабелями и присоединять провода, на конце которых болтались какие-то штуки, вроде микрофонов. Андрей сидел на траве поодаль, мысленно делал заметки для будущей статьи.

– Андрюш, ты у нас самый мощный, – попросил Терпсихоров. – Зашвырни датчик в пучины, а?

Это был приборчик величиной с гусиное яйцо, на леске.

– Во, Димон, щас мы твоего ящера на него как на мормышку выловим. – Андрей бросил яйцо.

Прибор описал длинную дугу, плюхнулся в воду, разогнал круги.

– Не смешно, – надулся криптозоолог.

– Обиделся, что ли?

– Это ж святое, – проникновенно разъяснил Терпсихоров.

– Извини, друг.

Леска с деревянной бухты все уходила и уходила в воду, щекоча ладонь Андрея, и, наконец, плавно остановилась.

– Ни фиги себе, – пробормотал Дима-лаборант, присаживаясь на корточках перед одним из ящиков. – Да тут в самом глубоком месте до тридцати метров дойти может. Просто Великий каньон!

– Данные хорошо идут? Ты все пишешь? – уточнил Терпсихоров.

– Обижаете, Феликс Феликсович.

Валерий Иванович куда-то ушел, оставил на песке цепочку ребристых следов. Дима, накручивая леску на катушку, вытягивал датчик из воды. Андрей чувствовал, как холодна пластмассовая нить. Прибор на ощупь казался вообще ледяным.

– Четыре градуса тепла на дне, – заметил Дима-лаборант.

– Тогда понятно, куда купальщики пропадали. Нырнут поглубже, в холодный слой попадут и хлоп! – судороги. И утопленников никогда не находили, потому что температура низкая. Покойники только после двенадцати градусов тепла всплывают, – сделал вывод полковник.

– Вот тебе и русалки-кусалки, – хмыкнул Терпсихоров, разводя руками.

– Фу, как прозаично, – поморщился Андрей. – Как вы меня, право, разочаровали, Пал Никитич и Феликс Феликсович.

Они еще несколько раз переходили с места на место, и Андрей охотно, по-мальчишески, швырялся датчиком. Вернулся зашоренный наушниками какого-то прибора Мальцев.

– Как вы себя чувствуете, Валерий Иванович? – поинтересовался Андрей.

– Прекрасно, – чуть слышно прошелестел Мальцев. – Я бы порыбачить сюда приехал.

– Так приедем! – грохнул Терпсихоров так, что Валерий Иванович чуть присел.

– Рыбалка здесь неважная, – заметил Никитич. – Мелочовки кошке на обед не наловишь, а крупняк редко попадает.

– Рыба здесь есть, – прошептал Мальцев. – Я ее чувствую. Она сейчас... поет.

Солнце начало клониться к закату. Исследователи потянулись назад к «газели».

– И чего с этим озером? – как бы между прочим осведомился Андрей, помогая грузить аппаратуру.

– Это станет ясно после компьютерной обработки, – задумчиво произнес Терпсихоров. – Геопатогенка здесь должна быть жуткая – с такой-то топологией, но вода экранирует излучение, поэтому ничего страшного нет.

– Старожилы говорят, вода то приходит, то уходит. Раньше на этом месте большое село стояло, – сообщил Андрей.

– А если вода уйдет, здесь очень даже нехорошо будет.

– Пал Никитич, вы говорили, деревню в шестидесятых отсюда переселяли? Когда подтопление началось? – уточнил у полковника Андрей уже в машине.

– А когда Хрущева сняли... Вот в шестьдесят четвертом озеро опять на место вставить начало, и всех переселили, кроме наших домов.

– Тогда картина ясна. Есть вода – нет патогенности, схлынула вода – пошло излучение, – кивнул Терпсихоров. – Циклический процесс.

«И мужики вымирают. Циклически», – подумал Андрей и спросил у академика:

– А это излучение – оно на наследственность влияет?

Они ехали по грунтовке.

– Оно на все влияет, хотя прямого соответствия с количеством врожденных патологий не выявлено. Но какие-то поломки в наследственном аппарате быть, конечно, могут.

«Значит, баба Катя родилась в такой год, когда там, как в Чернобыле, фонило, сама вредная выросла и внучке вредность передала».

– Ты чего загрустил, Андрюша? – спросил Терпсихоров. – Устал?

– Да все устали... Я завтра вам девочку одну покажу – у нее бабка из этих мест. А отсюда, Пал Никитич рассказывал, даже невест неохотно брали – они вдовели быстро.

– Да? – поднял брови академик.

– Это русалка-то наша? – обернулся Дима-криптозоолог.

– Ага. Только помалкивай, ладно? Она очень переживает, что тоже... как-то плохо на людей влияет.

– А это правда, что влияет?

– Правда. Только вы этого не подчеркивайте.

– Да чего там – померим, посмотрим, – легкомысленно махнул рукой зоолог. – Тут у вас вообще за...

Он не успел договорить: «газель» резко затормозила, всех кинуло вперед.

– У, блин, куда прешь, деревня! – зло выругался Дима-лаборант, сидевший за рулем.

Никто не видел, что произошло. Только справа от машины кто-то прошумел в кустах, и все затихло.

– Ты чего, Дим? – удивился академик.

– Да мужик какой-то под колеса сунулся! Из кустов возник. Как леший...

– Какой такой мужик? – прищурился академик.

– Бомж какой-то, заросший, черный... Мокрый, кажется.

Дима уже оправился от испуга и снова тронулся в путь.

– А как он был одет, не заметил? – спросил полковник как-то особенно.

– Не заметил... Или он вообще голый был? Такой заросший, что вроде даже и одетый... Я же его только так, по плечи видел. Глаза заметил.

– Какие, какие? – пристал к нему другой Дима.

– Дикие, горящие... По-моему, светлые... голубые.

– М-да, жаль, мы за ним не пошли.
– Нельзя, – как отрубил полковник.
– Почему? – поинтересовался Терпсихоров.
– Кто водяного коня встретит, даже увидит мельком три раза – заболит и умрет.
– А вы что, думаете, что это?…
– А кто же? Он и был. Выпугнули мы его… Так что мне каюк, ребята, – усмехнулся старый чекист. – Я-то его аккурат в третий раз встретил.

«А я – второй, если тот раз идет в зачет», – как-то отрешенно подумал Андрей, но вслух сказал возможно оптимистичнее:

– Да вы что – в такие басни верите! И видели вы его давно. Еще сто лет проживете.
– Посмотрим… Да мне не страшно. Я хорошо пожил. Останови, сынок. Я приехал. Они уже были на единственной улице поселка.
– Спасибо за помощь, Пал Никитич, – поблагодарил Андрей.
Старик кивнул и пошел к дому. Они посмотрели ему вслед и тронулись в обратный путь. Молчали всю дорогу.

Андрей нашел в редакции Бороду и верстальщика.
– Ну, как съездили? – обрадовался главный, поднимая на лоб очки для близи.
– Да хреново. Коня водяного из озера выгнали, он нам чуть под колеса не попал. А ваш приятель из органов в результате помирать собрался.
– Ты чего несешь, а? Вы что там, пикник устроили? Говори толком!
Андрей рассказал, что случилось на озере.
– Да, дела… Ну ничего, истина превыше всего.
– Машину мне на завтрашнее утро дадите? Мне надо людей своих отвезти на обследование.

– Бери, раз для дела.
Андрей сел за свободный Валин стол и позвонил Ксении Петровне. Договорились, что он заедет за ней, потом за Анной, и все вместе подъедут в гостиницу.
– Я устал и иду спать, Михал Юрич. Завтра меня не трогайте, я сильно занят буду.

Утром чувствительно постанывало правое плечо, которое Андрей либо отлежал, либо перетрудил вчера, швыряя датчик.

Ксения Петровна была готова, мило подкрашена, как на светский выход.
– А как Аня?
– Она у родителей, сейчас увидите.
– Что хоть там с нами делать-то будут?
– Температуру померят, – усмехнулся Андрей, открывая дверцу машины. – Вчера у озера мерили, сегодня у вас с Аней – для сравнения.
– Правда, что ль? И как?
– Очень низкая, почти как в Арктике. Посмотрим, как у вас.
Анна К. была одета в тонкий свитерок и джинсы.
– Хорошо выглядишь. Как спалось?
– Всю ночь гонки на машине снились.
– Ты ж у нас бедовая.
– Да, я вчера деньги ходила получать по месту временной работы, – нехотя сказала Анна. – Наш друг Реваз попал в больницу с передозом. Мне под большим секретом девчонки тамошние сообщили.
– Ну и пусть его. Нам-то что?
Они спустились к машине.
– Здравствуйте, Ксень Петровна… Сынок ваш вернулся домой?
– Вернулся, Анечка.
Пока ехали до «Интуриста», женщины о чем-то шептались на заднем сиденье.

Все приборы были снесены в номер, где жили оба Димы.

– Привет русалкам! – весело приветствовал гостей Дима-криптозоолог.

Анна К. поморщилась, а Ксения Петровна пожала плечами.

– Это Ксения Петровна, ясновидящая, и Анна... – Андрей чуть замялся, – мой коллега, журналист.

Дима-лаборант уже налеплял на Ксению Петровну какие-то датчики. Анна сидела рядом, подозрительно наблюдала за процессом, словно боялась, что ученый обидит ясновидицу.

– Ребята, вы б шли отсюда? Набилось тут вас, – бранчливо процедил он.

– Да, Андрей Викторович, пойдемте. Дима сам справится.

Терпсихоров увел его к себе в соседний номер. Там Валерий Иванович что-то ваял на ноутбуке. Рядом сидел Дима-зоолог.

– Расскажите, что там с нашим озером.

– Да там много интересного... Вон сделали схему строения – прямо Байкал в миниатюре.

– Дадите списать картиночку для статьи? Больно красиво.

Озеро на цветной схеме представляло собой растянутый полумесяц, остро вдавленный в земную кору.

– Тут может находиться целая система подводных пещер, из-за которых и происходят колебания уровня воды.

– А звероящеры?

– Ну, перемещения каких-то крупных объектов мы не обнаружили, – помрачнел академик.

– Но это не значит, что их нет, – запальчиво вставил Дима.

– Резонно, но не доказано.

– А кого тогда мы на дороге видели? – не унимался зоолог.

– Я никого не видел, – пожал плечами Терпсихоров.

– А я видел, как кто-то по воде бегал, еще весной, и потом в кусты улепетнул, – сообщил Андрей. – Так что я с вами на озеро ни ногой. А то, если я его в третий раз пугну, мне хана, конечно, если товарищу из органов верить.

В дверь сунул голову Дима-лаборант.

– Я с девушками закончил... в принципе...

– И чего?! – вскочил Андрей.

– Обработка покажет. Вроде все как у людей.

В коридоре столкнулся с Ксенией Петровной и Анной.

– Дамы, если подождете полчасочка, я вас по домам развезу. В холле посидите?

Обе запротестовали.

– Мне на работу, – сказала Ксения Петровна. – Это здесь недалеко.

– А мне работу искать надо, – в тон ей повторила Анна. – Это неблизко.

Они подошли к лифту.

– А чего искать? – пожал плечами Андрей. – Борода тебя с милой душой в штат возьмет. Поговоришь? Он сейчас в редакции.

– Я подумаю.

Они уже были в нарядном интуристовском холле.

– Завтра созвонимся – расскажу, как и чего.

Андрей помог эниологам загрузиться в «газель», подъехал с ними к редакции, и они попрощались до вечера.

В редакции был один главный.

– Сделали номер, Михал Юрич?

– Ага, Валя пленки повезла. Как дела у твоих гостей?

– Вечером результаты исследований будут. Валерий Иванович их сейчас трактует на

компьютере.

– Этот тихий-то?

– Да. К вам Аня Коваленко не заходила?

– Нет. А должна была?

– Она работу ищет, я сказал, что вы не против с ней снова сотрудничать.

– Нет, не была... Но пусть приходит. Ты трудиться еще сегодня будешь?

– А куда я денусь? Материала куча.

– Тогда сиди, а я пойду.

Главный ушел, Андрей заставил себя сесть за компьютер – выдавливать отчет о работе эниологов. Его гнусно отвлекали телефонные звонки, которые, как он заметил, без Вали бренчали куда чаще, чем при ней.

Было четыре дня, когда Андрей решил, что хватит, можно побеспокоить ученых, которые должны вернуться с объекта.

– Я подбегу сейчас – как вы, в состоянии беседовать?

– Беседовать я в состоянии всегда! – раскатисто ответил Терпсихоров.

Андрей представил выражение лица Мальцева.

– Никитича твоего мы не застали, дом заперт, – сообщил академик, встречая его на пороге.

– А конягу не видели?

– Нет, значит, еще раз можно наведаться. Пойдем потолкуем за чаем и компьютером.

Мальцев вывел на дисплей ноутбука какие-то графики и забился в дальний угол, пока академик гулко вещал Андрею о эниотопологии района. Наконец удалось вклиниться с вопросом о результатах утренних опытов над людьми.

– Диму кликни мне... Дим, что у нас там с утренними гостьями?

– Все на компьютере... Дайте я сам файлы открою, а то вы чего-нибудь не то сделаете.

– Ну, что мои девушки? – начал терять терпение Андрей.

– А что девушки? Девушки как девушки... Не понимаю, чего ты их приволок. Совсем обычные девчонки. Ну, эту беленькую я б, конечно, подкормил немного, и нервишки у нее не фонтан... Но в целом норма. И тетенька в порядке для своего возраста... Чего ты говорил – она экстрасенс?

– Вроде да, ясновидящая. Я сам проверял. Как она сказала – все так и было, не ошибается.

– Ну, не знаю... Она кто по специальности?

– Бухгалтер.

– Во, на это она тянет! Самую у нее малость повыше показатели, чем у меня. А я точно не экстрасенс.

– И слава богу, Дима, – задумчиво пробормотал Терпсихоров.

– Ты ничего не путаешь? Это очень важно, особенно для этой беленькой. Тетенька сама от своего ясновидения всегда отказывалась. А у этой девчонки проблемы... с общением... большие проблемы.

– Да нет, хорошая, здоровая девочка. Только рожать ей. Дискету принес? Я тебе их файлы спишу, только они на твоём компьютере без динамики будут – просто графика.

– Пусть, динамики мне и так выше крыши. Вы завтра опять на озеро?

– Да, с утра.

– Можно с вами парнишку одного отправить? Я его на журналиста учу. Он шустрый, пригодится... датчики метать.

«Если кто-то и способен изловить этого оборотня, так это Павлючок».

– Давай, нам каждая пара рук нужна, – согласился академик. – Ты же нас кинул.

Андрей тут же дозвонился до Павлючка и сказал, что, если тот хочет принять участие в исследованиях, должен прибыть в гостиницу к девяти утра.

– А вы будете, дядь Андрей?

– Я тебя вместо себя и посылаю. Спецкором.

– Правда? Вот здорово!

Домой Андрей шел не торопясь, обдумывал, что ему сказал лаборант.

«С Анной все в порядке?! Нормальная, здоровая девчонка?... Да, на меня она не влияла или почти не влияла. Потому что рядом всегда или почти всегда была Ксения Петровна? А что Ксения Петровна? Почему у нее ничего не обнаружили – среднестатистическая бухгалтерша... Или это?...»

Ведь что-то наподобие этого уже приходило ему в голову... До дома он добрался почти бегом. Почти сразу зазвонил телефон. На проводе была Анна.

– Я от соседки. Как там... мои дела?

– Ты стоишь или сидишь?

– Стою.

– Сядь!.. Так вот, эти ученые ничего особенного у тебя не обнаружили. Сказали – нормальная девочка, только нервишки поправить.

Она вздохнула:

– Я тебе говорила, что все это ни к чему.

– Неправда!.. У Ксении Петровны – тоже почти норма, тоже ничего особенного нет. Бухгалтер без особых примет.

– И что теперь? Чего ты радуешься?

– А то! Я думаю, вы с ней много беседовали, общались... Может, это по типу сообщающихся сосудов произошло – что у нее было лишнее, перешло к тебе?

– Хочешь сказать – я откачала у нее энергию?

– Да нет, зачем так... Она никогда не стремилась к карьере экстрасенса – я сам ее уговаривал, а она ни в какую. Просто то, что ей было не очень нужно, передалось тебе. Невольно. Она же добрая...

– Да, она душенька. Ты думаешь, она как бы компенсировала мой дефект?

– У меня нет других объяснений.

– Ты считаешь, я теперь не опасна для окружающих?

– Думаю, да. Ученые официально признали тебя нормальным гражданином. У нас нет оснований им не верить.

– А Ксении Петровне ты о результатах говорил?

– Пока нет.

– А будешь?

– Что я скажу – вы больше не ясновидящая? Она никогда за это и не держалась. Твердила, что ее способности – это жизненный опыт и наблюдательность.

Анна молчала.

– Алло! Ты здесь?

– Да... Ведь я тебе говорила – мне она ничего предсказать не смогла. Знаешь, все так неожиданно... Мне надо это обдумать... Потом созвонимся, хорошо? Я тебе ужасно благодарна...

– Спокойной ночи.

На другом конце нервозно затюкал отбой. Андрей положил трубку.

«Вот все и кончилось... – подумал устало. – С Анной К. все в порядке, на нее уже никто не охотится. И я в ее жизни – прошлый и не самый приятный эпизод, о котором надо поскорее забыть...»

Эта мысль то и дело возникала у него в голове, пока он провожал в Москву ученых и заканчивал первую из серии статей об экспедиции.

Были там и дышащее век от века озеро, и русалки-чаровницы, пачками губившие обожателей, и найденный в кустах у озера пронырой Павлючком клочок жесткой бурой шерсти, который трепетный Дима-криптозоолог увез в Москву на экспертизу, и то, как полковник в третий раз встретил водяного коня и оказался в областном госпитале с язвой

желудка, которой у него сроду не было по причине неизбывной трезвенности.

Прошло уже четыре дня со времени их последнего разговора. Анна не звонила. Андрей ждал. Может, с течением времени острота неприятных впечатлений сгладится, он перестанет быть для нее частью горестей, и девушка сможет взглянуть на их отношения другими глазами...

«Чем она сейчас занимается? Ищет работу? Или вспомнила, что она журналист, нашла тему и вот-вот придет в редакцию с материалом?»

Андрей не выдержал, в понедельник вечером все-таки зашел к Анне домой. Оказалось, она решила сменить фамилию на девичью – Озерных, сообщила ее мама. Хлопочет о новом паспорте.

«В восемь вечера?!»

– Я передам, что вы приходили, – торопливо заверила его мама. – Она вам обязательно позвонит.

«Ну хорошо, хоть никуда не сбежала. А насчет паспорта – это она зря. Есть куда более приятный способ сменить фамилию».

Анна не позвонила ни через два дня, ни через неделю. Валя с Бородой спрашивали, отчего Андрей такой грустный, а он отговаривался сложностью работы над сугубо научным материалом.

В пятницу утром Андрей пришел в редакцию попозже, нашел на своем столе заклеенный конверт без марки с надписью незнакомым почерком: «Андрею Полевому, лично».

– Это что – взятка?

– Вряд ли. Конверт больно худой, – улыбнулась Валя и добавила: – Аня Коваленко заходила.

– Аня?!

– Да, рано совсем. Сказала – на тот случай, если тебя не застанет.

«Вот и не застала».

Андрей отошел к окну, чтобы приглядчивая Валя не видела его лица, одревеневшими пальцами открыл конверт, прочел написанные ровным учительским почерком строки:

«Андрей, дорогой, извини, что я уезжаю не простившись, это ненадолго. Мне нужно проверить – ты сам знаешь что. Я устроилась воспитательницей в детский лагерь. Не надо меня разыскивать, хорошо? Я вернусь и найду тебя сама. Спасибо за все, что ты для меня сделал. Будь счастлив.

Анна О. ».

Андрей перечитал письмо еще раз, засунул в конверт и бросил в ящик стола.

– Все в порядке? – спросила Валя.

– Пишет, что едет работать в детский лагерь и, когда вернется, навестит.

– Она же педагог по образованию. У меня парень тоже через пару недель едет отдыхать. Лишь бы лето хорошее было.

«Да, лето... – вздохнул, отворачиваясь к окну, Андрей. – Тема на лето у меня уже есть. Дождаться Анну О.».